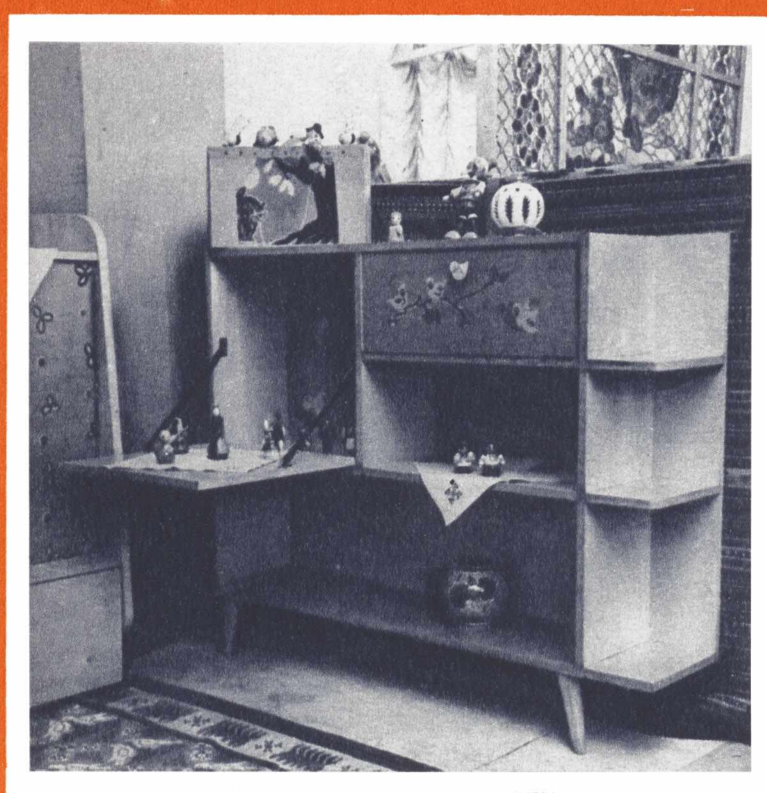
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

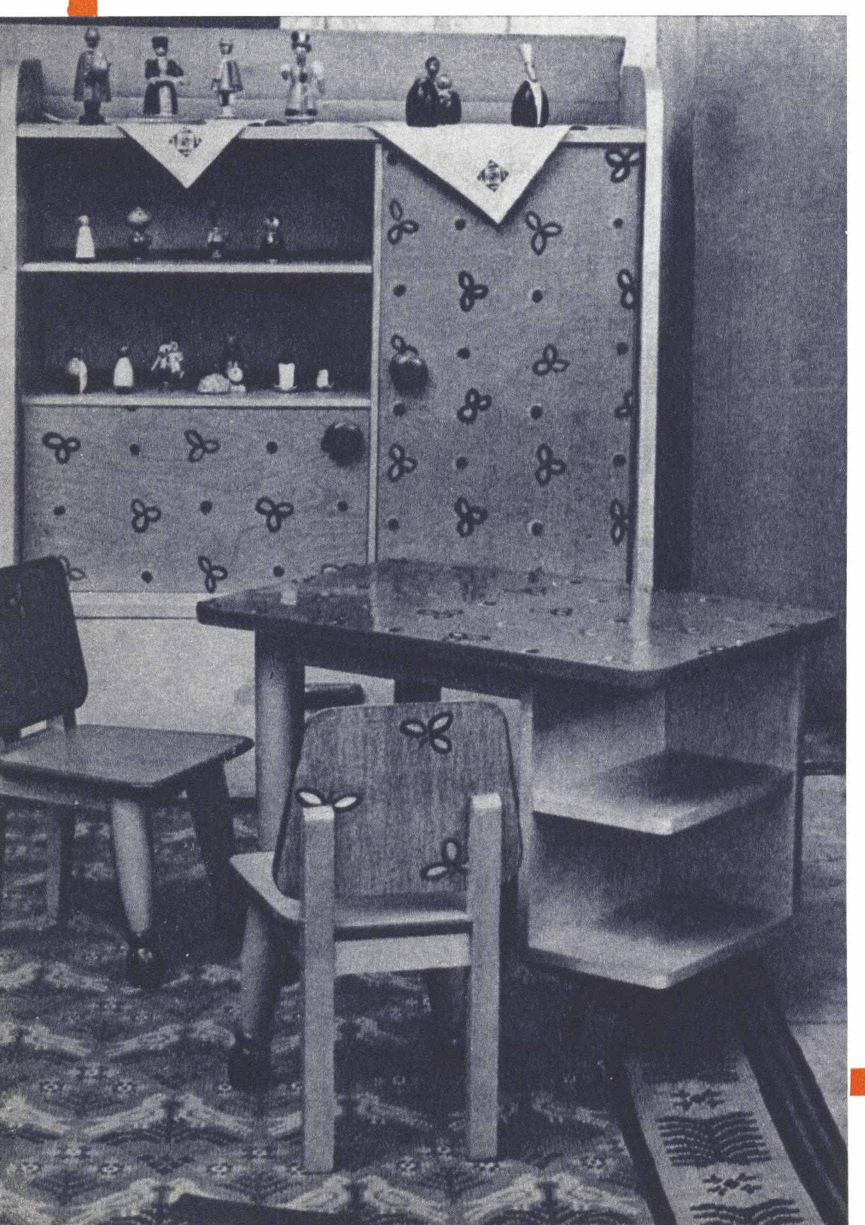


В. А. Горбунова. ДЕТСКИЙ ШКАФ

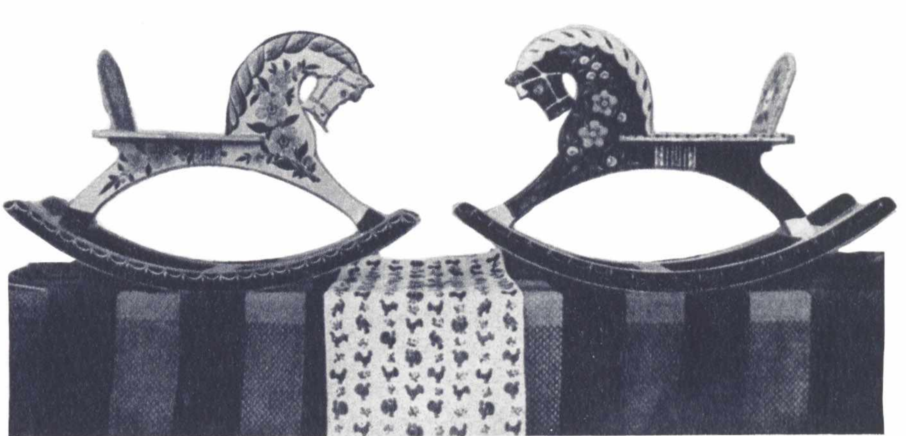
ДЕТСКИЙ уголок

Прикладное искусство на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Октября.

Л. В. Мананникова. КОМПЛЕКТ ДЕТСКОЙ МЕБЕЛИ.



Ю. И. Антонов. СТОЛ-ПАРТА.



Е. И. Воронцова. КОНЬ-КАЧАЛКА.

На первой странице обложки: Школа кулинарного ученичества в Москве. Лида Пескова сдала экзамен.
Фото С. Фридлянда.

На последней странице обложки: Лыжники на тренировке.
Фото Б. Уткина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 8 (1601)

16 ФЕВРАЛЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МОГУЧЕЕ ЕДИНСТВО

«От Москвы до самых до окраин» идет подготовка к выборам в Верховный Совет. Это важное событие в жизни страны трудящиеся встречают в обстановке политического и трудового подъема. Повсюду оживленно обсуждается Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям, в котором с исчерпывающей ясностью разъяснена внутренняя и внешняя политика партии, подведены итоги развития страны за минувшие четыре года и поставлены новые величественные задачи.

День выборов будет еще одной убедительной демонстрацией единения Коммунистической партии, Советского правительства и всего народа.

Сталевары и рабочие мартеновского цеха Закавказского металлургического завода имени Сталина в Рустави беседуют со своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР сталеваром мартеновского цеха Шота Шубитидзе. Слева направо: Г. Кежерашвили, Ф. Халилов, Б. Вегиашвили, А. Заридзе и Ш. Шубитидзе.

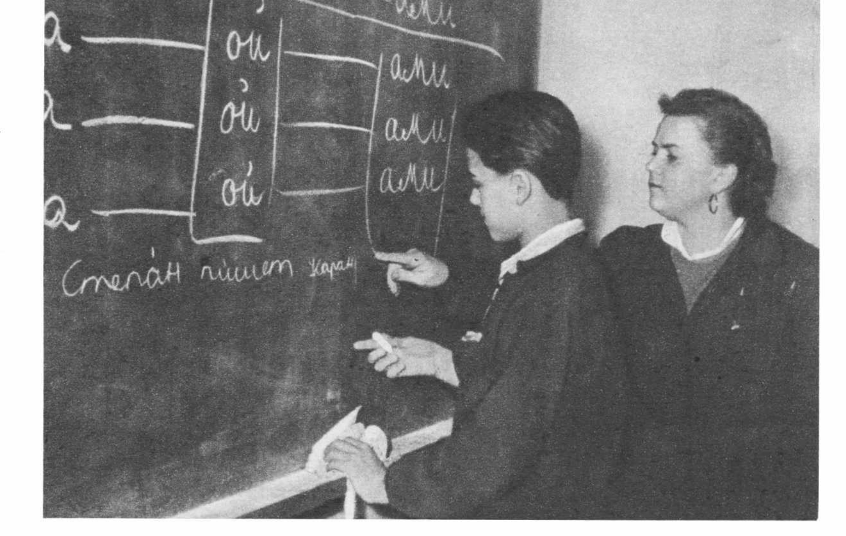
Фото Е. Умнова.

Село Шеляухово, Городецкого района, Горьковской области. В избирательном участке проходит семинар агитаторов. Им руководит парторг артели «Судостроитель» Ю. М. Карзанов.

Фото А. Горячева.

Коллектив Уральского завода тяжелого машиностроения выдвинул кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР кадрового уралмашевца, беспартийного рабочего-зубореза Александра Ивановича Храмцова. На снимке: А. И. Храмцов (слева) и мастер цеха А. С. Скороходов за обсуждением рабочего чертежа детали.

Фото И. Тюфякова.



→

18 февраля исполняется десять лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой. Венгерский народ отмечает годовщину подписания договора в обстановке дальнейшего укрепления народно-демократического строя и роста хозяйства республики.

Недалеко от Будапешта, в районе Ваца, в бывшем помещичьем имении, создан детский городок, где воспитание и обучение проводятся по системе выдающегося советского педагога А. С. Макаренко.

На снимке: учительница Дьюлане Эрдеи ведет в школе детгородка урок русского языка.

Фото спецкора журнала «Огонек» Б. Кузьмина.

10 февраля в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручил делегации работников редакции «Комсомольской правды» орден, которым награждена газета в связи с выходом 10-тысячного номера. На снимке: К. Е. Ворошилов вручает орден. Принимает орден главный редактор газеты А. И. Аджубей.

Фото В. Савостьянова.

→

В Колонном зале Дома союзов открылся IV Всесоюзный съезд Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ). На съезде присутствуют делегации оборонно-спортивных организаций Китая, Албании, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кореи, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии.

На снимке: генерал-лейтенант Александру Параскив (Румыния) и генерал-лейтенант Ченек Грушка (Чехословакия) среди делегатов съезда.

Фото Р. Лихач.

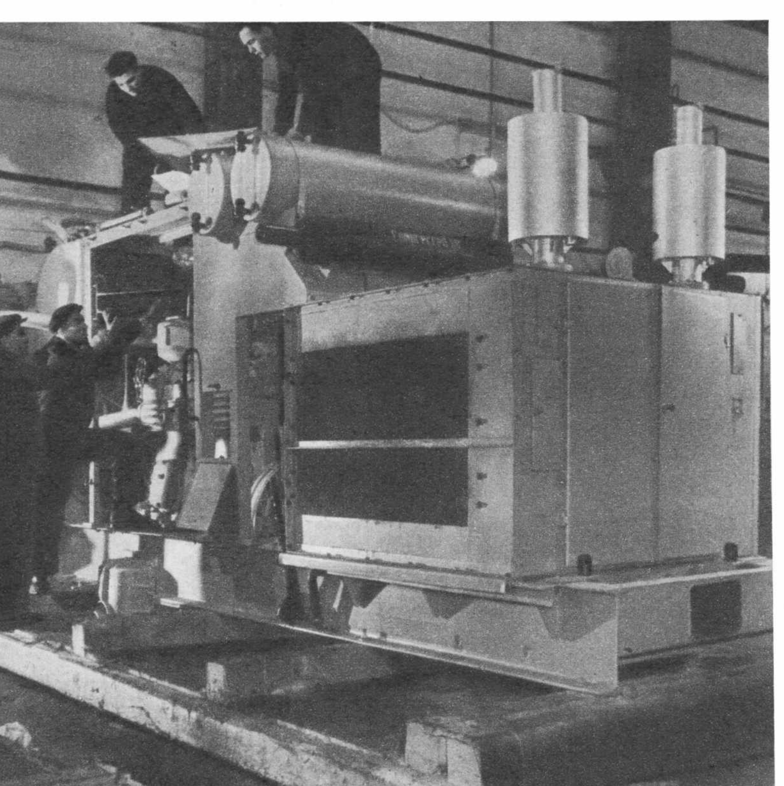
→

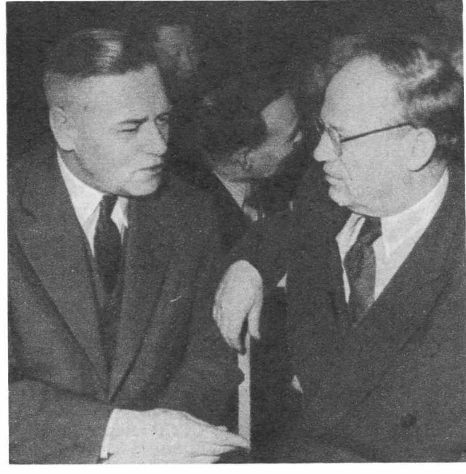
11 февраля в Москве состоялось открытие мемориальных досок на доме № 14/16 по улице Чкалова и на доме № 6 по Художественному проезду, где жил и творил выдающийся советский композитор Сергей Сергеевич Прокофьев. На снимке: открытие мемориальной доски на доме по улице Чкалова. На митинге выступает генеральный секретарь Союза советских композиторов Т. Н. Хренников.

Фото Ф. Короткевича.

Московский машиностроительный завод «Борец» закончил изготовление для Индии мощных передвижных компрессорных установок «УКП-80». На снимке: последние работы перед отправкой компрессора.

Фото Ф. Короткевича.





11 февраля в Москве открылся IV пленум правления Союза писателей СССР. На снимке: писатели Вилис Лацис и Петрусь Бровка в зале заседаний.

Фото Г. Санько.

Председатель финансовой комиссии сената США Гарри Бэрд рассматривает новый американский бюджет, держа в руке модель атомной ракеты. Воистину символический снимок!

Участники фильма «Поединок», созданного по повести А. И. Куприна, встретились на днях с дочерью великого писателя — Ксенией Александровной. Артистка Куприна поделилась со своими новыми друзьями воспоминаниями об отце. На снимке: режиссер-постановщик фильма «Поединок» В. М. Петров, К. А. Куприна и артистка И. К. Скобцева — исполнительница роли Шурочки.

Фото В. Уварова.

В Кавголове, под Ленинградом, разыгрывался чемпионат СССР по прыжкам с трамплина и двоеборью.

На снимке: один из моментов состязаний.

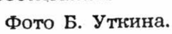


Фото Б. Уткина.

В начале Великой Отечественной войны во Фрунзенском районе Москвы была сформирована дивизия народного ополчения. Она храбро сражалась под Москвой и затем влилась в состав кадровой дивизии Советской Армии.

Прошло много лет. И вот накануне сороковой годовщины Советских Вооруженных Сил в Центральном музее Советской Армии встретились ветераны Фрунзенской дивизии. На встречу пришли и пионеры 34-й школы Фрунзенского района.

На снимке: Герой Советского Союза П. И. Горячев вручает знамя дивизии пионерам 34-й школы. Целует знамя пионерка Таня Гнухаева.

Фото А. Бочинина.

Государственный оперный театр Германской Демократической Республики поставил на своей сцене оперу «Ревизор» по одноименной бессмертной комедии Н. В. Гоголя. Автор музыки — проживающий в Западной Германии видный немецкий композитор Вернер Эгк. В спектакле заняты лучшие силы Берлинской оперы. По общему признанию, наибольшей удачи достиг в роли Хлестакова Гергардт Штольце, обладающий отличным голосом и большим комедийным дарованием.

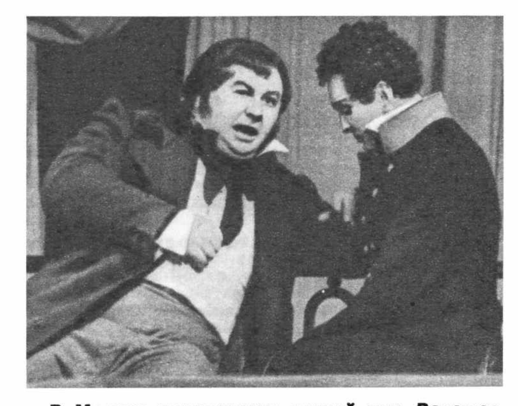
На снимке: Марья Антоновна — Ингеборг Венглор и Хлестаков — Гергардт Штольце.

Сельский клуб колхоза имени XX партсъезда и подсобного хозяйства Морозовка, Химкинского района, Московской области, совместно с Союзом московских художников открыл первую в Советском Союзе сельскую картинную галерею. В ней сейчас 60 картин художников А. Бубнова, С. Герасимова, С. Дудника и других. На снимке: колхозники осматривают выставку. Художник Е. Соколов дает пояснения к картинам.

Фото Ф. Короткевича.

Военные атташе иностранных государств, аккредитованные в Москве, в прошлое воскресенье участвовали в охоте на лосей, организованной для них. Героем охоты стал военно-воздушный атташе Италии Марио Бачич, метким выстрелом уложивший лося. На снимке: помощник военного атташе Турции подполковник Угур (слева) поздравляет М. Бачича с успехом.

Фото А. Сербина.



В Москве закончился второй тур Всесоюзного фестиваля детских театров, в котором приняли участие лучшие театры юного зрителя, прибывшие из союзных республик, а также Ленинграда, Новосибирска, Саратова. Спектакли прошли с большим успехом, были тепло встречены зрителями.

На снимке: «В садах лицея» Д. Дэля в Ленинградском государственном Театре юного зрителя. Жуковский — Р. Лебедев, Александр Пушкин — Е. Шевченко.

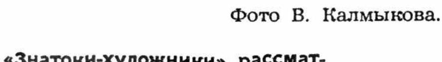
Фото В. Калмыкова.

Во время последней сессии японского парламента перед его зданием в знак протеста против политики правительства Киси сидел японец в бочке с ледяной водой. Он утверждал, что политика правительства такая же ледяная, как вода.

Фото «Джэпэн пресс».

На чайных и цитрусовых плантациях Аджарии развернулись весенние работы. На снимке: опрыскивание мандариновых деревьев в колхозе имени Калинина, Кобулетского района.

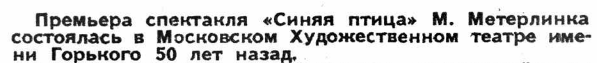
Фото В. Бабаяна (ТАСС).



«Знатоки-художники» рассматривают в Московском Доме пионеров, где открыта выставка рисунков детей Эфиопии, работы своих далеких коллег.

Выставка, которая очень непосредственно, живо и выразительно рассказывает о жизни и быте народа Эфиопии, пользуется большим успехом: каждый день ее посещает около трехсот человек.

Фото Б. Кузьмина.

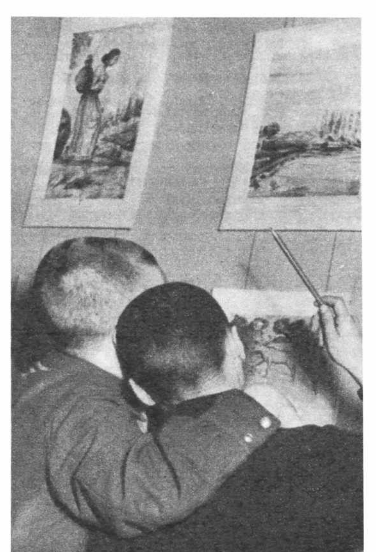


Премьера спектакля «Синяя птица» М. Метерлинка состоялась в Московском Художественном театре имени Горького 50 лет назад.

1 500-й спектакль «Синей птицы», состоявшийся на днях, посетила первая исполнительница роли мальчика Тильтиля Софья Васильевна Халютина.

На снимке: заслуженная артистка РСФСР С. В. Халютина, Митиль — Н. И. Гуляева, Кот — народный артист РСФСР А. М. Комиссаров, Тильтиль — заслуженная артистка РСФСР А. М. Комолова.

Фото В. Пульвер.



На снимке, сделанном в Дюссельдорфе (ФРГ), запечатлен французский художник Жорж Матье у своего «полотна», которое он назвал «Похищение Генриха IV». «Картина» создана Матье в течение часа на глазах у пораженных студентов Академии художеств, которым художник демонстрировал свою «технику письма», орудуя тремя кистями сразу и пуская струи краски на холст с расстояния 10 футов. Таким образом, западное абстрактное искусство обогатилось еще одним «шедевром», за который Матье тут же было предложено... 1 800 фунтов стерлингов.

ДВАЖДЫ чемпионка мира

Иван ГОРЕЛОВ

Фото Б. Уткина.

Высокая, стройная, с открытым лицом и ласковыми, улыбающимися глазами, Инга Артамонова поспешно идет к машине.

Зеленый венок из живых веток благородного лавра приходится ей поднимать высоко над головой, на всю вытянутую руку. Роем несутся за нею школьники города Кристинехамна. Резвые мальчишки в коротеньких куртках с пристегнутыми капюшончиками, русоволосые розовощекие девочки в узеньких брючках и тоже в защитных капюшончиках тянутся к венку и одновременно протягивают записные книжицы разных размеров. Они запросто кричат чемпионке, будто своей давней знакомой:

— Инга, скрив, Инга, скрив! [1].

Инга садится в машину и, приоткрыв дверцу, берет детские записные книжки. Первым счастливцам она полностью пишет свою фамилию и еще приписывает внизу: «Москва». Но проходит несколько минут, и группа собирателей автографов вырастает почти вчетверо. Инга успевает ставить лишь одну букву «А» с каким-то замысловатым стенографическим хвостиком. Машина трогается к отелю.

Инга облегченно вздыхает и говорит:

— Понимаете, как повезло нам. Ехали сюда, в этот чудесный гостеприимный городок Швеции, и кое-где видели лужи воды. На другой день смотрим — морозец. А через день — настоящий мороз. Вчера, в первый день соревнований, лед под нами гудел, как чугун. По-моему, он даже перемерз чуточку. Сегодня, когда мы бежали «тройку», лед стал легче, но был очень плотный. Будто не едешь, а летишь по воздуху. Немного мешал ветер. Глянешь на макушки сосен, они лишь лениво покачиваются. А внизу по ногам, прямо-таки хлещет поземка.

У гостиницы «Свеа», численького двухэтажного особняка, снова школьники и снова:

— Инга, Инга!

А хозяйка гостиницы госпожа Лангстрем, приветствуя наших девушек с победой, говорит растроганно:

— Ах, как хорошо, что мои гости — победители, ах, как жалко, что вы уедете, я полюбила вас!

Два дня — 8 и 9 февраля — небольшой промышленный городок Кристинехамн, лежащий на берегу огромного озера Венерн, был центром внимания спортивной общественности. Из далекой Австралии, из солнечной Японии, из Китая, Польши сюда поминутно летели телеграммы, депеши и послания. Междугородная телефонная линия была занята беспрерывно.

На стадион приехали жители многих уголков Швеции. Особенно много приехало жителей провинции Вермланд, которые вместе с общественностью города любезно согласились принять у себя сильнейших спортсменок мира.

Городок в этот день принарядился. От небольшого вокзала до стадиона «Бьеркваллен» на двухкилометровом пути приветственно машут национальные шведские флаги — голубые с желтым полотнища. Здесь собрались скороходки десяти стран. Даже Австралия прислала свою представительницу, радушную и чуточку застенчивую Жанну Нейль.

От великого Китая на соревнования приехали четыре спортсменки. Столько же от Финляндии и от Польши. Шестеро от Швеции, шестеро — от Советского Союза. Япония впервые за много лет прислала сюда отличную конькобежку Хатцу Такамизаву.

Несколько удивило спортивных обозревателей то, что Голландия и соседняя Норвегия (лежащая в 200 километрах от Кристинехамна) прислали лишь по одной представительнице.

В субботу соревнования проходили на 500 метров. Сильнейшие определились в первые же минуты. Тамара Рылова прошла эту дистанцию за 47,6 секунды. Второй была Софья Кондакова и третьей Римма Белова. Инга Артамонова проиграла Рыловой почти две секунды.

Вспомнились слова Инги, сказанные после соревнований: «И тихо было в субботу, и лед хороший, а вот «пятисотку» шла почему-то с нервами, особенно первую «сотку».

В беге на 1 500 метров лучшее время показала Артамонова — 2 минуты 34,3 секунды. Второе место заняла Рылова.

По сумме двух дистанций все же первенствовала Рылова.

В воскресный день на стадионе было еще больше зрителей. Фотокорреспонденты, кинооператоры уже заранее, улучив момент, ловили в объективы советских спортсменок. Зрители тепло приветствовали австралиек и китаянок. Их появление на льду то и дело встречалось бурными овациями.

Школьники, собравшись группами, подолгу рассматривали автографы китаянок, написанные лесенкой, сверху вниз.

И вот снова играют фанфары. Сегодня продолжение соревнований.

Свен Лофтман, президент шведского Союза конькобежцев и вице-президент Всемирной федерации, подходит к пьедесталу почета и вручает букеты красных гвоздик и медали вчерашним победительницам: Рыловой, Кондаковой, Беловой и Артамоновой.

И снова приветственно гудит стадион, встречая пару за парой. В беге на 1 000 метров первые пять мест занимают советские спортсменки: Артамонова, Кондакова, Белова, Рылова и молодая ленинградская скороходка Галина Савинцева.

И, наконец, решающая дистанция — 3 000 метров.

Мороз крепчает. Но в тонкостенных сборных вагончиках, заботливо собранных лишь в пятницу, 7 февраля, мастерами Кристинехамна, очень тепло. Здесь отдыхают наши спортсменки.

На последней дистанции участвуют лишь восемь пар. На льду в первой паре Тамара Рылова и германская скороходка Хельга Хаасе. Рылова показывает на первых кругах отличное время. Радиокомментатор подбадривающе объявляет об ее успехах и предсказывает, что Рылова может стать чемпионкой мира, если удержит этот темп. Рылова показывает время 5 минут 42,8 секунды.

Во второй паре идет Софья Кондакова, но ей не удается улучшить результат.

В третьей пошла Артамонова. Пошла уверенно, темпераментно. С ней бежит спортсменка из Германской Демократической Республики, ее тезка — Инга Гермер.

По радио пустили заунывный фокстрот. И вдруг его обрывают, и голос диктора громко объявляет:

— Артамонова идет лучше Рыловой на одну секунду.

Снова молчание. Ветер уносит за озеро взрывы аплодисментов.

— На четыре секунды лучше Рыловой...— Снова аплодисменты.— На шесть секунд... На семь секунд...

Аплодисменты не смолкают.

Остается последний круг. А диктор говорит громким, уверенным голосом:

— Смотрите, смотрите! Вы видите перед собой чемпионку мира по конькам. Это Инга Артамонова.

И снова раздаются сейчас уже все заглушающие аплодисменты.

Китайские друзья встречают Артамонову и крепко пожимают ей руки.

На банкете трудно было узнать участниц соревнований. Вот прошла элегантная, стройная китаянка в шелковом платье, вот представительница Японии в национальном фиолетовом платье с крупными белыми цветами, похожими на раскрытые зонтики. В центре внимания наши девушки.

Победительницам торжественно вручают медали. Затем представители города преподносят подарки всем спортсменкам.

А за окнами школы, где проходил банкет, ярко горят спортивные факелы.

Кристинехамн, Швеция.

[1] Скрив — напиши.

НА ЖЕРЕБЬЕВКЕ

Доска с результатами жеребьевки. На пятой табличке сообщается: «Гетеборг 8/6 в 19.00— Англия — Советский Союз».

В стокгольмском цирке состоялась жеребьевка команд — участниц чемпионата мира по футболу. Жеребьевка была вмонтирована в эстрадную субботнюю программу, которая передавалась по телевидению.

Программа началась веселой песенкой, которую пели все зрители цирка.

После нескольких эстрадных номеров на арене появились шестнадцать девушек в национальных костюмах, которые прошли мимо зрителей с цветами и названиями стран — участниц соревнований. Они шли в алфавитном порядке: Австрия... Бразилия...

После этого снова эстрадные номера: выступления спортивной группы, которая показала вольные упражнения с мячами.

Послышались фанфары. Они исполняли мелодию шведского композитора Э. Черрмана.

Затем началась жеребьевка. Из серебряной вазы извлекались маленькие футбольные мячики, в которых находились билеты. Тут же была вывешена доска с результатами жеребьевки.

В ПЕРВУЮ ГРУППУ вошли: Западная Германия, Аргентина, Чехословакия, Северная Ирландия.

ВО ВТОРУЮ ГРУППУ: Франция, Парагвай, Югославия и Шотландия.

В ТРЕТЬЮ ГРУППУ — Швеция, Мексика, Венгрия, Уэльс.

Наконец, В ЧЕТВЕРТУЮ: Австрия, Англия, Бразилия, СССР.

Советская команда 8 июня в Гетеборге играет с Англией. 11 июня в Буросе — с Австрией и 15 июня в Гетеборге — с Бразилией.

В одном ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ

А. СТАРКОВ
Фото А. Гостева.

Интервью с председателем

Константин Константинович Яковлев, председатель Совета народного хозяйства Брянского экономического района, рассказывал:

— Самая первая телеграмма, которая легла на этот стол, была, знаете, телеграммой не очень-то приятного свойства для председателя совнархоза, только-только приступившего к исполнению своих обязанностей. Она пришла с Крюковского вагоностроительного завода и гласила: «Срываете поставку рам балок...» Еще не начали, можно сказать, работать, а уже срываем!

Вслед за этой телеграммой пришло еще несколько точно такого же содержания: из Днепродзержинска, Калининграда, Калинина. Отовсюду, где есть заводы, выпускающие грузовые и пассажирские вагоны. Для всех этих заводов Брянский сталелитейный — единственный, по существу, поставщик тележечного литья — рам и балок для вагонных тележек. До прошлого года брянцы исправно выполняли свои обязательства перед заказчиками. А затем Министерство путей сообщения изменило конструкцию тележки. Новая конструкция явно улучшала вагон, делала его прочней, устойчивей при больших скоростях. Но она требовала от литейщиков и совершенно иной технологии, требовала перестройки производства. А завод не был к этому готов. Долгие годы он лил тележки по одной технологии. И вдруг все надо было менять. Причем на ходу, не снижая плана выпуска. И завод стало лихорадить, пошел брак. Приемщики браковали чуть не половину литья. Заказчики стонали, и их можно было понять – есть кузова вагонов, а сажать их не на что: нет тележек.

Все это было мне известно еще как бывшему заместителю министра транспортного машиностроения. И, читая аварийные телеграммы, я понимал, что никто нам со стороны не поможет, что обращаться за помощью некуда. И ссылаться на трудности начального периода тоже не выйдет. Ни в начальный, ни в срединный, ни в какие другие периоды нам не позволят срывать кооперацию, держать в напряжении целую отрасль промышленности.

Времени для размышлений не оставалось. Нужно было действовать. И мы решили кооперацию внешнюю вытянуть, так сказать, кооперацией внутренней. На помощь сталелитейному двинули мы и наш Брянский машиностроительный — БМЗ, и завод дорожных машин — «Дормаш», и «Строммашину», и наши мелкие предприятия. Кто делал разливочные ковши вместо устаревших, кто детали к формовочной машине, кто опоки усовершенствованного типа, кто автоматическую установку для разрыхления сырой глины. Ну, понятно же, видя такую подмогу, напряглись, подтянулись и сами сталелитейщики. Правда, завод не совсем вошел в колею. Часть заказчиков еще в претензии к нему. Но мы продолжаем помогать заводу, и думаю, что он перестанет быть должником.

Содружество заводов, которые всем миром стараются вытянуть своего соседа, помочь ему, показывает, как велики наши внутренние резервы, какие огромные преимущества дает нам перестройка управления промышленностью.

Да, эти преимущества определились сразу же.

Прошло немногим более полугода, как мы работаем по-новому. А уже многое из того, что было прежде, вспоминается как что-то очень-очень далекое. И мы удивляемся: неужели это было?

Вот стоят у нас в Клинцах две фабрики рядышком: суконная и кожевенная. Двор у них общий, железнодорожная ветка общая, ну никак их не разделить. Да и владел ими когда-то один хозяин — Барышников, построивший кожевенную для того, чтобы снабжать трансмиссионными ремнями суконную... В наше время две эти фабрики принадлежали разным министерствам: легкой промышленности и текстильной. Когда министерства объединялись, фабрики входили в одно министерство, но в разные главки! И этого было достаточно, чтобы директора жили, как Иван Иванович и Иван Никифорович после ссоры. И не потому, что у директоров были скверные характеры. Их принуждали к этому обстоятельства.

Судите сами. Шерстяники и кожевники часто пользуются одинаковыми красителями. Но директор суконной не имел права поделиться из своих запасов с директором кожевенной, оказавшейся вдруг без необходимого красителя. И наоборот, директор кожевенной сидел, бывало, как собака на сене, на своих запасах, в то время как суконщик телеграфировал, названивал, слал толкачей в Москву, чтобы раздобыть нужную ему краску... Да если бы директор кожевенной и решился на такой подвиг, чтобы поделиться с соседями, то тут же был бы обвинен в «безнарядном отпуске» товаров и строго наказан...

...Теперь у фабрик один хозяин — совнархоз. Прежние отношения просто немыслимы.

А какие богатства лежали мертвым капиталом из-за местничества, из-за, я бы сказал, скопидомства министерств, которые держали на своих предприятиях колоссальные излишки материальных ценностей! Держали цепко, не выпускали из рук, замораживали... Наш совнархоз не из крупных, но и у себя, на наших заводах и фабриках,— стоило только чуть копнуть! — мы обнаружили таких излишков на 10 миллионов рублей. Что мы сделали? Провели инвентаризацию и выпустили печатный бюллетень, который так и назывался — «Перечень излишков материальных ценностей, подлежащих реализации». А затем состоялась и реализация.

Мы пригласили директоров, главных инженеров, работников снабжения в совнархоз на своеобразную «ярмарку». В зале заседаний стояли столы. За столами сидели сотрудники управления материально-технического снабжения. Они выписывали наряды всем желавшим приобрести станки, инструмент, металл, значившиеся в «перечне». Такое перераспределение ценностей мы будем проводить периодически, издавая время от времени бюллетень излишков. Будем посылать его и в другие совнархозы в надежде получать от них такой же. Перераспределение ценностей должно идти не только внутри экономического района, но и между совнархозами.

А планирование! Планирование по-новому, когда план рождается внизу, в цехах, на заводах, когда совнархоз окончательно «верстает» его, лишь посоветовавшись с сотнями, тысячами людей,— на рабочих собраниях, на хозяйственном активе, на секциях своего технико-экономического совета...

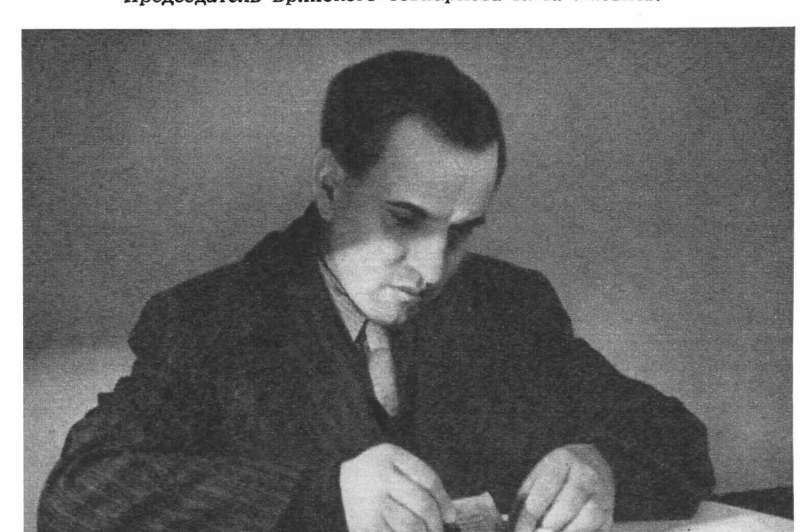
И тут должен я упрекнуть Госплан республики, который работает, мне кажется, старыми методами. Наш проект плана на 1958 год мы направили в Москву вовремя, а получили его утвержденным лишь во второй половине января. Перед тем как утвердить наш проект, Госплан вызвал большую группу работников совнархоза в Москву. Поехали. Провели там две недели в хождениях по отделам Госплана. А их множество, и это, по существу, министерства в миниатюре. Каждый из нас побывал примерно в 35—40 кабинетах Госплана. Все дни там была масса народа из совнархозов. Хочется, чтобы Госплан республики стал действительно подвижным, оперативным, мобильным органом.

...Глубоко, свободно дышит в новых условиях наша промышленность! Об этом вам все скажут. Поговорите с людьми. Поговорите с москвичами — с теми, кто приехал работать в совнархоз из министерств. Поговорите с местными товарищами, пришедшими к нам с заводов...

Интересно!

Первый же москвич, с которым я встретился, оказался, собственно, ленинградцем, и к тому же старым моим знакомым. Девять лет работал Владимир Васильевич Кожаринов директором ленинградского Металлического завода, знаменитого своими турбинами. Помнится, при каждой нашей встрече с Кожариновым в ту пору он уже не упускал случая покритиковать, упрекнуть главк, которому подчинялся завод. Владимир Васильевич не скрывал своих чувств. Он зло, гневно говорил о том, что главк — лишняя ступень, ненужная инстанция, только мешающая делу, что идти в главк — терять время: ни одного вопроса там не решишь, и все равно надо обращаться к министру или его заместителям. А вот прислать на завод бумагу — распоряжение, которое всех собьет с толку,— это

Председатель Брянского совнархоза К. К. Яковлев.



главк может. И вслед придет вторая бумага, отменяющая первую, и третья, отменяющая вторую... Словом, система главков имела в лице директора Кожаринова ярого, убежденного противника, который не изменил своим взглядам и после того, как был переведен с завода на работу... в главк.

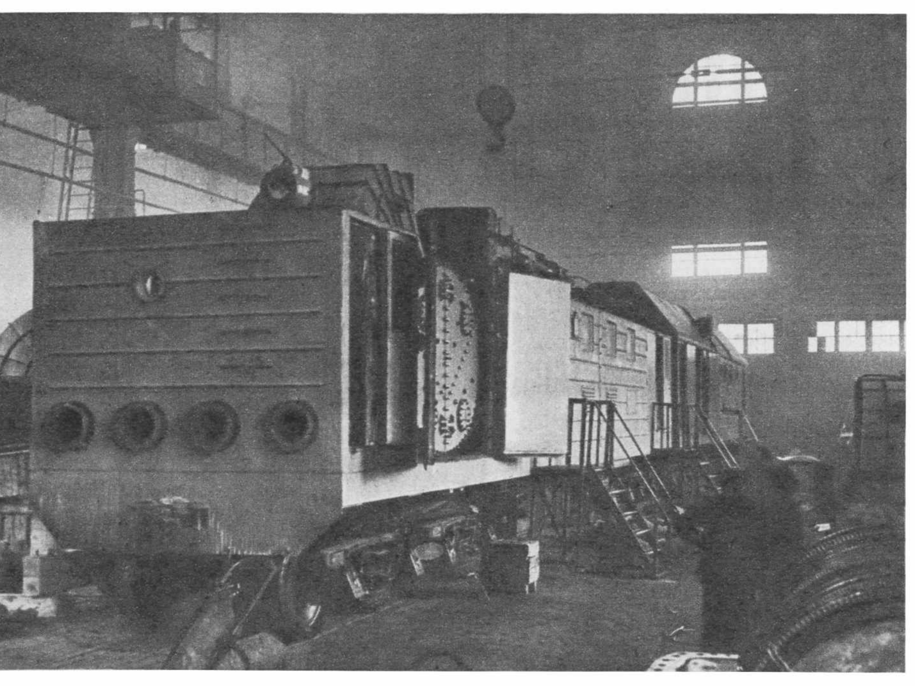
А теперь Кожаринов в Брянском совнархозе. Он начальник Управления машиностроительной и металлургической промышленности.

— Владимир Васильевич,— говорю,— а, выходит, вас опять в главк упекли! Ведь ваше управление — это тот же главк, только не в министерстве, а в совнархозе.

— Э, батенька,— отмахивается Кожаринов,— ничего похожего! Здесь мы в самой производственной гуще. Заводы рядом. И управление управляет! Оно хозяин, у него все права хозяина. Сейчас я снова инженер, хозяйственник... Чувствуешь, что приносишь пользу. Осязаешь результаты... И люди у меня на виду, и я на виду у людей. Все мы в одной упряжке. И заводы — локоть к локтю...

Сейчас вот вытягиваем наших малых ребятушек. У нас в семье, кроме богатырей вроде БМЗ, стальзавода, «Дормаша», целый выводок маленьких предприятий. Для них министерство было мачехой. Копошится такое дитя где-то в провинции — слез не льет, и ладно. А если и льет слезы, из Москвы их не видно... Есть у нас тут группа небольших чугунолитейных заводов. Стоят в глуши, в лесу. Поставлены еще в позапрошлом веке. Принадлежали Мальцеву, который был в этих краях вроде Демидова на Урале... Я на всех трех побывал: на Любохонском, Бытошском, Брасовском. Будто на двести лет назад перенесла меня машина времени. Льют там чугун почти тем же способом, что и при Мальцеве. Если любопытствуете, как работали в ту эпоху, поезжайте, ну, скажем, в Любохну.

Хотя нет, опоздали. Уже на конвейере литье! Уже вентиляция включена! Вы не удивляйтесь, что я с восторгом говорю о конвейере, о вентиляции — вещах в общем-то обычных. Но для такого завода, как Любохонский, это — огромное событие, техническая, можно сказать, революция. Завод заново рождается, и повивальными бабками у него БМЗ, сталелитейный, «Дормаш». Они пекутся теперь не только о себе, но и о своих маленьких братьях. Разве без помощи «Дормаша» смогли бы мы так быстро установить в Любохне конвейер? Конвейер, который министерство десять лет обещало любохонцам... Мы хотим поднять, довести до современного уровня наши отсталые маленькие предприятия. И тут большие заводы — главная наша опора. А «малыши», окрепнув, далеко могут шагнуть. Мастера там редчайшие. В Бытоши кронштейны для заводской вывески отлиты. Что за чудо-работа! Всякую повидал на своем веку, а такой тонкой первый раз любовался. Художники! Прапрадедами завещано им литейное искусство. Таким только технику дай в руки...



На БМЗ. Монтаж турбины энергопоезда.

...Слушаю Кожаринова и вижу: доволен человек! Рад, что дорвался до живого, творческого дела. И интересно ему тут! Интересно прежде всего как инженеру-машиностроителю.

А машин в Брянском экономическом районе делают много, и самые разные. Заводы не застаиваются...

Вот БМЗ. Завод известный в стране. С традициями: и техническими и революционными. Никогда не отказывался первым пробивать дорогу. Это здесь в трудную годину, сразу после гражданской войны, выполнили задание Ленина: изготовить двадцать электроплугов.

Долгие годы завод выпускал паровозы. По старой привычке его и сейчас называют паровозостроительным. А паровозы давно уже сняты с производства. Может быть, назвать вагоностроительным? Кому не встречались на железных дорогах белые вагоны-ледники! Все они родом из Брянска. Эшелонами уходят с завода. Но не только вагонами славен он. Энергопоезда — электрические станции на колесах!

И турбины! Первые турбины делали и собирали по чертежам других заводов. Но уже заканчивается сборка, уже готовится к испытаниям на стенде паровая турбина собственной конструкции. И уже в рабочих чертежах своя, в своем конструкторском бюро задуманная и решенная газовая турбина для ворошиловградцев. А тепловозы? Да, да, завод вернулся к локомотивам, но, конечно не, не с котлом и топкой, а с дизелем. Судьба паровоза решена, он заканчивает свой век. Его упрямо оттесняют с основных магистралей на запасные, маневровые пути. Но и там ему долго не удержаться. Скоро и там появится гордая машина, брянский тепловоз — специально маневровый,— быстрый, поворотливый.

— Серьезный завод,— говорит Кожаринов.— С размахом. Трудная ноша по плечу ему. Сейчас вот судовые дизели дали на освоение. Для торгового флота... Но не разбрасывается ли наш БМЗ? Не стреляет ли по слишком многим мишеням? Задумывался я над этим... Заводу надо иметь ясную, четкую техническую линию, собственное, неповторимое лицо. Возьмите Уралмаш или Кировский. У каждого своя стать, своя походка. Была она всегда и у Брянского. Но завод заставляли и жать, и ковать, и на дуде играть. Преотличнейших имеет конструкторов, а последние годы частенько работал по чужим чертежам. Почему? Некогда было, подгоняли!

А разве не огорчительно, что в таком сильном коллективе инженеров ни одного кандидата технических наук? Помню, в Ленинграде на Металлическом было их больше двадцати да три доктора! И все они пришли в науку, не уходя с завода. Да он их и сделал учеными. И был от этого в огромном выигрыше. Наука окрыляет! А что, на БМЗ нет людей, которые тянутся в науку?!

Скажете, ворчу, придираюсь к хорошо работающему заводу. Ворчу потому, что он в нашем экономическом районе — правофланговый, на которого всем остальным равняться. Вот вы говорите, программу выполняет... Выполняет! А вагоны даже сверх плана дает. Но как их собирает? По старой, давно устаревшей технологии. Некогда пересмотреть технологический процесс... Нет, такой завод должен красиво работать, не на подножном корму, а с дальним заглядом вперед.

...Долго беседовали мы с Владимиром Васильевичем, и он поделился, между прочим, одной своей тревогой, которую высказали мне потом и другие работники совнархоза. Речь шла о связях заводов с научно-исследовательскими и проектными институтами. Ослабевают, а то и просто рвутся эти годами налаживавшиеся связи. Институты, которые принадлежали прежде министерствам, а ныне «разошлись» по разным ведомствам, отказываются порой обслуживать «не свои» заводы. Был институт с заводом в одном министерстве — помогал. Оказались у разных хозяев — отвернулся. А как двигать дальше производство без помощи науки? Как жить заводу без дружбы с НИИ, с проектантами? И можно ли ставить завод в зависимость от «хотения» института: пожелал — сделал, не пожелал — не сделал?

Все это очень тревожит товарищей из совнархоза. Сейчас они тратят много сил и времени, чтобы уговорить, упросить, «уломать» какой-нибудь капризничающий НИИ. Нужен, мечтают они, непременно нужен координирующий орган, который увязывал бы работу институтов с запросами заводов, который восстановил бы и упрочил прежние связи...

«Пробовать, искать!»

В кабинете Филиппа Антоновича Лукинова — маленький музей.

Прежде всего вы увидите здесь знаменитую «пятую», которая снята и в профиль и в анфас, снизу и сверху. Она дитя и гордость совнархоза. Печь № 5 вызела Брянский цементный завод в число самых мощных в стране и, говорят, в Европе. Ну, а по условиям, в которых он находится, с ним мало кто может сравниться. Стоит на мергелях! А что такое мергель? Естественная смесь известняка или мела с глиной. Для производства цемента их как раз и нужно смешивать, а потом уже обжигать. Выходит, что первую половину этого производственного процесса природа взяла под Брянском на себя. Смесь готова — обжигай! И запасов мергелей здесь на многие годы. Завод просто захлебывался сырьем, ему явно не хватало еще одной, пятой, печи. И ее начали строить, и строили долго, и оставалось работ еще не меньше чем на год. Так и в плане было записано: пустить осенью 1958-го.

Но пришел новый хозяин — совнархоз. Пригляделся, прикинул, подсчитал. Внес поправку в план: осенью 1957-го. И уточнил: в октябре. А до октября оставалось три месяца. Нужны были деньги — взяли их из фондов менее важной стройки. Нужен был кабель — БМЗ поделился своими запасами. Потребовалось электрооборудование — и оно нашлось на одном из заводов. Не хватило монтажников — перебросили с других объектов. И без шума, без канительной переписки с министерствами, долгих телефонных переговоров с ними же, «аварийных» телеграмм — словом, без согласований, увязок и утрясок пустили печь на год раньше. В прямой выгоде оказалось государство, получившее досрочно лишние десятки тысяч тонн цемента. И не прогадали сами брянцы, которым разрешили часть этой сверхплановой продукции оставить для себя, для нужд местных строек.

...Лукинов — начальник Управления промышленности стройматериалов. И вы увидите у него в «музее» детали стандартных домов, керамические плитки, куски шифера, серые «буханки» силикатного кирпича, альбом с образцами технического картона. Но сам Лукинов — стекольщик, сын, внук и правнук стекловаров-зеркальщиков. И потому, наверно, с особым энтузиазмом рассказывает о стекле. Брянщина славится стекольными заводами. Тут и известнейший Дятьковский хрустальный, непременный участник международных выставок. И Бытошский с его удивительно чистым, прозрачным, как слеза, оконным стеклом. И Ивотский, работающий тончайшее стеклянное волокно. И Чернятинский...

— Знайте ж,— воскликнул Филипп Антонович,— что на кораблях, на маяках, на аэродромах, на дорогах — железных и шоссейных, на перекрестках светят вам фонари, светофоры, сигнальные знаки из цветного чернятинского стекла! Взгляните.—

И он распахивает дверцы шкафа.— Красное, синее, зеленое, желтое... А вот эту изумительную вещь видели?

Лукинов протягивает мне стеклянную пластинку молочного цвета. Но как ни стараюсь, не могу узреть ничего необыкновенного. Стекло как стекло.

— Да вы знаете, что это такое? — наступает на меня Филипп Антонович.— Да это ж накладное стекло, полученное машинным способом! Понимаете, машинным! А ведь его делали только вручную. Ведь тут что требуется? Нужно на основную стекломассу наложить тоненькую цветную пленку. Да так, чтобы она легла ровнехонько-ровнехонько. Никому не удавалось сделать это с помощью машины. Так и считалось: исключительно ручная работа. И поручали ее самым искусным мастерам... А наши чернятинцы, глядите, механизировали! Правда, это получается только с молочным стеклом. Прочие цветные машине пока не поддаются. Там несколько иная технология. Но будем пробовать, искать!

«Пробовать, искать»,— сказал Лукинов, и я подумал, что и этот москвич, бывший начальник главка, по-настоящему увлечен, захвачен работой на новом месте.

Ну, а Федор Степанович Волков, начальник Управления легкой промышленности, так тот просто считает, что он вернулся домой. Сразу после войны Федор Степанович директорствовал в Клинцах, западнее Брянска, на тонкосуконной фабрике «Коминтерн». Клинцы — старинный город шерстяников — дают без малого десятую часть всех вырабатываемых в республике сукон. А «Коминтерн» — одна из больших фабрик в Клинцах. Волков принял ее почти целиком сгоревшей, с 60 станками, уцелевшими от пожара, а передал через четыре года своему преемнику полностью отстроенной и достигшей довоенной мощности. И хотя он работал в своей жизни на многих фабриках, в разных районах страны, эта, на его глазах и с его участием возрожденная из руин, самая, конечно, дорогая ему. Вот почему и ехал он на Брянщину с чувством, будто возвращается в родной край.

Те несколько лет, которые он провел в министерстве, в главке, Федор Степанович никак не считает потерянными, зряшными годами. К имевшемуся у него директорскому опыту прибавился опыт штабной, министерской работы, которая приучала видеть перед собой не одну фабрику, а много фабрик, целую отрасль. Иначе говоря, приобреталось масштабное видение, видение с широким обзором. А это очень важно для хозяйственника, для организатора производства.

Федор Степанович рассказывает мне о строящемся в Брянске камвольном комбинате, который должно пустить к 1960 году и который совнархоз собирается ввести в строй на годок пораньше. Ткацкий отдел уже работает, однако еще на чужой пряже, на клинцовской. Но завтра комиссия принимает в прядильном цехе первые десять тысяч веретен из сорока. В Монине шестьдесят тысяч? Но ведь там нет отделки. А мы будем давать готовые ткани. Какие? Самые лучшие! «Метро», «Ударник», бостон, габардин... Федор Степанович воодушевился и не заметил в запале, как в комнату вошел человек и вежливо присел в сторонке, чтобы не мешать нам. Но вот Волков увидел его и воскликнул:

— О, Петр Константинович! — И ко мне: — Знакомьтесь. Главный инженер камвольного Кориковский.

...Едем с Кориковским на камвольный. По пути узнаю, что Петр Константинович — тоже москвич. Прядильщик. Пятнадцать лет работал в научно-исследовательских институтах. В Брянск приглашен полгода назад совнархозом. Согласился ехать, можно сказать, не задумываясь. Давно тянулся к производству. А комбинат этот интереснейший. Да и Брянск — город отнюдь ему не чужой: здесь воевал, на подступах к городу был ранен.

Идем по комбинату. Тут многое еще надо домыслить, вообразить. Например, котельную. Нет котельной, строится. А комбинат живет, дышит. Кто же его греет? А вон те три паровозика, три стар採еньких «щучки». Кряхтят, пыхтят, но парок подают добросовестно.

В сырьевой две женщины перебирают, раскладывают, расстилают груды желтоватой шерсти и черного штапельного волокна. Петр Константинович хмурится:

— Ужасная кустарщина! Ну как можно проектировать этакое в наш век механизации и автоматики! Нет, нет, мы так не оставим! Здесь будет машина...

А подошли к кардочесальным аппаратам — говорит:

— Смотрите, сколько всяких отходов наматывается на рабочие валики. Надо их то и дело снимать и уносить в очистку. А каждый такой валик в четыре пуда весом... Держим для этого двух подсобников. Но последние дни держим. Сооружаем механическое коромысло, которое и снимет и поставит валик...

И так всюду, где мы были. Всюду, во всех цехах хочет этот человек что-то переставить, изменить, перестроить — сделать лучше!

Мы подошли к помещению, которое называется цехом корсо. Такие цехи организуются сейчас на многих камвольных фабриках. А что такое корсо? Это новая машина для обработки волокна. А что означает само слово «корсо»? Иностранная фирма? Я спросил об этом Кориковского. Петр Константинович чуточку смутился.

— Видите ли,— сказал он.— Первые три буквы — «кор» — это первые три буквы фамилии Кориковский, а остальные две от фамилии Соловьев. Эта машина сконструирована Василием Ефимовичем Соловьевым и вашим покорным слугой.

Обойдя весь комбинат, прощаемся с Петром Константиновичем. Уже пожав руку, он возвращается вдруг к письменному столу и вынимает из ящика веретено необычной формы — короткое, словно обрубленное.

— Полюбопытствуйте. Давненько ношусь с этой идеей. Пытаюсь получить с прядильной машины сразу крученую нить. Вот это мое веретенце, кажется, решает проблему. Будем испытывать!

Нет, с этим главным инженером, с этим беспокойным москвичом комбинату не жить тихой, безмятежной жизнью.

В обкоме партии говорят:

— Мы благодарны Центральному Комитету КПСС, который очень помог нам при формировании совнархоза. ЦК прислал из Москвы группу опытных, бывалых работников государственного аппарата, сразу сцементировавших молодой совнархозовский коллектив.

В аппарате совнархоза 433 человека. Москвичей — 45. А 388 — брянцы, старожилы сих мест.

— За малым, можно считать, незначительным исключением, мы довольны товарищами, пришедшими в совнархоз,— говорит Яковлев.

А кто же пришел?

Пришел Василий Лукич Жданов, человек негромкий, небыстрый, но очень авторитетный на Брянщине хозяйственник, работавший и директором ряда фабрик и начальником областного управления легкой промышленности.

Пришел Николай Кузьмич Грибачев, тоже из директоров; ведает он в совнархозе вопросами кооперации, и рука его тут тверда: все заказы под строгим контролем.

Пришел Алексей Петрович Бондарев, начальник цеха «Дормаша», человек критического склада ума, резкий в оценках, но, как мне показалось, справедливый. Говорит, что не очень удовлетворен работой в совнархозе. Думал, что ему, как главному технологу управления, придется чаще бывать на заводах. Но бумага засасывает, держит в кабинете, словно на привязи. И тут Бондарев в претензии к некоторым товарищам москвичам, которые, видно, по старой министерской привычке, все еще привержены к бумаге, ко всем этим докладным запискам, справкам, письменным заключениям...

Пришел в совнархоз Александр Васильевич Арсентьев, музейный работник, краевед. Большой знаток Брянщины, любящий свой край, он не сидел в музее. Он ходил и ходил по области, копал и копал землю. Он немало нашел и написал об этом книгу, которая называлась «Ископаемые богатства Брянской области». В этой книге рассказывалось о сидеритах и железняках, о торфе и кирпичной глине, о меле и охре, о песчанике и мергелях. Он составил геологическую карту области, которая вошла в учебники и на которую ссылается Большая Советская Энциклопедия...

О, как полезен будет этот человек совнархозу!

Помощники

...Продовольственный магазин в центре города. На полу от нанесенного с улицы и растаявшего снега грязные потеки, которые местами превратились в лужи. В валенках не пройдешь. А тут как раз и входит бабка в валенках. Остановилась на пороге, осмотрелась и громко так, на весь магазин, высказалась:

— Эх, совнархозу бы эту напустить на вас, чертей!

Конечно, за чистотой в магазинах должен следить не совнархоз, но старуха, видать, наслышалась о нем хорошего, и, по ее понятию, он бы уж тут навел порядок...

Люди увидели, что новая организация приносит пользу, поверили в эту организацию, в ее силу. И идут в дом на улице Ленина.

Но не только за помощью приходят в совнархоз. Идут и с помощью. Хотят подсобить в делах.

Явился бежицкий житель, грибник. Пошел, рассказывает, за маслятами, а нашел нефть. Прямо из земли бежит. Нефть ли это? Он неспециалист, но у него был дружок, работавший когда-то на промыслах. Говорил, что нефть, бывает, и сама бьет из земли. А что, разве на Брянщине не может быть нефти? Он даже читал, что под Севском ее уже вроде обнаружили... Посадили этого доброхота с двумя совнархозовцами в машину, и поехали они на левый берег Десны, в лес, который начинается сразу за стальзаводом. Там и в самом деле скопилось целое озерцо нефти. Но не с девонских глубин била она. Просачивалась из нефтепровода, проложенного под землей... Гриб-

Камвольный комбинат. Главный инженер П. К. Кориковский беседует с ровничницей Раисой Лукьяненковой.

ник был огорчен, растерян. Он сказал: «Извините, что так получилось»... А товарищи из совнархоза жали ему руку, благодарили. Ведь если б не этот человек, сколько бы еще нефти ушло!

Идут в совнархоз. Пишут...

Пишет сельский учитель. Нашел он с ребятами на берегу реки большие залежи охры. Попалась и желтая, и красноватая, и темно-коричневая. Подвергли ее анализу в школьной лаборатории. Железа оказалось почти 60 процентов. Значит, охра высокого качества. Годится и на масляные, и на эмалевые, и на клеевые краски. Можно окрашивать силикатный кирпич. Получится красивый декоративный материал. А лежит охра компактно и неглубоко, брать ее удобно. Не заинтересуется ли совнархоз этой находкой?

...Летом, объезжая впервые экономический район, Яковлев побывал вместе со своим заместителем Георгием Ивановичем Сухаревым на Селецком домостроительном комбинате. Директор и главный инженер познакомили их с производством. Когда шли по цехам, сердце машиностроителя Яковлева радовалось обилию современных агрегатов, машин, механизмов. Радовалось и сердце Сухарева, бывшего министра промышленности стройматериалов РСФСР: отличный комбинат построило министерство! В глуши брянских лесов выросло оснащенное великолепной техникой предприятие. Тысячи стандартных домов, легких, теплых, везут отсюда на целинные земли. Работает комбинат неплохо: план выполняет, рекламации редки. Дело в общем-то налажено, и можно было здесь не задерживаться. Но Яковлев и Сухарев хотели побеседовать с мастерами, бригадирами, рабочими. Решили провести что-то вроде производственного совещания с участием совнархозовских работников. За полчаса, как ему начаться, Яковлев и Сухарев вышли подышать свежим воздухом.

Они стояли на берегу Десны, любуясь расписным цветистым ковром поймы, окаймленной синевато-дымчатой полоской леса, любуясь виднеющимися вдали меловыми, словно заснеженными горами и, конечно же, самой красавицей-рекой, которая особенно хороша в предзакатных лучах солнца. Вода светла, прозрачна, и глазу открывается дно. Там на большой глубине лежит какая-то темная густая масса, похожая на ил, лежит в причудливых нагромождениях, давая пищу фантазии. Видятся скалы, ущелья, сказочные замки. И все это от ряби на воде колеблется, расплывается, принимает самые необычайные формы...

— Подводное царство! — говорит Яковлев.

— Град Китеж...— добавляет Сухарев.

А вечером они услышали сказание об этом новом граде Китеже... Выступал молоденький бригадир с комсомольским значком. Днем совнархозовцы видели его в цехе. Он стоял у машины, которая подхватывала огромные мокрые бревна и размалывала их, превращая в рыхлую, студенистую массу. Другие машины отжимают из этого студня воду и спрессовывают его под колоссальным давлением. Получаются тонкие, легкие древесно-волокнистые плиты, которые закладывают между щитами стандартных домов,— не пропустят ни влаги, ни холода. Технология, можно сказать, самая передовая. Но бригадир говорит, что при отжиме воды «отжимается» и много древесного волокна, которое вместе с водой уходит в реку, устилая собой дно.

— Мы,— говорит бригадир,— подсчитали с ребятами, что ежегодно сгоняем в Десну шесть тысяч квадратных метров жилья! Целый город вырос под водой... И сколько раз просили мы дирекцию поставить сетки — уловители. Не ставят. Жалеют затрат.

— А у нас часто так,— подхватил кто-то из мастеров.— Тысячу рублей пожалеем, миллион пустим на ветер! Сколько наш комбинат расходует древесины? Триста тысяч кубов в год. И из них добрую треть сжигаем в топках котлов. По-хозяйски это? Ведь рядышком, в 12 километрах, трасса газопровода Дашава — Москва. Почему не берем газ? Нужны капиталовложения? Правильно, нужны. А «зеленого золота» не жалко? Лес-то вокруг поредел. «Ау» кричать негде, в нашем лесу нынче не потеряешься.

И тут начинается большой, горячий разговор о судьбе Брянского леса, а значит, и комбината.

— Вот построили наш комбинат,— говорит один.— Огромный! Мощный! Не на десять лет его ставили и не на двадцать. И место ему вроде толково выбрали. Чтобы побольше леса кругом. Так, чтобы надолго хватило. А надолго не хватит! Потому что не мы одни рубим. Вывозят отсюда древесину во все концы. Неразумно! Раз построили этакий комбинат-гигантище, надо было запретить в здешних местах рубку леса на вывоз. Тут так: либо комбинат, либо вывоз. На то и на другое леса не могло хватить. И что получилось? Вывозили, вывозили, а теперь, смотришь, сюда начинают везти из-под Архангельска. Своего-то уже маловато становится.

— Скоро и вовсе сядем на голодный паек,—поддерживает другой.— Больно шикарно живем! Тратим на плиты ель. А кто ж не знает, что она медленно идет в рост! Только к пятидесяти годам набирает спелость. Вырубим всю ель — на долгие годы лес оголим. Нужно брать дерево-скороспелку. Тополь. Или осину. Волокно у них вполне подходящее для наших плит.

— А чем плоха костра? — добавляет третий.— И льняная и конопляная. У нас ее в печах жгут. А в Бельгии, я слышал, плиты из костры прессуют. Надо и нам попробовать.

Так сидели хозяева предприятия — мастера, бригадиры, рабочие — и размышляли над будущим своего комбината, над тем, как ему дальше жить, и руководители совнархоза были благодарны им за совет, за подсказ...

Совет народного хозяйства!.. Уже в самом этом названии заложен большой демократический смысл. Хозяйство принадлежит народу, и совнархоз — слуга его в управлении этим хозяйством. Орган общественного хозяйствования — вот что такое совнархоз. И без общения с людьми, без людской помощи, подсказки совнархозу не свершить новых больших дел, не решить новых больших задач.

«МАТРОС ЖЕЛЕЗНЯК, ПАРТИЗАН»

Всегда будет жить в памяти народной воспетый в песнях «матрос Железняк, партизан» — Анатолий Григорьевич Железняков.

Революционер-подпольщик, делегат II съезда Советов, он командовал отрядом, штурмовавшим Зимний дворец, сражался за победу Октября в Москве, против белогвардейских полчищ Каледина на Дону и Центральной рады на Украине.

5 января 1918 года, командуя охраной Таврического дворца, А. Г. Железняков поднялся на трибуну Учредительного собрания и хладнокровно предложил: «Разойдитесь, караул устал».

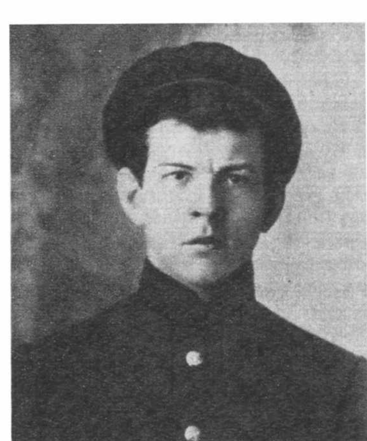
Летом 1918 года под Царицыном он командовал Еланским полком в легендарной дивизии В. Киквидзе, а осенью в Одессе организовал подпольный профсоюз моряков торгового флота.

Белогвардейцы обещали награду в 400 тысяч рублей тому, кто доставит Железнякова в их штаб живым или мертвым.

Когда Красная Армия изгнала интервентов из Одессы, Железняков, назначенный командиром бронепоезда, громил банды Григорьева. Его бронепоезд был передан в 14-ю армию, во главе которой стоял К. Е. Ворошилов. 26 июля 1919 года, когда корпус Шкуро попытался взять 14-ю армию в кольцо, бронепоезд ворвался на станцию Верховцево и, разгромив белых, помог красным частям выйти из окружения. В этом бою Анатолий Григорьевич Железняков геройски погиб.

Советские люди с любовью поют про «матроса Железняка», но мало кто знает, что он похоронен вопреки легенде не «в степи под Херсоном», а в Москве, на Ваганьковском кладбище, рядом со своим побратимом В. Киквидзе и пламенным ленинцем Н. Бауманом.

Недавно удалось разыскать несколько редких фотографий, относящихся к различным периодам жизни А. Г. Железнякова. Все они публикуются впервые.



Так выглядел отважный подпольщик в 1916 году в Москве, когда он работал слесарем на заводе Густава Листа. В ящиках со снарядами, которые отправлялись с завода на фронт, он посылал солдатам большевистские, антивоенные листовки.

Июнь 1919 года. Штаб 3-й армии вместе с командой бронепоезда. В центре, в кожаной куртке, командарм Худяков. Рядом с ним А. Г. Железняков.

Анатолий Железняков — комиссар Дунайской флотилии в феврале 1918 года (сидит слева). Рядом с А. Г. Железняковым его брат Николай.

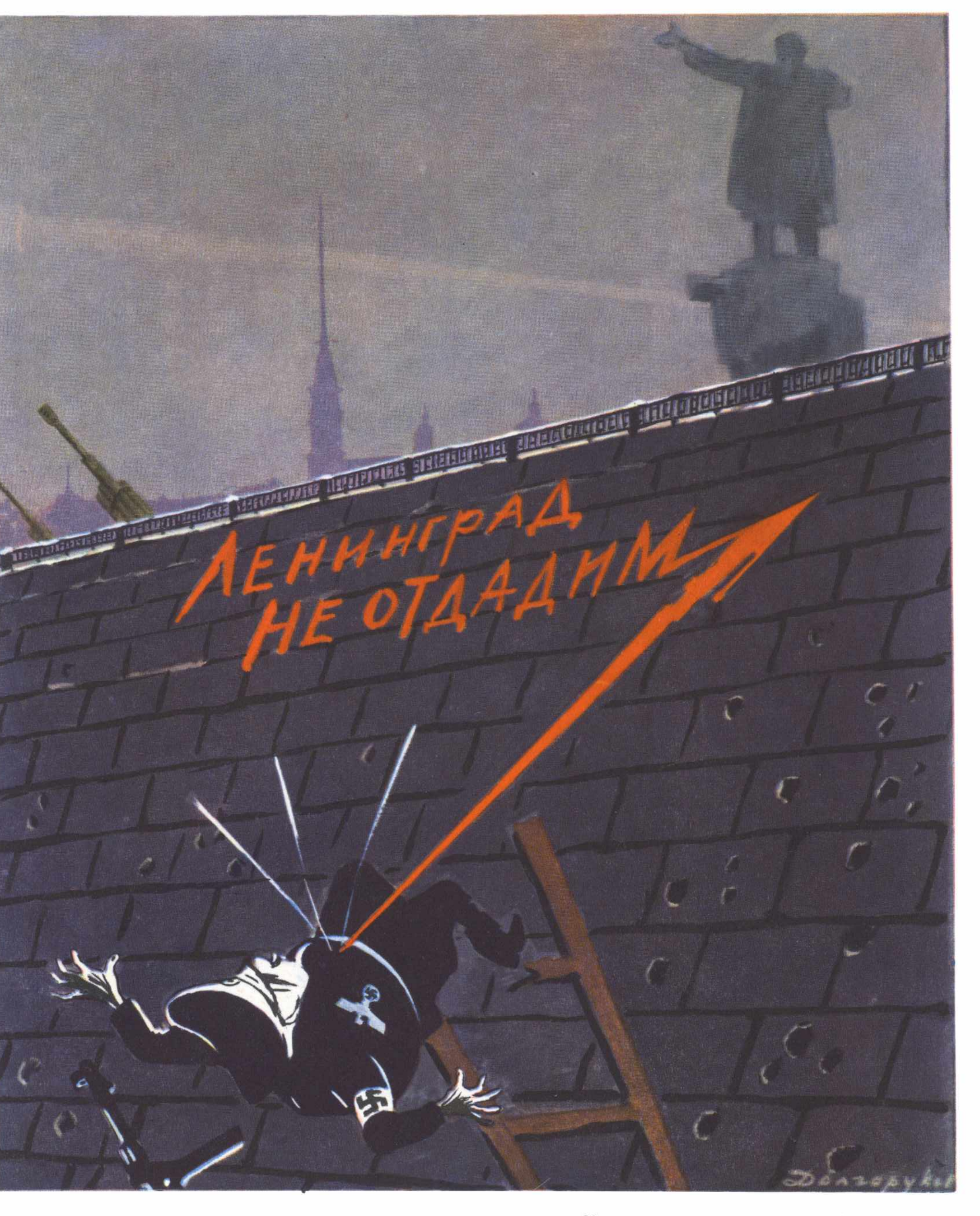
...партия звала:
«Пролетарий, на коня!»
И красные
скачут
на юг
эскадроны...

В. Маяковский

Били Деникина,
били
Махно,
так же
любого
с дороги смахнем.
...Крепни
и славься
в битвах веков,
Красная
армия
большевиков!

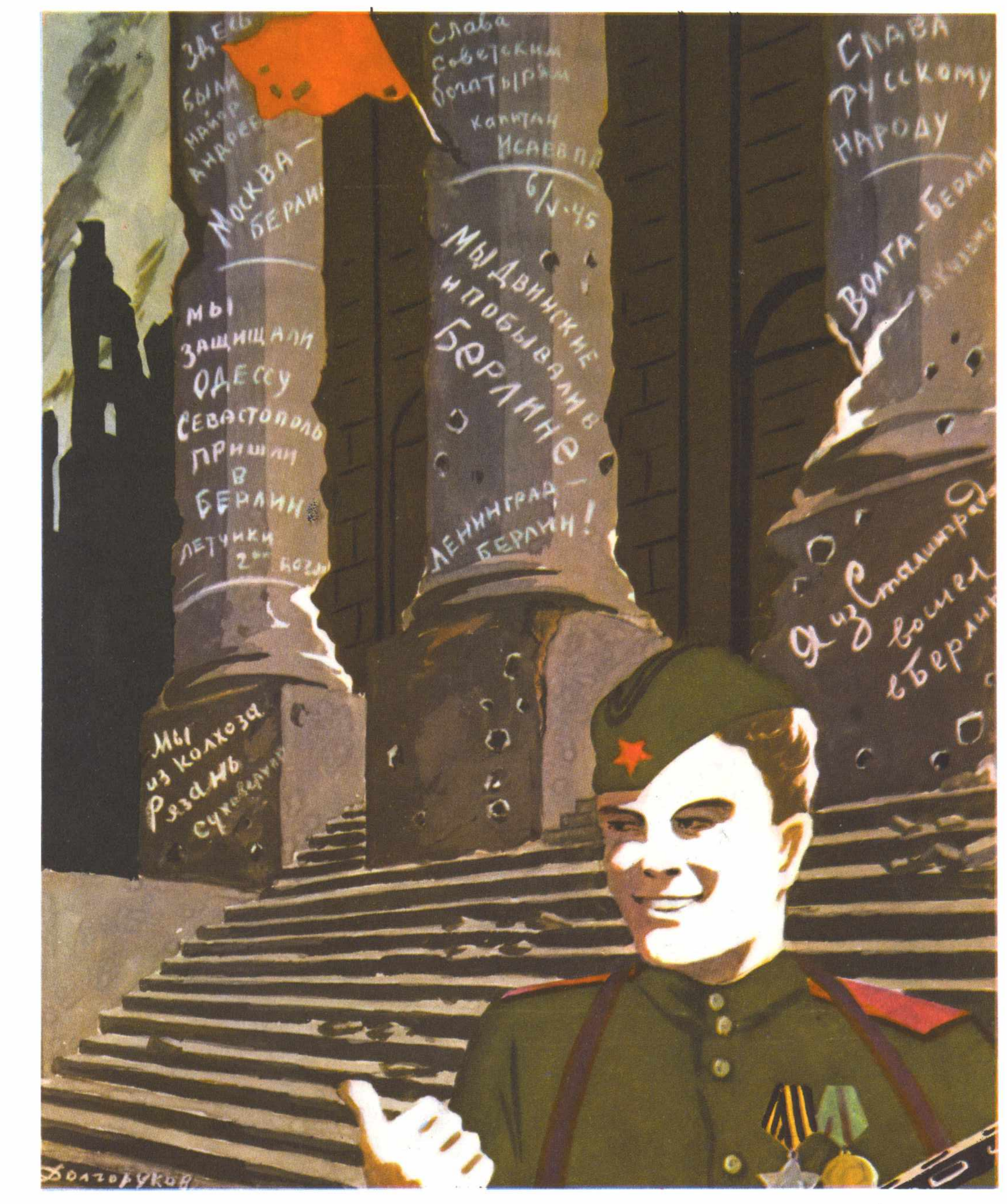
В. Маяковский

Н. А. ДОЛГОРУКОВ. ИЗ СЕРИИ «ЗА РОДИНУ».



К плеяде столь прославленных имен,
Как Измаил, Полтава, Севастополь,
Прибавится теперь еще и он,
Град Ленина, о чей гранитный цоколь
Разбилась боевая мощь врага...

В. Инбер



У СТЕН РЕЙХСТАГА.

Этих слов величие и славу
Никакие годы не сотрут...

Вас. Лебедев-Кумач

Н. А. ДОЛГОРУКОВ. ИЗ СЕРИИ «ЗА РОДИНУ».

Такой же, как прежде

Рассказ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

— Я такой же, как прежде,— говорил Дарки, ударяя себя в грудь.

Он смеялся, закидывая голову, и стучал пустой пивной кружкой по стойке. Но в словах его была какая-то натянутость, и смех шел не от сердца.

— Эй, налей-ка еще!— приказал он кабатчику.

Дарки и Эрни Лайл постоянно заходили в «Королевский бар», возвращаясь с пригородной шахты, где уголь добывается открытым способом. Они умывались там перед уходом домой, но въевшаяся угольная пыль упорно держалась за ушами, в глазных впадинах, под ногтями, слипалась на ресницах.

Эти двое были приятелями, по крайней мере так уверял Эрни. Дарки же не любил распространяться на этот счет: многие считались его дружками, но никто из них не был в этом уверен. Это было не в обычае Дарки — выражать дружеские чувства, они были запрятаны где-то глубоко, и о них можно было только догадываться.

Когда кружки были наполнены, Эрни решился наконец высказаться:

— Я не говорю, Дарки, что ты не тот, каким был прежде. Ростом Янгер не выше тебя, это верно, но он, видишь ли, моложе. Ему всего двадцать два, а тебе... тебе уже за сорок, Дарки.

Эрни беспокоило хмурое лицо друга, и он добавил с неискренним смехом:

— Янгер моложе[1] и по имени и по возрасту...

— Стой, Эрни! — закричал Дарки.— От этого ублюдка Янгера моя дочь понесла ребенка. А он еще насмешки строит, уходит в кусты — и баста!..

Дарки понизил голос. Теперь он едва цедил слова сквозь сжатые прокуренные зубы:

— Я сказал тебе: как только он мне попадется, я сделаю из него кучу мусора. Я или он! Это будет самый большой мордобой с тех пор, как Джек Джонсон переломал ребра Томми Бернсу в Сиднее, а было это чертовски давно...

Дарки выпил пиво, не отрывая губ от кружки. Пивные струйки потекли по его подбородку на волосатую грудь.

— Допивай, Эрни, а потом — последнюю, на дорогу!

— Нет, я не стану, Дарки. Три — это моя мера. А ты уже влил в себя шесть кружек — вдвое против обычного...

— Э, угольную пыль надо хорошенько отмывать!.. Ладно, выпей хоть стакан для компании!

— Что ж, стакан — это не в счет.

[1] Игра слов: younger по-английски — младший, более молодой.

— Эй, Дэн, мне — кружку, а для Эрни налешь стакан!

Пиво подали. Эрни долил из стакана свою наполовину опорожненную кружку и угрюмо уставился на линолеум, покрывавший стойку.

— Я все-таки думаю так: тебе не стоит с ним связываться, Дарки. Что хорошего в этом? И чем это поможет Кэтлин?..

— Чем это ей поможет? — прорычал Дарки.— Послушай, он устроил ей ребенка, а потом прогнал ее. Не хочет жениться. Знать ее не хочет... Нет, пусть только он встретится мне — я смешаю его с грязью!

— Но ведь он сам только и ждет этого. Янгер — лучший кулачный боец во всем городе и...

— Лучше всех в городе?—Дарки не дал ему договорить.— Но не считая вот этого человека! — Дарки ткнул себя кулаком в грудь, и грудь отозвалась густым и низким звуком, как удар в барабан.

— Что верно, то верно,— не уступал Эрни.— Но это-то его и заедает. Он не первый год ищет случая сцепиться с тобой. И он умеет драться, Дарки. Он побил профессионального боксера из команды Шермана в прошлом году, ты же знаешь это...

— Ну, эти пьянчуги у Шермана не очень-то горазды драться!.. Но как бы то ни было, Дарки он еще не побил. Теперь ему представится такой случай!

Эрни замолчал. Он знал, что напрасно спорить с Дарки, когда тот вобьет себе что-нибудь в голову.

Дарки достал из кармана пиджака оловянную табачницу и коротким, злым движением скрутил толстую цигарку, провел языком по бумаге, закурил и отшвырнул прочь спичку. Затянулся он так глубоко, словно хотел загнать дым на самое дно легких. Каждый его жест был теперь преисполнен уверенности в себе. В табачном дыму, сквозь легкий туман от выпитого пива он казался Эрни ощетинившимся зверем. Короткие, толстые ноги в потертых черных штанах были расставлены широко, старый пиджак обтягивал торс плотно, как латы, массивные плечи и огромные кулаки, казалось, готовы были в порошок стереть Джимми Янгера.

— Янгер—кобель и скэб[2],— сказал Дарки.— Да, он скэб, это точно. Ребята из лесопильни забастовали, а он пошел против всех... Нет, брат, я должен с ним драться! Это уж давнее дело, и теперь как раз пришло время! — Дарки говорил так, словно старался разжечь себя.— Завтра страстная пятница. Этот день был бы подходящим. Но пивные в пятницу закрыты, и его не будет в городе. А в субботу канун пасхи; он, наверно, придет на скачки. Он ведь завзятый игрок и обязательно сунет туда нос!.. А потом — понедельник... Это удобный день. На стадионе в Дилингли как раз начнутся первые матчи, оба наших полицейских будут там. Я пойду в пивную, как всегда, и если он сюда явится, я уж сумею вызвать его... Хотя мне все равно, в какой день. Пусть только попадется мне — я сделаю из него котлету!..

Дарки яростно ударил по стойке пустой кружкой.

— Вы слышали, что я сказал?!—заорал он, и голос его отозвался гулким эхом в дальних углах пивной.

Десятки пар глаз обратились к Дарки. Это были внимательные и немного встревоженные глаза, глаза шахтеров, рабочих молочных заводов, лавочников, приказчиков, фермеров и

[2] Презрительная кличка для штрейкбрехеров.

их сыновей, глаза официантов и самого Дэнни О'Коннэла, кабатчика, и его жены.

— Вы слышали, что я сказал? — повторил Дарки. — Как только я встречу Джимми Янгера, я сделаю из него котлету!

В пивной стояла тишина. Никто не произнес ни слова, не вздохнул, не сдвинулся с места.

— Пошли, Эрни, — сказал Дарки и направился к выходу. Посетители, даже самые пьяные, молча отодвигались, уступая ему дорогу. Когда Дарки в таком состоянии, перечить ему считалось небезопасным.

Эрни проводил его до угла. Там они молча расстались.

В потрепанной кожаной сумке, которую Дарки нес в руке, лежали инструменты и две бутылки с пивом, прихваченные на вечер. Он шагал уверенно, слегка покачивал бедрами — это была излюбленная его походка после выпивки, она должна была убедить окружающих, что он в полном порядке.

«Итак, жребий брошен, — думал он. — Теперь уж придется драться с ним... «Такой же, как прежде»? Это вопрос... Сейчас-то я устал, как собака, и к тому же слегка навеселе... Восемь часов работы — как не устать, а тут еще шесть кружек пива... «Такой же, как прежде»... Сколько времени я не дрался?.. С тех пор, как сцепился с тем молодым полисменом возле «Королевского бара» во время ночного обхода. Года четыре назад? Или, может, пять? Скорее, пять... Но все равно, теперь уж придется драться с этим...»

Дойдя до раскрытой калитки старого дома, Дарки вошел во двор и по боковой дорожке мимо поленницы дров двинулся к заднему крыльцу. Налив из бака воды в оловянный таз, он водрузил его на умывальник, стоявший на задней веранде. Намылив руки, принялся плескать водой в лицо, по привычке тщательно промывая за ушами кончиками негнущихся пальцев. Потом пригладил волосы и взглянул на себя в потрескавшееся зеркало. Его волнистая шевелюра была когда-то черна, как воронье крыло, а теперь волосы сильно поредели на макушке и сильно тронуты сединой. Широкое, задубевшее от ветра лицо прорезано морщинами. Белки глаз и после того, как угольная пыль отмылась, подернуты кровяными жилками. «Стареешь, сынок, — произнес он вслух и отвернулся от зеркала. Скинув пиджак и рубашку и оставшись в фуфайке, он стал разглядывать свои мышцы. — Нет, ты еще кое-чего стоишь, парень!.. Но будет трудно. Придется выжать из себя столько же, сколько может дать этот Янгер...»

Раздевшись догола, он стал намыливать шею, руки, подмышки, облился водой и, как говорят шахтеры, подарил остатки грязи полотенцу. Надев снова рубаху и пиджак, он вошел в кухню, служившую столовой. Семья уже собралась за столом и ждала его к ужину.

— Чай на столе, — произнесла обычную фразу жена, увядшая, тихая, маленькая женщина.

— Прекрасно, Уинни, — ответил он. — Я голоден, как пес после охоты.

Он уселся на свое место и принялся за еду. Жена пристроилась напротив, а шестеро детей разместились по обе стороны стола — трое девчонок и трое парней в возрасте от шести до двадцати одного года.

Старшая дочь, Кэтлин, сидела по правую руку от Дарки. Черноволосая, красивая, немного в ирландском вкусе, она спокойно ела и словно не замечала косых, пытливых взглядов отца. Кэвин, старший сын, широкоплечий и уже возмужалый в свои двадцать один год, сидел напротив сестры.

На ужин было жареное мясо с фасолью, капустой и картофелем. Дарки быстро справился со своей солидной порцией, потом поднялся и принес бутылку пива. Жестяная пробка отлетела в дальний угол. Достав с кухонной полки стакан, он снова уселся за стол.

Принесенный женой рисовый пудинг он отодвинул и выпил пива и закусил хлебом с сыром. Никто не проронил ни слова, пока ужин не кончился.

— Вы, мелюзга, марш в кровати, остальные — на улицу! Мне надо поговорить с Кэти и матерью.

Все безмолвно повиновались. Один Кэвин обернулся у двери и сказал:

— Наверно, большой секрет...

Дарки допил стакан и налил его снова.

— Я решил побить Джимми Янгера, — сообщил он, стараясь говорить спокойно.

Кэтлин уставилась на него расширившимися глазами.

— Нет, Дарки, о, нет! — сказала Уинни. — Подумай, ведь это будет скандал. И потом, ты обещал, что больше не будешь заниматься этим...

— Ну, это в последний раз, Уинни, — ответил он. — Другого выхода нет.

— Нет другого выхода! — крикнула, вновь обретши дар речи, Кэтлин. — Ты только знаешь одно, отец, — драться!

Она вскочила и выбежала из комнаты. Дарки встал и пошел за ней вслед. Жена уцепилась за его руку и беспомощно затрясла головой.

— Нет, Дарки, — сказала она умоляюще. — Оставь ее в покое. Она и так довольно натерпелась.

Он осторожно отстранил жену и вышел. Дочь лежала ничком на кровати в своей комнате, плечи ее сотрясались от рыданий. Он помедлил с минуту на пороге, потом закрыл за собой дверь и подошел к кровати. Положив ей руку на плечо, он пробормотал:

— Кэти, я не могу позволить ему это...

Зарывшись головой в подушку, она ответила:

— Он уже сам себе позволил. Он отец моего ребенка. Оставь нас в покое.

— Но он не хочет жениться на тебе, Кэти.

— Не хочет.

— Ты говорила с ним?

— Да.

— Теперь уже поздно что-либо сделать?

— Поздно.

— А что он говорит?

— О боже мой, он... он ничего не говорит.

— Так-таки ничего?

— Он говорит, что ребенок не его.

— А ребенок от него?

— Да, отец. У меня ни с кем ничего не было, кроме него.

Дарки выпрямился, кулаки его сжались, он заскрежетал зубами. Несколько минут он молчал и только тяжело, прерывисто дышал.

Вдруг Кэтлин вскочила на ноги и прижалась головой к груди отца.

— Я люблю его, отец. Я люблю его, и я заставлю его поверить мне...

Дарки обхватил руками плечи дочери и посмотрел ей прямо в глаза.

— Слушай, Кэти, — сказал он. — Я тоже люблю тебя. А Янгер сбежал от тебя, когда он тебе так нужен. Весь город знает это. Я должен драться с ним, Кэти. Ты не старайся удержать меня. Я немолодой человек. Я боюсь. Но я буду с ним драться.

Некоторое время они так стояли, обнявшись, потом Дарки отвел ее руки, повернулся и пошел к двери. Выйдя, он крикнул громко, так, чтобы услышала жена:

— Я изобью его в кровь, и ни слова больше об этом!

Ночь все трое провели без сна. Кэти лежала с открытыми глазами; она то молилась шепотом, то принималась тихо плакать, но как-то механически, словно зная, что слезы не принесут ей облегчения. Мать тоже не спала, и глаза ее оставались сухими: она давно уже отвыкла плакать. Дарки временами забывался, но тут же начинал ворочаться так, что кровать скрипела и шаталась под ним; в полусне он двигал руками, словно нанося кому-то удары, и что-то хрипло кричал.

Ранние часы страстной пятницы ползли черепашьим шагом. Дарки проснулся поздно. За завтраком все сидели подавленные. Уинни и Кэтлин вымыли посуду. Потом мать принялась одевать по-праздничному младших детей: время было отправляться к обедне. Уинни и Кэтлин ушли с четырьмя младшими, а Кэвин остался дома с отцом. Дарки давно уже бросил ходить в церковь, старший сын следовал его примеру, невзирая на слабые протесты матери.

Дарки вышел во двор, отыскал в поленнице старую веревку, топором отрубил от нее кусок и начал тренировку. Он прыгал через скакалку легко и с умением. На нем были домашние туфли, серые штаны и белая спортивная фуфайка. На правом предплечье была вытатуирована полунагая женщина, на левом — змея, обвившаяся вокруг меча.

Кэвин, высокий, ширококостный, но не такого могучего сложения, как отец, вышел во двор и уселся на обрубок бревна у поленницы. Подняв свежую щепочку, он поднес ее ко рту и принялся покусывать крепкими зубами.

— Поздновато, я думаю, начинать опять тренироваться, а? — сказал он отцу, и по лицу его пробежала еле заметная сочувственная улыбка. Кэвин один во всем городе не боялся своего отца, и Дарки знал это.

Помолчав, он ответил:

— Просто хочу вспотеть — пусть выйдет из меня пиво. А то, если я встречу его сегодня...

— Если хочешь, я буду драться с ним вместо тебя, — предложил неожиданно Кэвин.

Дарки сердито бросил на землю веревку.

— Ты? Ты будешь драться с ним? Он убьет тебя.

— Он и тебя убьет. Ты слишком стар.

Дарки шагнул к сыну. Кэвин поднял на него спокойные глаза. Он знал, что отец никогда его не ударит. Дарки вообще не бил своих детей.

— Я не хочу драться с ним, отец, я знаю, что не могу его побить. Выстоять я бы мог, только вот выучки у меня нет... Но и тебе не побить его... Ты бы лучше почил на лаврах, непобедимый чемпион!..

Искренность слов Кэвина смягчила Дарки. Он перевел дыхание и резким ударом носка

отшвырнул в сторону кучу щепок. Кэвин решил не отступать.

— Ты всегда говорил мне, чтобы я не ввязывался в драки. Учил, что драки ни к чему. А теперь ты собираешься драться сам.

— Я никогда не ввязывался в драки, старина Кэвин, — ответил Дарки. Он так называл сына только в редкие минуты, когда просыпалась в нем отцовская любовь, но это был скорее способ скрыть это чувство. — Я, старина Кэвин, больше разнимал драки, чем затевал сам. Но видишь ли, в чем дело: все, что у меня было,— это моя сила. Когда я был твоих лет, я боялся всего и всех. А потом вдруг понял, что я силен, и перестал бояться. Я не был способен к умственным вещам и не получил, как это говорится, образования. Но сила давала мне заработок, и я смог вырастить тебя и остальных детей. Со своей силой я себя чувствовал первым человеком, меня уважали. Все знали, что я кулачный боец, и я всегда повторял, что так же силен, как прежде... Ну вот, теперь мне надо оправдать эти слова. Кэти — моя дочь, и я должен драться с ним.

— Мне она сестра, — настаивал Кэвин.

— Но ты-то не объявлял, что изобьешь его. Да и куда тебе! Он силен в бою, не забывай этого. — Тут Дарки почувствовал, что неосторожно раскрыл свои сомнения сыну, и рассердился:— Но и ему придется туго. Я такой же, как прежде.

Он поднял веревку и снова начал скакать. Кэвин ушел в дом.

Когда семья вернулась из церкви, Дарки со двора окликнул Кэтлин. Она помедлила, потом подошла к нему.

— Он был там? — спросил Дарки.

— Да.

— Он говорил с тобой?

— Нет.

Дарки отвернулся от нее и продолжал насыпать лопатой землю в старый мешок от картофеля. Кэтлин ушла, оставив его за этой работой. Наполнив мешок, он завязал его той же веревкой. Потом, кряхтя, поднял нелегкий груз и накрепко привязал конец веревки к ветке дерева, росшего в углу двора. Мешок повис на уровне человеческой груди.

Вытерев пот со лба, Дарки принялся молотить кулаками по мешку, размеренно и умело, как это делают призовые боксеры на тренировке. Удары по мешку становились все ожесточеннее. Дарки шумно дышал, крякал и что-то бормотал про себя до тех пор, пока Уинни не крикнула из дому, что чай на столе. Тогда он вошел в дом и облачился в рубашку и пиджак.

Обед состоял из рыбы с картофелем, которые Уинни купила на обратном пути из церкви. К рыбе она подала помидоры. (Дарки с Кэвином сами выращивали их на огороде.) После обеда, который прошел в напряженном молчании, Уинни и Кэтлин убрали со стола, а Дарки, пересиливая себя, занялся свежим номером газеты — сообщениями о последних скачках.

Вдруг у входной двери громко и непонятно задребезжал звонок. Дарки отложил газету. Глаза всех обратились к прихожей.

— Ну вот! — сказал Дарки, поднялся, скинул пиджак и повесил его на спинку стула.

Крадущимися шагами он вышел в прихожую и зажег там свет. Несколько мгновений он стоял в нерешительности, глядя на дверь, как бы стараясь угадать, кто притаился за ней. Потом он выключил свет, отпер дверь и невольно отступил назад с крепко сжатыми кулаками.

Но перед ним стояли всего лишь Эрни Лайл и его жена Элен. Они смущенно извинились. Эрни объяснял, что просто решил зайти поболтать.

Проводив гостей в комнату, Дарки предложил сыграть в карты. Сели играть в ремиз вшестером: Дарки, Уинни и Элен Лайл против Эрни, Кэвина и Кэтлин. Играли рассеянно. Время от времени кто-нибудь пытался пустить веселую шутку или изобразить азарт, но это только подчеркивало, что над всеми нависло нечто невысказанное. Эрни с женой просидели почти до полуночи. Дарки казалось, что Эрни несколько раз собирался завести разговор о предстоящем бое с Янгером, но гости ушли, так и не сказав об этом ни слова.

А завтра — это была страстная суббота — Кэвин спросил отца:

— Ты собираешься в город?

Каждую субботу, по установившемуся обычаю, они с утра вместе отправлялись в «Королевский бар», но сегодня Кэвин счел нужным задать этот вопрос.

— Нет, может быть, попозже, после полудня, — уклончиво ответил отец. — Надо коечто сделать в огороде.

— Как хочешь, — сказал Кэвин и ушел из дому. «Это потому, что Джимми Янгер сегодня будет на скачках в Флемингтоне», — подумал он про себя.

Но ровно в полдень Дарки уже медленно шагал по направлению к «Королевскому бару». У старомодной вертящейся двери пивной он сначала остановился в нерешительности, но тут же овладел собой и подтянулся. Резко толкнув дверь, он вошел, внимательно оглядел зал и только потом двинулся к стойке.

Увидев отца, Кэвин поднялся из-за столика, где сидел в компании за кружкой пива, и подошел к Дарки с независимым видом завсегдатая «Королевского бара».

— Его нет здесь, — сообщил Кэвин. — Должно быть, в Флемингтоне.

Дарки подсел к компании Кэвина. Потягивая пиво, все разговаривали о сегодняшних скачках, об исходе футбольного матча, о политике и погоде, но только не о том главном, что у всех было на уме...

Все воскресенье Дарки занимался делом — то прыгал через веревку, то колотил по своему самодельному тренировочному мешку. Когда стемнело, он ушел со двора. Пройдя быстрым шагом по улице, он затем бросился бежать. От окраины города он устремился по дороге, ведущей наверх, к холмам. На вершине он отдышался и стал смотреть на затихающий город. Редкие огни прорезывали туман, как далекие фары автомашин.

Домой он вернулся, ощущая приятную усталость во всем теле, как и полагается боксеру после разминки. «Такой же, как прежде...»

Он тут же улегся в постель и крепко заснул. На рассвете в понедельник выпал иней.

Дарки поднялся только тогда, когда лучи солнца стали одолевать морозец. Он умылся; вода в тазу была обжигающе холодной. Надев штаны и обувшись в тяжелые ботинки, он закурил сигарету и стал прохаживаться по двору. Временами на него нападал кашель, как это бывает с завзятыми курильщиками в первые утренние часы. «Сегодня! Сегодня это случится, — думал он. — Такой же, как прежде...»

Ближе к полудню Кэвин снова спросил, пойдут ли они в «Королевский бар».

— Позавтракаем, потом пойду, — ответил Дарки.

«Надо дать тому время налить брюхо пивом», — решил он про себя.

После легкого завтрака Дарки вскипятил в котле воду. Потом отправился в спальню и достал чистое белье. Когда он шел по коридору, жена выглянула из кухни и спросила с дрожью в голосе:

— Ты собираешься в город, да?

— Нельзя человеку помыться в этом доме? — увернулся Дарки от ответа, притворяясь рассерженным.

Перед тем, как начать мыться, он ощупал широкую волосатую грудь, твердый, но уже слегка выдающийся живот, выпуклые мышцы на плечах и спине. «Мускулы, — сказал он себе, — стали вяловаты, подались под бременем прожитых лет... Такой же, как прежде?..»

Вымывшись с ног до головы, он надел все новое: чистую фуфайку, трусы, свежие носки, серые спортивные брюки, белую рубашку, кожаные туфли на резиновой подошве. Пройдя в столовую, уселся поудобнее в кресло, развернул газету. Солнце ярко светило сквозь опущенные шторы.

В дверях появилась Кэтлин и сразу сказала:

— Отец, ты не пойдешь туда, в бар?

— Может быть, попозже, — пробормотал он, в душе сам не понимая, хочет ли он этими словами обмануть дочь или его и впрямь охватывает неуверенность.

Кэтлин стояла неподвижно, видно было, что она борется с желанием закричать.

— Отец, — прошептала она наконец. — Отец, отложи газету, я должна поговорить с тобой.

Дарки положил газету на колени. Он смотрел на дочь с горечью и сочувствием: ее широкая цветастая юбка уже больше не могла скрыть отчетливой выпуклости живота.

— Это будет пустой разговор, Кэти, — сказал он.

— Нет, выслушай меня, отец! Я знаю, ты прав, а он виноват... Он бросил меня. Он никогда на мне не женится. Но уж довольно было сплетен вокруг этого. А теперь и вовсе уж... — Она положила ему руки на плечи. — Отец, ты не будешь драться с ним!

Дарки никогда не умел разговаривать с детьми, даже по самым пустяковым вопросам. Вот и теперь у него не было слов, чтобы выразить все, что переполняло его сердце.

— Я буду с ним драться.

Это было все, что он смог сказать.

— Драться! Драться! Почему ты должен драться с ним?

— Потому что... я сказал, что буду.

— Потому что ты сказал! — простонала Кэтлин.— Ну, а я? Обо мне ты не думаешь?

В комнату вошла Уинни. Она приблизилась к Кэтлин и осторожно обняла ее.

— Тебе нельзя волноваться, детка.

Уложив Кэтлин на кушетку у окна, Уинни повернулась к мужу. Она, казалось, обрела какую-то решимость.

— Дарки, ты не так молод, как раньше. Но если ты не хочешь думать о себе, подумай о Кэтлин.

— Я не могу думать ни о ком, — промямлил Дарки, не в силах закричать на жену.

Уинни опустилась перед ним на колени и сложила просительно руки.

— Я замужем за тобой почти двадцать пять лет. Ты редко делал то, о чем я тебя просила. Но на этот раз сделай!

Дарки еще не собрался ответить, а Кэтлин уже стояла на коленях рядом с матерью.

— Отец, — сказала она, — драться с ним... Это только еще больше испортит все. Хочешь, я скажу людям, что это я просила тебя не вызывать его?..

Дарки чувствовал, что эти женщины вот-вот убедят его. Ну, в самом деле, что хорошего в том, что он поднимет руку на Янгера? Но что-то восставало в нем против этих мыслей. «Я готов послушаться их только потому, что в душе не хочу драться с Янгером», — мелькнуло у него в голове. Сознание того, что жена и дочь правы, боролось с нежеланием поддаться постыдному ощущению трусости. Он уже не понимал, где начинается одно и где кончается другое. Он искал слов для ответа и не находил их.

Но тут с улицы донесся шум, какие-то люди кричали, перебивая друг друга.

Из бессвязного гомона выделился один голос:

— Ну, выходи, давай драться, паршивый мерин!

Обе женщины затрепетали, как вспугнутые птицы. Дарки сбросил газету с колен на пол и на цыпочках подбежал к окну. Он чуть отодвинул штору, так, чтобы видеть улицу, а самому остаться незамеченным.

На тротуаре перед домом стоял Джимми Янгер, окруженный доброй полдюжиной своих дружков. Они стояли плечом к плечу и, видно, были готовы на все.

Янгер был огромный парень, лицо его и ухватки выдавали неотесанного деревенщину. На нем была рубашка с засученными рукавами, синие матросские штаны и белые туфли. Он стоял, широко расставив ноги, с видом заправского боксера. Ноздри его раздувались, он словно уже чуял запах крови невидимого противника.

— Выходи драться! Ты ведь искал меня — вот он я, здесь!

Дарки отступил от окна и сказал, тяжело дыша:

— Ну вот. Теперь я буду драться с ним.

Кэтлин бросилась к отцу и схватила его за руку.

— Отец! Не выходи! Не выходи к нему, богом тебя молю!

Дарки пошел к двери, волоча дочь за собой, но в его движениях не было твердой решимости. Кэтлин продолжала упрашивать его. Уинни ухватилась за другую руку мужа.

— Не выходи, Дарки! Они изобьют тебя до смерти. Подумай о дочери, если не хочешь думать о себе!

Они цеплялись за него с удесятеренной отчаянием силой. В прихожей, у самой двери, он остановился и сделал вид, что борется с ними. Он мог бы одним взмахом отшвырнуть их на пол, как Гулливер лилипутов, но против собственной воли позволял им удерживать себя.

Голоса на улице по-прежнему дразнили и издевались.

— Твоя песня спета, Дарки! — орал Янгер. — Выходи, посмотрим, кто из нас босс!

— Выходи, не прячься! — горланил кто-то из его дружков.

— Выходи! — кричал третий, присоединяясь к хору. — Получай свою порцию или оставайся на всю жизнь хвастуном!

Как бы в подтверждение камень ударился в железную крышу и покатился вниз с издевательским грохотом.

Дарки отстранил от себя женщин; он сделал это осторожно, но решительно.

— Посмотрим, кто из нас хвастун! — сказал он, но негромко. Его не могли услышать на улице.

Кэтлин снова загородила собой дверь.

— Я выйду к ним, отец! — сказала она упрямо.

Она чуть приоткрыла дверь и проскользнула в щель. Выйдя на веранду, она встала прямо перед людьми, бесновавшимися на тротуаре. Мгновение она молчала, высоко подняв голову, выпрямив плечи. Во всей ее фигуре было столько гордости и достоинства, что крикуны вдруг умолкли.

— Послушай, Джимми Янгер, — сказала она, — отца нет дома. Ты только тратишь понапрасну время.

Прежде чем они собрались ответить, она повернулась и ушла в дом, захлопнув за собой дверь.

— Мне надо было выйти, — вяло запротестовал Дарки и тут же смолк.

Снаружи снова раздались голоса, но более спокойные, словно враг затеял совещание. Потом Янгер сказал:

— Ну, что ж, пошли назад в бар.

Женщины отправились на кухню. Дарки снова уселся в кресло и попытался углубиться в репортаж о скачках. Но тут же он яростно скомкал газету и тупо уставился в окно. Мысли его блуждали, не находя опоры, скулы напряглись, его душил стыд.

Так он просидел добрый час. Потом в тишине послышались шаги: кто-то всходил по лестнице. В комнату вошел Кэвин. Его правый глаз заплыл огромным синяком, вся правая сторона лица смешно раздулась. У него был вид наказанного ребенка.

Дарки молча смотрел на него во все глаза.

— Ну вот, я подрался с ним,— объявил Кэвин.— Как ты сам видишь...

— Я не велел тебе делать это,— сказал Дарки.

— Так вышло, отец. Когда он вернулся в «Королевский», он сказал, что вызывал тебя, но ты не вышел. Он сказал это громко, на весь бар... И обозвал Кэти плохим словом.

— Каким словом он обозвал ее?

— Потаскухой. Он сказал, что ты трус, а Кэти — потаскуха.

Дарки выпрямился, глаза его блуждали, на затылке набухли вены.

— Мне пришлось драться с ним,— продолжал Кэвин.— «Никто еще не смел говорить мне такое»,— сказал я ему. Ну, все кончилось двумя ударами. Он ударил меня, а я ударился о землю. Дрались мы на тротуаре, возле пивной. Вернее, было три удара. Он левой двинул мне в глаз. А когда я падал, он еще правой влепил мне в подбородок, и я полетел навзничь. Он здорово это делает. Я не видал еще, чтобы кулаки работали так быстро и били так крепко... Пришлось вылить на меня ведро воды, пока я смог подняться на ноги...

Не говоря ни слова, Дарки встал и прошел мимо Кэвина в прихожую. Бросив испытующий взгляд в сторону кухни, он тихо положил пальцы на дверную ручку. Кэвин молча следил за отцом, исчезавшим за дверью.

Ранние сумерки вступали в долину, ведя за руку легкий холодок. Сойдя с тротуара, Дарки по отлогой тропинке стал спускаться с холма в город. На мгновение он остановился, поежившись от холода, потом стал на ходу заворачивать рукава белой рубашки, пока складки улеглись плотно над локтями, как у игрока в крикет, готовящегося подавать мяч.

У подножия холма он свернул на уличку, обсаженную молодыми дубками, и двинулся по ней к главному проспекту, где находился «Королевский бар». Улицы были пусты, шары уличных фонарей выплывали, как маленькие луны, из густого тумана. Откуда-то доносились звуки губной гармоники, исполнявшей невнятную мелодию.

С главного проспекта Дарки повернул направо, мимо гаражей, украшенных веселыми разноцветными рекламами. Он шел размеренным шагом, словно ему некуда было спешить, резиновые подошвы его туфель грозно и непреклонно постукивали по асфальту тротуара. Он твердо ставил ноги, и тело его двигалось легко и непринужденно.

В свете фонаря перед зданием городской сберегательной кассы Дарки заметил издали неясную фигуру идущего навстречу человека.

— Здорово, Дарки! — сказал прохожий, поравнявшись, и в голосе его послышалось сочувствие.

Все в городе, от маленьких ребят до стариков, называли его «Дарки», словно это имя он получил при крещении и у него не было фамилии.

Дарки не ответил. Когда он прошел мимо, человек остановился у фонаря, потом повернулся и на почтительном расстоянии пошел вслед.

Дойдя до «Королевского бара», Дарки слегка замедлил шаг. Напротив пивной, у освещенной витрины аптеки, стояли и о чем-то разговаривали несколько человек. Услышав шаги Дарки, а затем увидев его, они замолчали и повернули к нему головы. Он нарочно направился к главному входу в бар. Люди поодиночке стали переходить улицу, приближаясь к «Королевскому бару». У входа Дарки снова задержался и перевел дыхание. Потом решительным движением толкнул дверь и вошел, чуть не сбив с ног группу выходивших пьяных посетителей в забрызганных пивом пиджаках. Он еще постоял несколько мгнове-

ний, широко расставив ноги, придерживая руками створки двери.

Гул голосов в длинном зале вдруг оборвался, как если бы неожиданно выключили радиоприемник. Десятки людей в разной степени опьянения, как по команде, повернули головы к двери, забыв о кружках с пивом, которые они держали в руках. Дэнни О'Коннэл, кабатчик, замер с четырьмя кружками, которые он нес в растопыренных пальцах левой руки. У его светловолосой жены, сидевшей на высоком табурете у кассы, округлились глаза. Двое официантов, остановившись на бегу, как зачарованные глядели на Дарки. Сразу угомонилась группа посетителей, игравших в углу в «хуки». Один из игроков, полуобернувшись, застыл с битой в руках, словно позируя для кино.

Джимми Янгер обернулся вместе со всеми. Он стоял, выпрямившись, положив правый локоть на линолеум стойки, упираясь ступней правой ноги в железную перекладину. Левый кулак его инстинктиво сжался, ноздри большого носа вздрогнули. Перед ним на стойке стоял свеженалитый стакан пива, золотистые пузырьки поднимались со дна. Янгер сощурил глаза и помотал головой, делая вид, что немножко ослаб от алкоголя, хотя весь день он пил пиво только маленькими стаканами.

Дарки стоял все так же неподвижно, мышцы ног его напряглись под сукном серых брюк — он словно готов был оттолкнуться от пола и одним прыжком перелететь расстояние, отделявшее его от стойки. Это была великолепная поза, достойная наступающей минуты. Но сам Дарки чувствовал себя не так хорошо, как это могло казаться. Сердце неприятно стучало, колени вдруг ослабели. «Такой же, как прежде?» Этот проклятый вопрос словно бился у него в висках вместе с кровью... Ладно, дальше будет видно. Во всяком случае, им не дадут долго биться здесь, в зале, а на улице уже слишком темно...

Дарки убрал руки с дверных створок и сделал шаг вперед. Дверь закрылась за его спиной. Он двинулся прямо на Янгера. Люди за столиками отодвигались, давая ему дорогу. Он шел теперь уверенной походкой, слегка отставив в стороны полуобнаженные руки, словно напружившиеся мышцы мешали держать их по швам.

Когда между Дарки и Янгером оставалось не больше нескольких шагов, тишину разорвал визгливый вопль миссис О'Коннэл. Она спрыгнула с табурета и побежала к боковой двери, крича:

— Я позвоню в полицию!

Кабатчик бросился догонять ее.

— Не звони в полицию, Марго! Это ни к чему... Полицейские на карнавале в Дилингли...

В глубине души кабатчик не хотел связываться с полицией: он уже не раз платил штраф за недозволенную позднюю торговлю и азартные игры. Ему полиция была ни к чему.

О'Коннэл вернулся в бар. Увидев, что Дарки уже стоит рядом с Янгером, он зашел за стойку и занял позицию прямо напротив них.

Янгер не двигался, он только слегка расслабил мускулы рук. Дарки бросил на стойку двухшиллинговую монету.

— Налей-ка мне кружку пива,— сказал он хрипло.

О'Коннэл взглянул на стенные часы. Стрелка показывала три минуты седьмого. Время было закрывать пивную.

— Очень сожалею, Дарки. Пиво все вышло.

Дарки тоже обернулся к часам.

— Всего только шесть часов,— заметил он.— Да они и спешат у тебя. Ты никогда не кончал раньше половины седьмого.

Весь зал молча внимал бестолковому спору Дарки с кабатчиком о пиве и часах торговли. Все чувствовали, что это лишь начало, что дело пахнет неизбежным столкновением между Дарки и Янгером. Это и пугало и вызывало волнующее любопытство.

Дружки Янгера между тем сгрудились вокруг своего вожака. В пивную через боковую дверь вошел Кэвин, за ним спешил Эрни Лайл. Сразу оценив обстановку, они подошли поближе к Дарки.

— Брось это, Дарки,— проговорил Эрни неуверенно.

Вот-вот должна была разразиться буря. Но тут речь шла не о заурядной драке, когда один человек попросту вызывает другого. Нужен был предлог, и он должен был возникнуть здесь же, у стойки бара.

Посетители из более смирных уже спешили воспользоваться случаем и выходили из пивной.

— У меня пересохло в глотке! — кричал Дарки.

Среди напряженного ожидания, охватившего зал, он понемногу обретал привычную уверенность. «Ладно! Я такой же, как прежде!..»

Янгер все так же опирался правым локтем на стойку. «Если он ударит, то левой,— соображал Дарки.— Надо только суметь увернуться, и я кончу дело одним ударом. Это единственная моя надежда!»

Глаза его встретились с взглядом Янгера. Оба знали, что час пробил. Оба хотели этого, и все-таки обоим было не по себе. Но отступать уже было невозможно.

Вдруг, повинуясь смутному инстинкту, Дарки сказал:

— Тогда я выпью вот это пиво!

Он схватил стакан Янгера и осушил его одним глотком. Страх, сомнения — все ушло. Он не сводил глаз с лица Янгера. Мысли бежали четко: если только он ударит первым, я уложу его сразу.

Янгер не успел ничего сказать, а Дарки уже с треском поставил стакан на стойку. Растерявшись от уверенности противника, Янгер только запыхтел и пробормотал:

— Что ж, ты закажешь мне другой стакан.

— И не подумаю,— спокойно возразил Дарки.

— Тогда выкладывай пять пенсов.

— Не дам ни гроша!

Драка завязывалась естественно. Это была сама жизнь, и все было непохоже на кулачные схватки, изображаемые в книгах или на экране. Но кулаки должны были вот-вот заработать, и люди, стоявшие у стойки, механически отступили назад.

— Ты отдашь мне пять пенсов, слышишь? — повторил Янгер.

— Не дам ни гроша! — ответил теми же словами Дарки.

Мгновенным, неуловимым для глаз движением Янгер оттолкнулся рукой от стойки и левой рукой нанес короткий удар Дарки в лицо. Дарки увернулся, но недостаточно быстро — кулак Янгера задел его правое ухо. Но теперь Янгер открылся для встречного удара правой, коронного удара Дарки прежних дней. Дарки вложил в него всю свою силу, но его реакция опять оказалась замедленной на долю секунды, и Янгер успел принять удар на подставленное левое запястье.

Янгер обхватил Дарки руками, и оба, ломая друг друга, переплетаясь ногами, полетели на пол. Дарки очутился наверху. Янгеровские дружки с криком бросились оттаскивать Дарки. На помощь ему кинулись Кэвин и Эрни. Разнимать противников стали помогать официанты и несколько посетителей из тех добрых душ, которые всегда берут на себя неблагодарную задачу — утихомиривать кабацких драчунов.

— Все вон! — заорал О'Коннэл.— Бар закрыт!

Люди не заставили себя уговаривать: драка все равно была прервана. Скоро в зале остались только Дарки и Янгер, их друзья и персонал пивной. Рослый официант метался между Дарки и Янгером, крича:

— Прекратите, ради Христа! Хотите драться, идите на улицу!

— Пойдем, Дарки,— сказал Эрни.

Дарки дал увести себя из зала. Когда он проходил мимо Янгера, тот сделал попытку вырваться из рук державших его людей.

На улице толпа все еще ждала чего-то. Окруженный десятком доброжелателей, под охраной Кэвина и Эрни, Дарки остановился на ближнем углу.

— Он от меня не уйдет,— повторял Янгер. Руки его дрожали от возбуждения.

Собутыльники и приятели Янгера вывели его через боковую дверь. Они громко подбадривали его. Янгер был бледен, но помнил о неуверенном ударе Дарки, и это еще больше разжигало его. Он озирался, ища противника налитыми кровью глазами, и опять словно принюхивался к запаху крови.

— Я его возьму,— говорил он, хрипло дыша.— Было бы только где драться!

В толпе, сгрудившейся на мостовой, все еще было не менее ста человек. Из переулков подходили женщины и дети.

— Вы можете драться под фонарем, вон там,— сказал вдруг один из дружков Янгера, молодой парень. Эта мысль так понравилась ему, что он закричал во всю глотку, чтобы услышали все: — Пусть дерутся под фонарем! Это будет как на ринге в Мельбурне!

Он показывал на уличный фонарь, стоявший рядом с раскидистым деревом у входа на задний двор «Королевского бара». Фонарь отбрасывал широкий полукруг света на мостовую. Парень побежал и стал в самой середине освещенного места.

— Давайте! — орал он.— Становитесь в круг, и пусть дерутся честно!

«Становитесь в круг, и пусть дерутся честно!» Это было традиционное для Австралии

объявление о начале боя между непрофессиональными боксерами.

Янгер решительно двинулся вперед и вступил на освещенную площадку, на ходу стягивая с себя рубашку и фуфайку. Кэвин поглядел на Эрни Лайла — тот только беспомощно пожал плечами.

Дарки перешел через улицу и остановился на краю импровизированного ринга. Самые нетерпеливые из зрителей уже выстраивались в неровный полукруг. Другие тоже подвигались поближе, но как-то неохотно и медленно.

Парень, придумавший «ринг», тем самым счел себя судьей матча. Он уже стоял под самым фонарем в подчеркнуто официальной позе, хотя и был заметно навеселе. На нем была широкополая шляпа и измятый, незастегнутый темно-синий пиджак. Он захлопал руками по бокам.

— Джентльмены! — провозгласил он.— Леди и джент... Тут дело идет о небольшом матче бокса. И я здесь, чтобы смотреть за этим небольшим матчем... Прошу становиться в круг, и пусть дерутся честно! — Заметив кабатчика О'Коннэла и его жену, высунувшихся из окна кухни «Королевского бара», он добавил: — И пусть никто не вздумает посылать за полицией в Дилингли! — Дав знак Дарки и Янгеру подойти поближе, он понизил голос и объявил: — Ногами не лягаться. Не переходить на борьбу. Свистков не будет, раундов тоже, и считать до десяти не станем. Бой кончается, когда один из вас откажется дальше драться.

Он отступил назад, и бойцы разошлись в разные стороны.

У Янгера кожа была темно-коричневой от загара: он целые дни проводил на солнце. Мышцы его топорщились и перекатывались под кожей, отсветы фонаря ложились на них гладкими бликами. Это была мускулатура лесоруба, привыкшего орудовать топором. Обнаженный до пояса, он выглядел могучим атлетом.

Дарки не снял фуфайки. По сравнению с Янгером он выглядел несколько неуклюжим и сутулым, но в его фигуре чувствовалась спокойная сила. Янгер был выше дюйма на три, и руки у него были подлиннее.

Дарки поместился на покатом крае площадки, у самой границы светового круга, так что Янгеру досталось место немного пониже. Широко расставив ноги и твердо упираясь плоскими подошвами в землю, Дарки стоял, подняв кулаки на уровень груди. Он переступил несколько раз ногами, разминаясь, задвигал кулаками взад и вперед, как поршнями. Его боевая стойка напоминала своеобразную манеру Джека Дэмпси. Он был мастером встречного боя. Славу непобедимого он заслужил в сравнительно немногих схватках. Никогда он не нападал первым, он и теперь выжидал атаки противника.

Джимми Янгер закрылся правой рукой на высоте подбородка, левую выставил вперед. Это была классическая позиция. Он немало околачивался вокруг разных гимнастических залов, и за ним было уже несколько боев на рингах и на улице. Янгер приплясывал, дразня и заманивая противника, но Дарки ждал, настороженный, готовый отбить первую атаку и тут же ответить контрударом.

Толпа сдвинулась теснее, стало тихо, только сзади чьи-то ноги шаркали по асфальту.

Янгер сделал выпад левой, но он только прощупывал противника. Тот спокойно увернулся, дожидаясь полнокровного удара.

Кэвин, подбитый глаз которого был похож на черную яму, прошептал на ухо Эрни Лайлу:

— Отцу надо прикончить его сразу, иначе...

Янгер нанес тяжелый удар левой. Дарки ускользнул и в то же мгновение коротким правым крюком угодил противнику под ложечку. Потом он сцепился с Янгером, захватывая руки, наваливаясь всей тяжестью. Прежде чем самозванный судья успел вмешаться, Дарки оттолкнул Янгера и стал ждать нового нападения.

«Заманить его, потом сразу уложить в нокаут»,— настойчиво убеждал себя Дарки. Привычное спокойствие боя охватывало его, но он знал, что может выиграть только сразу, иначе неминуем позорный проигрыш.

Обозленный Янгер яростно ударил, и снова левой. Дарки присел, удар скользнул по его макушке. Сильный правый апперкот послал Янгера в нокдаун, он упал на четвереньки возле дерева, близ фонаря. Дарки подскочил вплотную, не давая ему времени подняться. Но Янгер сумел вскочить на ноги и вошел в клинч, стараясь достать короткими ударами голову Дарки. Он был обескуражен апперкотом Дарки, угодившим ему в челюсть, и на время словно утерял нить боя. Но голова его работала ясно, и силы не убывали. Ближний бой становился все ожесточеннее, по толпе пронесся глухой гул, в котором потонули отдельные возгласы. В настроении толпы смешивались воедино возбуждение, азарт, жалость, отвращение.

Дарки плечом отбросил Янгера и снова занял выжидательную позицию. Дыхание его стало заметно короче. «Что ж, не вышло с этим правым в челюсть,— старался он подбодрить себя,— попробую еще раз, потом начну ниже».

Янгер прыгнул вперед и опять ударил левой. Дарки отвел голову в сторону, но прежде чем он успел ответить новым апперкотом, Янгер сам выбросил вперед правую, и их кулаки столкнулись, погасив оба удара.

«Не поспеваешь, брат»,— признался себе Дарки, входя в клинч и захватывая руки Янгера. Судья крикнул: «Брэк!»,— и боксеры отпустили друг друга.

Уверенность Янгера росла. Он снова провел удар левой, снова отбил контрудар Дарки, и опять они сцепились. Дарки отметил мысленно, что силы его заметно убывают,—последний его удар был просто слабым. А Янгер, казалось, был так же свеж, как в самом начале. «Попробую подкопаться под него поглубже»,— решил Дарки.

Янгер, видно, решил оставить выпады левой. Он рванулся вперед, работая обеими руками. Дарки низко присел и послал короткий и точный удар правой по корпусу. Янгер хрюкнул и привалился к Дарки. Тот ответил апперкотом левой, удар попал Янгеру в нос, потекла кровь. Чувствуя, что на этот раз Янгеру досталось крепко, Дарки решил использовать преимущество, но Янгер остановил его бешеным правым кроссом. Удар глубоко рассек Дарки левую бровь, кровь брызнула на фуфайку. Кулаки Янгера бешено замелькали, но Дарки сумел войти в клинч и тут же отбросил его.

Янгер кинулся в новую атаку. Дарки не успел отклониться, и удар левой обрушился ему на переносицу. Из ноздрей сразу потекли две струйки крови.

Толпа, окружающая бойцов, то подавалась вперед, то откатывалась, следуя ритму боя. Женский крик взвился над толпой:

— Кончай его, кончай, Джимми, парень!

Янгер осыпал Дарки градом ударов. Дарки входил в клинч, отчаянно ища передышки. Он прилипал к противнику, отталкивал его. Наконец ему удалось сильно достать Янгера правой по челюсти, это немного охладило противника. Дарки повторил правой, потом ударил левой. Янгер отвечал тем же. Оба не отступали ни на шаг, тяжело и хрипло дыша.

— Действуй быстрее, Дарки! — крикнул Эрни Лайл.— Так тебе не побить его!

Дарки сильно досталось в эти последние секунды боя, он обхватил Янгера и стал ломать его, стараясь швырнуть на дерево. Судья бросился к ним, тщетно пытаясь оторвать Дарки от противника. Он ухватился за правую руку Дарки и стал дергать ее изо всех сил. Янгер тут же воспользовался этим и послал левой хук прямо в челюсть Дарки. Дарки попятился назад. Янгер наседал, учащая удары. Дарки пригнулся, изо всех сил стараясь остановить Янгера хорошим ударом по корпусу. Янгер охнул: Дарки наконец удалось это. Но теперь Янгер рвался вперед, как разъяренный зверь, силы его, казалось, удвоились. Он беспощадно колотил противника по окровавленному глазу, фуфайка и брюки Дарки были сплошь заляпаны кровью. Нос Янгера перестал кровоточить, но на лице его тоже красовалось немало кровоподтеков от полученных ударов.

Настроение толпы изменилось, люди отворачивались, не в силах преодолеть отвращение. Только немногие любители крови, особенно дружки Янгера, по-прежнему приветствовали своего чемпиона ободряющими криками.

Дарки свалился на землю — скорее от изнеможения, чем от ударов Янгера. Янгер стоял над ним, тяжело дыша и фыркая носом. Он уже праздновал победу.

Дарки поднялся, сел на обочину тротуара и тыльной стороной ладони вытер кровь с лица. У него был страшный и жалкий вид — запухшие глаза, исковерканное лицо. Грудь дышала прерывисто, толчками.

— Одну минуту, Бэрли,— сказал он судье, жадно ловя ртом воздух.— Я хочу снять башмаки. Они скользят.

Он начал развязывать шнурки. Янгер нетерпеливо переступал над ним с ноги на ногу.

Эрни Лайл стал между ними.

— Пожалуй, хватит, Дарки,— сказал он просительно.

— Не лезь не в свое дело! Я только-только разогрелся,— ответил Дарки.

«Только бы отдышаться,— подумал он,— и я еще могу угостить его разок — другой.. Во всяком случае, он не выиграет, пока не уложит меня насмерть...»

В одних носках, Дарки медленно поднимался на ноги. Один из янгеровской компании закричал:

— Бей, Джимми, бери его! Так ему и надо!..

Янгер с искаженным лицом метнулся, чтобы нанести последний, смертельный удар. Но Дарки сковал ему руки клинчем. Он чувствовал, что слабость словно начинает проходить. «Только бы продержаться первую минуту...»

Он снова и снова обхватывал Янгера, отталкивал, опять прилипал к нему, стараясь чуточку отдохнуть и прогнать туман, застилавший ему глаза. Но в толпе никто уже не поставил бы на Дарки ни пенса; молодчики Янгера ждали только неизбежного конца, остальные следили за беспомощной отвагой Дарки со смешанным чувством восхищения, жалости и омерзения.

Янгер не давал Дарки передышки. Победа была от него на палец расстояния. Он молотил по противнику увесистыми ударами, а Дарки все отбивался и входил в клинч. Оттолкнув Янгера, он уходил в защиту, закрываясь кулаками, жалкий, выдохшийся.

Но это был старый прием Дарки, и Янгер попался на него. Когда он еще раз рванулся, чтобы нанести решающий удар, Дарки вдруг оживился. Он встретил Янгера крюком левой в лицо, тут же яростным кроссом правой и еще добавил левой, когда Янгер уже падал. На этот раз Янгер получил солидную порцию, глаз его сразу заплыл кровью.

Толпа охнула и недоверчиво загудела.

Янгер оперся на локоть и ошеломленно затряс головой. Дарки стоял над ним, хрипло сопя, как дельфин. «Едва ли хватит меня на последний удар, если он встанет»,— смутно мелькнуло в его сознании. Мучительно медленно Янгер вставал на колени и тут же стал отползать от Дарки. Казалось, он понимал, что противник его выжимает из себя последние остатки энергии.

Как только Дарки бросился на него и ударил вполсилы, Янгер вошел в клинч. Судья не двинулся разнимать бойцов. Янгер прочно оплел Дарки руками, и тот тщетно старался вырваться для нового удара.

— Брэк, ты ублюдок! — прохрипел Дарки, но Янгер висел на нем, чувствуя, как голова его проясняется с каждой секундой.

— Разними их! — заорал Эрни Лайл, но судья не двинулся с места.

Когда наконец Янгер разжал руки, он был уже снова в форме и принялся угощать противника хорошо рассчитанными ударами. Но теперь он держался настороже.

У обоих суставы пальцев были ободраны в кровь. Правый глаз Янгера не открывался, лицо было иссечено царапинами, тело в кровоподтеках. У Дарки все еще сильно кровоточила левая бровь, под левым глазом расползся огромный синяк. Левая ноздря была рассечена, лицо распухло до неузнаваемости, рубашка и штаны залиты кровью. Он был безнадежно измучен, к тому же, видимо, сильно натер себе ноги об асфальт.

Дарки все же удалось заставить себя провести несколько ударов, но это стоило ему дорого. Сказано, что молодость всегда одолеет старость в физическом усилии. И теперь толпа становилась свидетелем правильности этой избитой истины...

Никем не замеченная, в толпе появилась Кэтлин. Вытягивая шею, она через головы зрителей молча смотрела на этих двух дерущихся насмерть мужчин. Потом она стала пробиваться сквозь толпу. Вырвавшись в освещенный круг, она подступила к Янгеру и схватила его обеими руками за плечо.

— Не бей его больше, Джимми! Ради бога, не бей его больше,— простонала она едва слышно.

Янгер метнул на нее косой взгляд.

— Уйди прочь, тварь! — зарычал он.— Я сейчас уложу его по всем правилам!..

Как сквозь кровавый туман, почти теряя сознание, Дарки увидел дочь. Он увидел ее жалко ссутулившиеся плечи и услышал слова Янгера. Какое-то бешеное вдохновение охватило его.

Как обезумевший, он рванулся и неистово заработал кулаками, метя обидчику в голову. Из носа Янгера снова хлынула кровь, но огромный детина только еще больше разъярился. Он сразу же перешел в атаку, обрушивая удар за ударом на лицо Дарки, от которых тот уже и не старался заслониться. Шаг за шагом Янгер оттеснял Дарки к дереву.

Гахх, гахх, гахх! Кость о мясо! Дарки стоял теперь, прижатый к дубу, опустив руки по швам. Сердце его словно распухло и готово было разорваться, ноги переставали держать обмякшее тело. Стоять он мог только потому, что опирался спиной о дерево.

Янгер в озверении колотил и колотил без пощады — по челюсти, по носу, по глазам Дарки. Какая-то женщина с ребенком на руках истерически закричала где-то в толпе:

— Остановите его кто-нибудь! Остановите, матерь божья, остановите!

Кэтлин закрыла лицо руками и повернулась к бойцам спиной. Кэвин подбежал, подхватил ее и потащил на тротуар.

— Остановите, ради Христа! — завопил Эрни Лайл.

Ослепший Дарки уже не видел своего мучителя. Лицо его превратилось в кровавое месиво. Янгер хрипел, разбивая безостановочно этот живой бифштекс, расплющивая его о дерево.

Дарки медленно начал сползать к подножию ствола. Янгер пригнулся и продолжал наносить удары, пока тот не вытянулся и не замер в неподвижности.

Со сжатыми кулаками Янгер стал приплясывать над телом Дарки, оглядываясь на толпу.

— Поглядите на него! — выл он с диким торжеством.— Вот он, ваш Дарки! Поглядите на него теперь!

Толпа разорвала круг и придвинулась вплотную. Некоторые наклонялись, чтобы лучше увидеть измолотого в порошок человека.

По телу Дарки пробежала дрожь. Он поднял голову и вытер ладонью кровь с лица. Несколько мгновений он смотрел Янгеру прямо в глаза.

— Глядите на него! Глядите на него теперь! — с бессмысленной монотонностью воскликнул Янгер.

Словно из глубины своего существа Дарки добыл последние капли мужества. Он стал медленно подниматься, цепляясь руками за дерево.

Янгер, сам близкий к полному изнеможению, повторял без конца:

— Поглядите на него! Теперь мы знаем, кто босс! Мистеру Дарки крышка...

Дарки искал глазами дочь и увидел ее.

— Берегись, Джимми! — крикнул кто-то из приятелей Янгера. Но было поздно.

Дарки оттолкнулся от дерева, падая всей тяжестью тела вперед, и ударил Янгера в живот. Янгер перегнулся надвое. Дарки сокрушительно двинул правой в челюсть, потом левой, потом снова правой.

Янгер рухнул на землю. Глаза его закатились. Головой он ударился о край тротуара. Он лежал, вытянувшись, без сознания.

Дарки покачался над ним мгновение, потом свалился поперек его протянутых ног. Последним усилием воли он приподнялся на руки, на колени и после нескольких попыток стал на ноги и выпрямился. Повернувшись, он двинулся сквозь расступившуюся, замершую толпу. Дойдя до тротуара, он стал шарить руками, ища башмаки. Подоспевший Эрни Лайл подал их ему. Дарки сел на тротуар и стал натягивать башмаки на ноги.

Янгер лежал все так же неподвижно. Двое из его дружков обмахивали его шляпами, стараясь привести в сознание.

Не завязав шнурков, Дарки встал. Он пошел по тротуару к Кэтлин. Окровавленной левой рукой он обнял ее за плечи. Потом зашагал вместе с дочерью прочь.

Там, где свет фонаря переходил в ночную темноту, он остановился и обернулся к толпе. Левая рука его все так же лежала на плечах Кэтлин. Лицо его исказилось в дикой гримасе, он выплюнул вместе со струйкой крови выбитый зуб.

Онемевшие люди смотрели на него широко открытыми глазами.

Дарки провел рукой по раскрытой груди и поднял окровавленное лицо. С разбитых губ его сорвались спотыкающиеся слова:

— Слушайте! Кое-кому из наших молодых пусть это будет уроком... Тяжелый урок, но... Но я все тот же, что и раньше!..

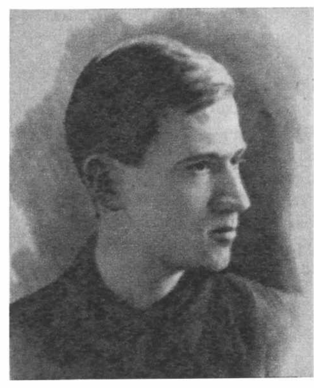
Он повернулся и повел Кэтлин в темноту. Рука его по-прежнему обнимала ее плечи. Он словно оберегал ее от бед и горестей, которых много в запасе у жизни.

Перевел с английского

Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Писатели и книги

Сергей Чекмарев, поэт



Весной 1956 года в «Комсомольской правде» рассказывалось о безвестном тогда поэте Чекмареве, о его жизни, оборвавшейся очень рано. Позднее газета в нескольких номерах опубликовала отрывки из дневников, писем и стихов Сергея Чекмарева. Ныне в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга, в которую включено почти все, написанное Чекмаревым за его короткую творческую жизнь.

Почему записи юноши, сделанные чуть ли не четверть века назад, кажутся написанными сегодня, что в них заставляет биться учащенно наши сердца?

Пожалуй, именно потому, что каждая строка этой книги дышит подлинной правдой жизни и правдой искусства, потому, что за каждым письмом, дневниковой записью и стихотворением стоит большой, интересный человек, думы и переживания которого не могут не волновать нас. Он не только писал:

Я буду там, где должен быть,
Куда поставит класс,—

но и сам своей жизнью доказывал искренность этих строк.

Он писал так же просто и искренне, как и жил, всем сердцем отдаваясь любимому делу, о котором не мог не писать, хотя, на первый взгляд, какая поэзия в такой прозаической области, как зоотехника!

А он жил этой зоотехникой, горел ею. Он жил взахлеб, жадно всматриваясь в жизнь, восхищаясь тем, как под напором его поколения преображается лицо Сибири и Урала, как хорошеет земля. В те напряженные годы он чувствовал себя в боевом строю, на первой линии огня, на переднем крае битвы за социализм.

Я знаю: я нужен степи
до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас
я залезу,
Что же со степью будет
тогда?
Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет,
наверно,—
Это я без нее не могу.

В записной книжке поэта были строки:

Ты должен вести
в бою,
в труде
Генеральную линию партии.

Всей своей жизнью Чекмарев доказал верность партии, ее генеральной линии,— жизнью и творчеством, которое стало известно нам спустя много лет после того, как была написана последняя фраза в тетради зоотехника Чекмарева.

Этот зоотехник трясся на гнедой лошаденке, объезжая фермы совхоза, мерз в буран и стужу, любил и страдал, жил обыденными, повседневными заботами и совсем не думал о бессмертии. Но образ его, встающий со страниц дневников и стихотворений, становится для советской молодежи бессмертным, становится образом героическим и достойным подражания.

Вл. ЛЮБОВЦЕВ

Сергей Чекмарев. Стихи, письма, дневники. Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 183 стр.

Только футбол...

Один из самых известных футболистов Советского Союза, бывший игрок сборной команды страны Андрей Старостин, выпустил хорошую книгу. Это ярко и правдиво написанная история нашего футбола, начиная от «Горючки» в Большом Тишинском переулке, где ребята играли литым мячом, и кончая Мельбурном.

Советский футбол сделал заметные успехи. Наши спортсмены вышли на международную арену и получили право в числе сильнейших команд бороться за титул чемпионов мира.

Андрей Старостин вспоминает «спортивную Цусиму», когда сборная команда России проиграла Германии 16 : 0, вспоминает первые, робкие международные встречи, сначала с коллективами рабочих союзов, затем с известными профессиональными клубами «Жиденице», «Рэсинг», «Арсенал», наконец, вспоминает недавнюю победу нашей сборной над чемпионом мира — футболистами Западной Германии.

Участник большинства крупных международных матчей как игрок и капитан «Спартака», а также как игрок сборных команд Москвы и СССР, Андрей Старостин показывает нам футбольные состязания как бы изнутри, говорит об их сути, тактическом замысле, о техническом его исполнении. Он ведет с читателем интересную беседу. Книга выгодно отличается от некоторых других книг-воспоминаний, в которые попросту собраны отчеты о состязаниях за много лет.

Все проблемы советского футбола, которые возникали под влиянием наших встреч с заграничными командами, интересно изложены в книге.

Андрей Старостин, центральный защитник, игравший всегда в атакующем стиле и помогавший своим форвардам, вынужден был потом отступить к своим воротам и исполнять защитные функции. Так на «своей шкуре», в борьбе с турком Вахабом, французом Куаром и волшебниками мяча — басками — он проходил «университет» новой системы игры, именуемой «дубль-вэ» и названной у нас системой «трех защитников».

Творчески воспринятая и почти все время изменяемая, эта тактика заметно повысила класс советского футбола.

Книга А. Старостина пропитана духом товарищества и дружбы. Она полна любви к футболу, его традициям и законам, писаным и главным образом неписаным. Автор очень много говорит о поведении спортсмена, о самодисциплине, о нравственности. Он рассказывает, как мстит футболисту кружка пива, за которую он отдаст на поле бочку пота, как спортсмен теряет класс, если он нарушает режим и пропускает тренировки.

Воспитательное значение книги трудно переоценить. И несмотря на то, что автор говорит главным образом о довоенном футболе, его рассуждения весьма своевременны.

Книга хорошо принята читателями. Жаль, что она издана сравнительно небольшим тиражом.

М. МЕРЖАНОВ

Андрей Старостин. Большой футбол. Изд-во «Молодая гвардия». Москва. 1957. 256 стр.

ПУТЬ АРАТА

Есть в советской литературе книги, которые словно распахивают перед читателем окно в новый, незнакомый мир.

К таким книгам, стирающим «белые пятна» в литературе, принадлежит повесть тувинского писателя Салчака Тока «Слово арата». Первая книга повести, опубликованная в 1947 году в «Сибирских огнях», заслужила признание читателей. Сейчас появилась вторая.

Книга Салчака Тока, работающего ныне секретарем Тувинского обкома КПСС,— это автобиография, рассказанная по-народному живо и увлекательно.

В жалком берестяном чуме прошли детские годы маленького Салчака. Еще в раннем возрасте он был вынужден пойти в батраки к баю.

Во второй части повести мы встречаемся уже с юношей, который ищет свой путь в жизни. Бурные переломные годы переживала тогда Тува. Громовые раскаты Великого Октября эхом отозвались и в Саянских горах.

Неизвестно, как сложилась бы судьба молодого арата, если бы в стойбище не появился человек, которого все уважительно называли Мыкылаем. Простые, понятные слова этого человека, русского большевика Николая, на многое открыли глаза юному тувинцу, помогли ему выбрать правильный путь. Не раз потом с благодарностью вспоминал юноша своего первого учителя, коммуниста Мыкылая. Навсегда запомнил Салчак и другого русского брата, солдата, впервые показавшего ему «букву с перекладиной» — букву «А»...

Повесть Салчака Тока — первое крупное произведение тувинской художественной прозы. В советской многонациональной литературе оно достойно представляет творчество тувинского народа, помогает почувствовать его живую душу и стремления.

Вл. КУЗНЕЦОВ

Салчак Тока. Слово арата. Повесть. Книга вторая. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1957. 219 стр.

ОПЛОТ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Б. ИОГАНСОН,

народный художник СССР

Двести лет Академии художеств! Какая славная дата! История развития русского искусства — это история Академии художеств, из недр которой выросли гиганты русского искусства. Но деятельность Академии художеств не была непрерывно триумфом реализма. Она представляет собою сложное сплетение противоречивых тенденций, непрерывную борьбу прогрессивных сил русского изобразительного искусства с силами косности, реакции. Как ни старались чиновники министерства двора, поставленные блюсти интересы самодержавия, православия, официальной народности, оградить искусство от современности, увести в сторону от острых проблем общественной жизни, они не могли остановить его могучего роста. Реалистическое искусство неуклонно пробивало дорогу через заросли всяких запретов и отмен.

Гуманистические идеи, пронизывающие все творчество великих русских художников, имели столь очевидную связь с революционно-освободительной борьбой прогрессивных сил общества против крепостничества, что императорский двор не мог, конечно, не видеть в этом грозных признаков надвигающегося народного гнева. Николаевская реакция не миновала академии. В ней были проведены административные меры по «пресечению вольнодумства». На практике это выразилось в жестком осуществлении программы официального искусства. Разрешалось писать только исторические картины и картины на мифологические сюжеты, целиком оторванные от современности. Бытовой жанр считался низким искусством, в особенности когда персонажами картины являлся простой народ.

В 1863 году 14 воспитанников академии подали в знак протеста против такого произвола заявления о выходе из академии. Во главе этой группы стал один из лучших представителей передовой русской интеллигенции, И. Н. Крамской. С выходом 14 художников из академии начался новый, самый значительный период истории русского искусства. В 1870 году передовые художники, в большинстве своем воспитанники академии, учредили Товарищество передвижных выставок. Образование Товарищества означало появление в России второго художественного центра, помимо официальной Академии художеств. Влияние передвижников на судьбы русского искусства настолько значительно, что мы и сейчас не можем переоценить эту школу русского идейного реализма.

Неверно было бы стать на ту точку зрения, что в старой, официальной академии не было ничего хорошего и все большое, что выходило из ее недр, появлялось вопреки академической системе художественного образования, порождавшей будто бы мертвое, официальное искусство, и что история русской художественной школы, как школы идейного реализма, начинается с передвижников. Любое явление в жизни имеет своих предшественников и имеет свои предпосылки. Конечно, официальное искусство тормозило поступательный ход русского искусства; конечно, идейно нестойкие, слабые художники гибли, не выдерживая борьбы с представителями официального направления в академии. Но зато люди, одаренные талантом, пройдя суровейшую школу рисунка и заданий по композиции на библейские, мифологические, аллегорические сюжеты, вносили живое начало реалистической правды в официальные темы. Именно так всегда случалось в истории искусства, именно так появились в изобразительном искусстве звезды первой величины: Карл Брюллов, Павел Федотов, Александр Иванов,— обязанные своим мастерством Академии художеств и ее педагогической системе.

Учениками великолепного педагога Академии художеств П. П. Чистякова были Суриков, Серов, Врубель. Художественное наследие первых двух оказало огромное влияние на дальнейшее развитие русского и советского искусства. Великие мастера во все времена властно приковывали к своим произведениям взоры честных и сильных людей. Декаденты, футуристы поднимали свои картонные мечи против мастерства великого, мудрого, красивого, правдивого. И не сразу ветер революции 1917 года вернул искусство на реалистический путь. Противники великого искусства еще цеплялись за революционные фразы, за так называемое новаторство, и все это преподносилось как «молодое», «свежее», «новое». Советская художественная школа особенно пострадала в первые годы революции. Спасибо Коммунистической партии, которая пришла нам на помощь в то трудное время.

Период 20-х и 30-х годов в истории советской Академии художеств был, по существу, периодом становления советской высшей художественной школы, которое протекало в борьбе со всевозможными эстетскими и формалистическими тенденциями. Всероссийская академия художеств вплоть до 1947 года по содержанию своей деятельности являлась высшим художественным учебным заведением.

5 августа 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о преобразовании Всероссийской академии художеств в Академию художеств СССР.

Академия художеств СССР, объединяющая лучшие силы советских художников, является организацией, которая призвана проводить в жизнь линию партии в области изобразительного искусства.

Наш долг — и впредь неустанно работать над творческим освоением великих традиций русской Академии художеств, которая на протяжении двухсот лет, несмотря на все сложные перипетии борьбы, была и осталась оплотом реалистического искусства.

Г. Г. Мясоедов (1835—1911). БЕГСТВО ГРИГОРИЯ ОТРЕПЬЕВА ИЗ КОРЧМЫ НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ. 1862 год.
За эту картину в 1862 году художник получил первую золотую медаль.

КАРТИНЫ С ВЫСТАВКИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 200-летию АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

И. И. Шишкин (1832—1898). ВИД В ОКРЕСТНОСТЯХ ДЮССЕЛЬДОРФА. 1865 год.
За эту картину в 1865 году художник получил звание академика.

А. К. Саврасов (1830—1897). ВИД В ОРАНИЕНБАУМЕ. 1854 год.
За эту картину в 1854 году художник получил звание академика.

И. Т. Хруцкий (1806 — ум. после 1855 г.). НАТЮРМОРТ. 1839 год.
Одна из картин, за которые в 1839 году художник получил звание академика.

В степи над Тоболом

Владимир КОТОВ

В Кустанайской степи строится гигантский Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат. Он в августе прошлого года отправил первый эшелон руды.

ВСЕРЬЕЗ

Быть может,
ошиблись геологи
и нет никакой руды!
Зимние ночи долги.
Земные породы тверды.
Тот самый догадливый летчик,
осмысливший
стрелки намек,
быть может, уставший,
летевший ночью,
он
ошибиться не мог!..
А где-то гудят неласково
заводы
на полуходу.
Домны зовут уральские:
дайте
скорее
руду!..
Пусть домики,
пусть палатки,
но городок уже рос!
Машины пришли...
Что догадки!
Ведь дело
уже всерьез!
Всерьез ведь!
Ребята женятся.
Все злее квартирный вопрос.
И первые
шесть рожениц
уже подтвердили:
всерьез.

НЕТЕРПЕНИЕ

Но только,
к той встрече готовясь,
три года —
и в зной и в дождь —
встречали
лишь кости чудовищ
да многослойную толщь.
Конечно,
природа
дар свой
науке
должна отдать.
Конечно,
зря
государство
не будет
средства кидать.
Конечно,
наука наукой,
и проба,
конечно, есть проба,
но что же
себя баюкать!
Пока
только степь
да пропасть.
Гигантская пасть карьера.
Да взрывы.
Да вновь труды.
Есть дело,
есть сила,
есть вера,
но нету пока
руды...
Ну, где же ты, рудное тело!
Ты дальше.
Ты слышишь.
Ты есть.
О, как неотвязно хотелось
скорее
добраться,
доскресть,
увидеть глазами
завтра,
что ныне
лишь крик души!..
И грызли грунт
экскаваторы,
зубастые скаля ковши.

РОДНАЯ...

Так моряки кричат:
— Земля!
В пустыне так кричат:
— Вода!
И степь и небо веселя,
так
прокатилось здесь:
— Руда!

У первого эшелона с кустанайской рудой в доменном цехе Челябинского металлургического завода.

Фото В. Георгиева (ТАСС).

Не праздник разве —
мы дошли!
Мечту — не груз несет стрела!
Достали мы
из-под земли
то, в чем нуждалась так
страна!

ЕЕ КАЧЕСТВО

Подними-ка кусок!
Хорош!
Не вырони вдруг!
Полновесен,
как слово «даешь»,
угловат,
как хороший друг.
А на цвет его
полюбуйся!
Густо-бурый,
а будто светится!
В нем железа,
как сока в арбузе,
в нем железа
процентов
семьдесят!

В КАРЬЕРЕ

Ступенчато спускается карьер
сквозь наслоения веков
и эр,
туда, где океан шумел,
туда,
где, истомившись,
ждет людей руда.
Лежит она,
от всех удалена,
под целиною — целина.
Ну, что ей там заброшенной
лежать!
Зачем ее
большой судьбы лишать!
Пусть к нам идет,
чтоб мир весь молодел.
Пусть к нам идет,
у нас ведь много дел.
Чтоб дом наш богател,
а мускул креп,
железо нужно нам,
как нужен хлеб.
В карьере радостно,
от всей души,
гудят машины
и гремят ковши.
Прожектора
глаза свои зажженные
в земную глубь
вонзили, восхищенные.

КТО!

Но что за бог
сюда добраться смог!
Вон он в кабине,
самозванный бог,
вон за штурвалом —
самозванный бог —
замазанный, вихрастый паренек.
Но, командир громады
самосвальной,
ведь он не то, чтоб очень
самозванный.
Нажал педаль,
кричит дружку:
— Пошел!
Его прислал
товарищ Комсомол.

А ЗДЕСЬ БУДЕТ...

Первые свежие травы
в скверах пускают усики,
и дирижируют
краны
самой великой
музыкой.
Спрашивать будет
не с кого,—
сами
в рай
прорвемся!
Улица
Пионерская
уже в деревцах:
«Привьемся!»
Построим и здесь,
тем более,
что нам уже это не диво...
Уже на реке Тоболе
рябит арматура —
плотина!
Ведь наша земля
не нищая,
все может!
Бери
и твори.
Обнимет
водохранилище,
город,
парки твои.
Не планы лишь только,
а факты,
дело, куда ни ступи.
Здесь запорхают яхты
в дикой
казахской степи.
И ветерок по зелени
будет гулять с утра,
и в уличных светлых бассейнах
поднимет галдеж
детвора.
У кафельных стен
балуется
горячий полынный дух.
И гордо гуляет по улице
рожденный в степи
петух.
Радостный
и многолюдный,
в комбинезоне
и в кепке,
вот он растет,
город Рудный,
город шестой пятилетки.
Скоро он встанет на карте
как веха
нашего счастья.
Вот что такое
Партия
и воля
Советской власти!
Смотри,
каждый день
с чемоданами
идет молодежь чуть свет,
все едут, спешат в степи
дальние
строить
свое
приданое,
лучше которого
нет!

г. Рудный.

Два новых счастливых человека

Рассказ

Борис ЗУБАВИН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Жил-был писатель, у которого была длинная благозвучная фамилия и большие серо-бурые усы, которые он отрастил для важности. Когда писатель сердился, он фыркал в усы и ворчал: «Фу, нехорошо. Мерзость, гадость». Но надо сказать, что фыркал он редко. Это был добрый и веселый писатель.

Однако лучше я начну с самого начала.

Было около десяти часов утра, когда на маленькой, затерявшейся в лесу дачной станции остановился электропоезд и из вагона вышли двое молодых людей. И он и она были одеты в спортивные брюки и ковбойки из простого, грубого материала.

Электропоезд, мягко, почти с места разогнавшись, ушел, а они остались вдвоем на пустынной платформе. Коричневый станционный домик, недавно покрашенный, с желтыми плинтусами и наличниками, с ярко-красной, как у мухомора, высокой крышей, сиял на фоне зеленой стены леса, подступившего к самому железнодорожному полотну. Солнце было уже высоко, хотя прохладные тени лежали на земле еще длинные и роса не высохла даже на припеке.

Когда замер покатившийся вслед за поездом вдоль лесной просеки шум колес, в тишине стал слышен бумажный шелест листьев осины. Молодые люди посмотрели друг на друга, улыбнулись, взялись за руки, сбежали по скрипучим ступеням с платформы и углубились в лес, начинавшийся сразу за станцией зарослями лещины.

Лес был старый, чистый, насквозь пронизанный солнцем, и в нем стоял тот густой, теплый, парной запах грибов, прелых листьев, смолы и земляники, какой бывает в лесу только по утрам в середине лета.

Войдя в лес, молодые люди остановились и, убедившись, что поблизости никого нет, стали целоваться, а потом вновь взялись за руки и, шаловливо сталкиваясь плечами, делая вид, что это нечаянно, стараясь не смотреть друг на друга от возникшего вдруг смущения, пошли дальше по мягкой, черной, с глубокими колеями лесной дороге.

Скоро средь деревьев показались дачи с раскрытыми окнами, запахло дымом, кухнями, послышались голоса играющих в футбол детей. Молодые люди свернули с дороги на узкую тропинку вдоль старого, покосившегося тына и сбежали в глубокий овраг. Солнце сюда еще не доставало, в овраге все было, как ночью,— сыро, зябко, глухо, пахло туманом. Молодые люди, перейдя по шаткому, прогибающемуся под ногами жердевому мостику через чистый, с песчаным дном ручеек, поспешили наверх и скоро вновь очутились в душистом лесном тепле.

— Подожди, Митя,— сказала девушка, слегка запыхавшись от быстрого подъема.— Такая крутая гора, правда?

Отдышавшись, она приблизилась к нему, смотревшему на нее с терпеливой, доброй улыбкой, положила ему на плечи тонкие загорелые руки и, чуть касаясь губами его рта, осторожно, со строгим лицом, поцеловала его несколько раз и, отстранясь, но не снимая рук с его плеч, склонив голову набок, внимательно, серьезно глядя ему в глаза, спросила:

— Это знаешь, что?

— Что, Надюша? — продолжая улыбаться, спросил он.

— Это я так люблю тебя.

Сказано было столь откровенно и трогательно, что Митя, удивясь и обрадовавшись, не нашелся, как ответить ей, и лишь крепко обнял и прижал ее к себе.

Митя был единственным сыном у матери, красивой, такой же, как он теперь, смуглой, с прямым и открытым взглядом карих глаз, рано овдовевшей. Отец Мити, летчик-испытатель, погиб при катастрофе несколько лет тому назад, весной, когда Митя заканчивал седьмой класс и именно в этот день написал записку Надьке Востряковой из седьмого «Б» соседней школы.

Чтобы помочь матери, машинистке, Митя не стал дальше учиться, а пошел работать на завод. С тех пор минуло пять лет. Митя вырос, возмужал, считался уже хорошим вальцовщиком, был членом цехового комсомольского бюро и учился в девятом классе вечерней школы рабочей молодежи.

Надя как начала с первого класса учиться на одни пятерки, так с этими пятерками и десятилетку закончила. Теперь она уже была студенткой университета и перешла на третий курс. Семья, в которой она выросла, шумно и дружно жила в старом доме на Курской канаве. Отец и два старших брата Нади работали на «Серпе и молоте», дымившем разноцветными дымами метрах в пятидесяти от их дома, за высоким забором.

Митя последние годы бывал в этом доме частым гостем, чувствовал себя свободно, запросто, даже когда мальчишки, увидев его, кричали: «Надькин жених идет!» Ему здесь все нравилось. Нравилось, что по вечерам все обитатели дома выбираются во двор: женщины чинно сидят на длинной лавочке, мужчины возле забора, под старой ветлой, стучат костяшками домино по столу, девочки без устали скачут через веревку, а мальчишки гоняют посреди двора мяч. Нравилось Мите и то, что квартиры тут с утра до позднего вечера не запираются, двери распахнуты настежь — входи, кто хочет. Его здесь все знали и относились к нему приветливо, с уважением: свой, заводской парень...

— Ну, пойдем же дальше, глупый,— сказала Надя, высвобождаясь из его объятий.

Скоро лес начал редеть, появилось больше солнечного, уже не прерываемого тенями света, стало теплее, ярче, и они вышли на луг, уже скошенный, с посеревшей в увядании травой.

На той стороне луга снова начинался лес, где среди деревьев, на холме, снежно белели стены и колонны загородного музея.

В этом дворце когда-то жил знатный вельможа; ни Митя, ни Надя не знали точно, кому принадлежали раньше дворец, парк, пруд под горою, да это было и не важно совсем, поскольку вельможа был знаменит только богатством. Важно было другое — то, что сюда приезжали известные писатели и артисты, а парк и дворец оформляли такие скульпторы, художники и архитекторы, что, наверно, у самого вельможи, когда он нанимал их на работу, дух захватывало.

Вблизи колонны дворца выглядели не так белоснежно, как издали, при сильном солнечном освещении с боковыми глубокими тенями.

На всех музейных дверях висели амбарные замки; был выходной день. Но Митя с Надей нисколько не расстроились и стали бродить по широким, пустынным, почти укрытым от солнца кронами старых лип аллеям, где меж деревьев то тут, то там стояли на пьедесталах, задумавшись, мраморные скульптуры, в большинстве безрукие.

Заглянули в пыльные, забранные частой толстой решеткой оконца старенькой церквушки, посмотрели в окошко итальянского до-

Короткие стихи

Морис КАРЕМ,
бельгийский поэт

УТРО

Снова хлеб с тобой разделим,
Наслаждаясь новым днем.
Скатерть белую расстелим,
Свежесть раннюю вдохнем.

Чашки с блюдцами смеются,
Потому что мы с тобой
Отразились в каждом блюдце,
В каждой чашке голубой.

Радость к нам слетит, как птица,
Будет крошки брать из рук.
Я боюсь пошевелиться,
Чтоб она не скрылась вдруг.

ТЫ

Ты — румянец на моей щеке,
Ты — в моей неделе воскресенье.
Линию судьбы мне на руке
Прочертила ты, мое спасенье.

Ты — мой труд, ты — песенка моя,
(Потому-то я молчать не в силах),
Сладость хлеба, радость бытия,
Сердца стук, биенье крови в жилах.

Перевел с французского
В. БЕРЕСТОВ.

мика, который, к удивлению, оказался совершенно пуст, даже табуретки не было.

Вокруг стояла тишина, какая и должна окружать музей, только легко и радостно пели птицы. Не встретилось ни одного человека. Митя с Надей делали вид, будто поражены всем, что попадается на глаза: и изяществом «храма Цереры», построенного в строго классическом стиле полтораста лет назад, и фигурным мостиком с зубчатыми башенками, перекинутым через сухую, поросшую кустарником и крапивой канаву.

Прижимаясь друг к другу, они с почтительной сосредоточенностью читали надписи, делая при этом многозначительные лица. Но все это было наивной хитростью, шитым белыми нитками лицемерием. Эти мостики, портики, беседки, бельведеры и башенки в готическом, «нарышкинском», классическом стилях не могли ни интересовать, ни волновать их только лишь потому, что они были заняты собою, друг другом, своей откровенной близостью, своим счастьем.

Они бы еще долго так притворялись, но Надя, остановившись возле скульптуры, изображавшей схватившихся Антея и Геракла, воскликнула, смеясь:

— Митька, отгадай, что мне сейчас вдруг, сию минуту, пришло в голову!

Митя, простодушно улыбнувшись, пожал плечами.

— Ну, я прошу тебя, отгадай,— капризно попросила Надя, дотронувшись пальчиками до рукава его рубашки.— Ну, прошу тебя.

Глубокомысленно нахмурясь, Митя поглядел в небо, где застыли легкие, похожие на пену облака.

Но он не замечал сейчас ни этих красивых облаков, не слышал свиста малиновки, шелеста листьев, гудения пчел, далекого, как гром, прокатившегося по железнодорожной просеке бега электропоезда. Притворяясь, что задумался, он лишь понимал и чувствовал, что Надя рядом с ним и что он очень любит ее.

И Надя с тем же чувством следила за выражением его лица.

— Нет, тебе, видно, и вправду не отгадать,— наконец вздохнула она.— Я лучше сама скажу. Видишь,— она кивнула в сторону Антея и Геракла,— у этих дяденек сегодня выходной день, как и у тебя, и они вышли сюда, чтобы немного поразмяться. Это тяжелоатлеты. Один из нашего «Металлурга», а другой, наверное, из ЦСК МО. Ты за кого болеешь? Я, например, за того, который вот-вот задохнется. Мне всегда жалко тех, которые проигрывают.

Он засмеялся, привлек ее к себе и хотел поцеловать, но Надя, вся изогнувшись, запрокинула голову, нахмурилась и погрозила пальцем.

— Тссс...— сказала она.— Нельзя. Эти дяденьки за нами подсматривают. Они только делают вид, что борются, а на самом деле они неприлично любопытные и подсматривают за всеми, кто целуется.

Ему и это показалось смешным и милым, а она, выскользнув из его объятий, оттолкнувшись от него, крикнула: «Догоняй!» — и побежала под горку в сторону по боковой дорожке, и кусты цветущего жасмина задевали ее плечи. Но она, сорвав с головы косынку, бежала с развевающимися волосами все дальше в парк, и лишь когда свернула в чащу, с ходу врезавшись в кустарник и проскочив на залитую солнцем и пахнущую медом полянку, ему удалось догнать и схватить ее. Она обернулась, жарко и часто дыша, увидела близко его настойчивые, настороженные глаза, каких не видела еще ни разу, и ужас и радость, гнев и изумление, восторг и мольба — все, вдруг смешавшись, мгновенно отразилось в ее ответном взгляде.

Встретившись с ней глазами, он почувствовал в себе новый прилив освежающей радости человека, которого любят, и тут же ощутил, как сам необыкновенно любит ее, что ее изумленное и радостное лицо до боли дорого ему, что прекраснее и милее этого лица ничего нет на свете, что он готов отдать за нее всю свою только еще начавшуюся жизнь; он привлек ее к себе сильным движением и стал целовать ее счастливое лицо, ее полные, яркие губы.

Возвращаясь на станцию, они еще несколько раз целовались, а потом сидели близко друг к другу за маленьким столиком в пустынном пристанционном буфете и, проголодавшись, с наслаждением ели черствые бутерброды, с твердой, покоробившейся и покрывшейся слезинками выступившего жира колбасой, запивая теплым яблочным напитком, и не замечали ни того, что бутерброды такие невкусные, ни того, что за ними с завистью следит из-за прилавка пожилая женщина, у которой никогда не было такого счастья, потому что она все делала из корыстолюбия и жадности, и теперь почти вся жизнь уже позади.

Войдя в вагон, они поместились рядом. Надя обхватила обеими руками его руку и прижалась к нему. Митя, которому казалось, что она задремала, сидел напряженно, боясь пошевельнуться.

Но Надя не спала, то и дело открывала глаза, приподнимала голову и взглядывала на него влюбленным, многозначительным взглядом, то молча, то о чем-нибудь спрашивая, и, будто убедившись в том, что он цел, невредим и даже произносит в ответ ей слова, опять на мгновение успокаивалась.

Подремав, Надя подняла голову и, смутно улыбнувшись, взглянула на Митю.

— Мне сейчас показалось знаешь что? Будто мы едем далеко-далеко.

— А что,— отозвался он,— можем спокойно уехать...

Надя опять улыбнулась, положила голову ему на плечо и, устроившись поудобнее, закрыла глаза.

А вагон жил своей, совсем далекой от них жизнью. Сосед Мити, не очень уже молодой усатый человек, обстоятельно обсуждал со своим другом начавшуюся войну в Омане, о которой сегодня сообщалось в печати. «Ну, не хорошо, не хорошо. Ну!» — осуждающе говорил усатый человек. Парни, толпой ввалившиеся в вагон, остановились в проходе меж скамеек и громко спорили о футболе; с соседней скамейки слышался злой, обиженный голос: «Ну, ничего, взял я и этот наряд. Ладно. А расценки? Я у него спрашиваю: а расценки? Молчит: ладно, мол. Не-ет, меня не проведешь, не на такого напал...»

Надя тем временем вновь подняла голову.

— И, знаешь, давай уедем совсем далеко. В Заполярье или на целину. Нам дадут домик, и мы будем там жить. Всю жизнь. Или в Сибирь. А в Москву будем приезжать в гости.

— Только подождем, когда ты кончишь учиться. Ладно?

— Ладно,— охотно согласилась она.

Усатый человек, обсуждавший войну в Омане, был не кем иным, как писателем, о котором упомянуто в начале рассказа. Напомним, что это был писатель рассудительный, добрый и очень проницательный, вероятно, потому, что с некоторых пор пил только сухое вино. Он давно обратил внимание на их счастливые усталые лица с припухшими от поцелуев губами и на то, что для них не существует ни вагона электропоезда, в котором они находятся, ни людей, которых по мере приближения поезда к городу становится вокруг все больше и больше.

И, увидев это, он понял, почему они находятся в таком трогательном одиночестве и не замечают ни радостей, ни печали, ни веселья, ни горя, царящих вокруг. А когда он понял это, лицо его стало еще добрее и приветливее, как у милого андерсеновского Оле-Лукойе, потому что счастливых людей на земле теперь, стало быть, прибавилось ровно на два человека. И он решил непременно написать об этом рассказ.

Вот только жаль, что он до сих пор никак не соберется и не напишет. А рассказ может получиться очень интересным, и все с удовольствием прочтут о том, как на свете появилось два новых счастливых человека, которые будут долго-долго, до глубокой старости, жить в мире и согласии и преданно любить друг друга.

Ветераны Ленинского батальона

Слева направо: Н. И. Рудницкий, М. Н. Василевский, Д. Н. Кариоти, А. П. Морозовский, А. Г. Кулик и Н. Ф. Астахов.

В повести «Хлеб» А. Н. Толстой посвятил яркие строки описанию боев с немецкими оккупантами на подступах к Донбассу. Малочисленные украинские советские армии перешли в наступление, чтобы дать возможность 5-й армии Ворошилова нанести удар по врагу.

Бои развернулись в середине апреля 1918 года. Занимавшая центральный участок фронта 3-я украинская армия разгромила крупное соединение немцев. Оккупанты подтянули подкрепления, «но пролетарские и партизанские отряды 3-й опрокидывали все понятия о непобедимости немцев, продолжали бить и гнать их, захватывая пленных, пулеметы, знамена, пушки, броневики.

Наступление длилось четыре дня без еды и сна. Армия далеко вынеслась вперед линии завесы. Резервы не подходили, и утомленных бойцов некем было сменить».

Немцы зашли в обнаженный фланг армии, драгуны прорвали центр. 3-я армия потеряла половину своего состава. «Остатки армии начали отходить под прикрытием Ленинского батальона.

К ночи удалось выйти из соприкосновения с противником. Но от славного Ленинского батальона в живых осталась лишь кучка — десяток израненных, перевязанных тряпьем, упорно дерущихся героев».

С того времени минуло немало лет.

Казалось маловероятным через сорок лет найти кого-либо из «кучки героев», ветеранов прославленного батальона.

Все же поиски начались. И вот в Одессе, где формировался батальон, собралось шесть ветеранов. Старый большевик, восьмидесятилетний рабочий Н. И. Рудницкий, бывший политкомиссар батальона, обращается к товарищам с вопросом:

— Кого еще можно разыскать?

Задумался боец батальона, ныне подполковник в отставке М. Н. Василевский. Как и старый большевик, персональный пенсионер Д. Н. Кариоти, Василевский встречал нескольких ветеранов на фронтах Великой Отечественной войны. Живы ли они, как с ними связаться?

Много фамилий называет бывший председатель батальонного комитета, почти ровесник Рудницкого, старый металлист А. П. Морозовский, вспоминает товарищей по роте бывший политкаторжанин мастер-литейщик А. Г. Кулик. Как и сорок лет назад, внимательно слушает политкома бывший артиллерист батальона печник Н. Ф. Астахов.

«Исходной позицией» для поисков стала Москва. Бывший главком украинских армий В. А. Антонов-Овсеенко в своих «Записках гражданской войны» писал: «На заседании Высшего Военного Совета я сделал доклад о нашей борьбе на Украине... Виделся также с В. И. Лениным... Сообщил ему, между прочим, о героическом поведении «Большевистского батальона имени Ленина», достойном своей партии и своего имени...». После доклада главкома остатки батальона вызвали в Москву. Торжественно встретили москвичи израненных героев. Командование батальона приняли В. И. Ленин и Я. М. Свердлов.

После непродолжительного пребывания в Москве «кучка героев» разъехалась, часть бойцов поступила в распоряжение Ф. Э. Дзержинского и многие годы работала в органах ЧК — ОГПУ, часть ушла на Восточный и Южный фронты.

Сегодня обнаружено 15 ветеранов. Десять находятся в Одессе. В Киеве живет бывший секретарь штаба, старый большевик Б. Ф. Рапопорт и боец Я. А. Крючков, в Москве — Д. Н. Кариоти. Отозвались живущий в Ростове генерал-майор в отставке И. О. Галенков-Масленников и пенсионер из Винницы М. И. Хейфец.

Розыски продолжаются...

М. СТАВНИЦЕР

В ИХ «РЕПЕРТУАРЕ»— 250 БЛЮД

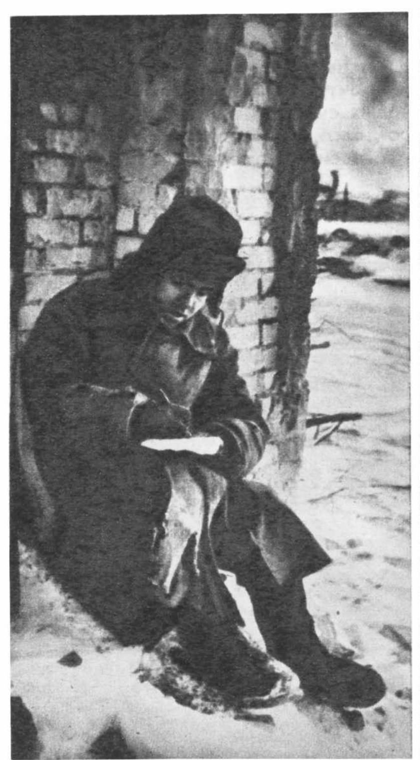
Много ли поваров нужно Москве? В столице их больше двадцати тысяч, и все же не хватает.

Школа кулинарного ученичества выпустит очередную группу в 360 поваров только в июне. А уже сейчас школа получает много заявок от предприятий общественного питания.

В кулинарной школе — переводные экзамены. Будущим поварам надо многое знать: свойства и состав продуктов питания, современные методы их хранения, устройство многочисленных механизмов для быстрой и рациональной разделки продуктов. Надо уметь составить меню, красиво сервировать стол. Этому учат их старые, опытные повара.

Будущие повара учатся в отлично оборудованной учебной кухне. В лучших московских ресторанах они проходят двухгодичную практику. К окончанию школы их поварской «репертуар» насчитывает свыше 250 блюд.

Две встречи



Наша первая встреча произошла в конце января 1943 года у стен Сталинграда. Будучи военным фотокорреспондентом, я обратил внимание на молодого бойца, который, прислонившись к разбитой стене, с увлечением писал письмо. Мы разговорились. Наводчик артиллерийского пулеметного батальона Владимир Матвеевич Гаврюшин сказал, что пишет письмо домой, в Москву.

— Вот хочу порадовать родных, рассказать о нашей победе в Сталинграде...

Прошло пятнадцать лет. Судьба снова свела меня с Владимиром Матвеевичем. Я показал ему фронтовую фотографию. Он улыбнулся и сказал:

— Больно у меня здесь вид неказистый.— Потом, задумавшись, добавил: — Да, трудные были дни...

Гаврюшин работает сейчас на машиностроительном заводе. Высококвалифицированный фрезеровщик, он усердно учится. Мы засняли его дома вместе с дочерью Наташей.

Г. ЗЕЛЬМА

Дневник ОГОНЬКА

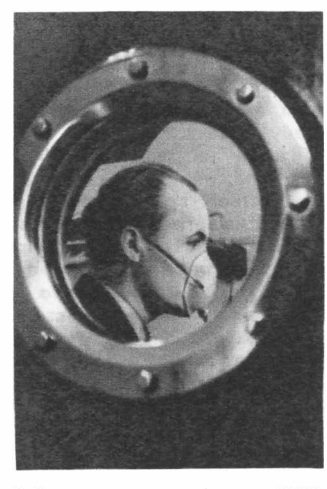
Кислородная маска для «воздушных» пассажиров

Реактивный пассажирский самолет «ТУ-104» летит из Москвы в Хабаровск. В его уютных салонах пассажиры чувствуют себя отлично, хотя высотомер показывает 11 тысяч метров над уровнем моря. Герметичность фюзеляжа этой прекрасной машины — надежная защита от губительного дыхания стратосферы.

В тех редких случаях, когда пассажир плохо переносит полет на борту «ТУ-104», имеются на всякий случай и кислородные маски для дополнительного кислородного питания — оно применяется как по желанию пассажира, так и по усмотрению бортпроводника. Сейчас Научно-исследовательский институт резиновой промышленности создал новую кислородную маску для пассажиров, летающих на турбореактивных и турбовинтовых пассажирских самолетах.

Новая маска, сделанная из пластмассы, чрезвычайно дешева в производстве и предназначена только для разового пользования. Как показали исследования, новая маска отвечает всем требованиям гигиены. Ею с одинаковым удобством могут пользоваться женщины с любыми прическами, бородатые мужчины и дети с десятилетнего возраста. Сейчас кислородная маска разового пользования проходит успешные испытания.

...Мощные насосы быстро откачивают воздух из барокамеры. Вот высотомер уже показывает «высоту» 3 тысячи метров. Надевается кислородная маска, и кислород автоматически начинает поступать в легкие. Стрелка прибора медленно двигается по шкале, иногда замирая на месте. Это руководитель испытаний делает «площадку», чтобы организм человека приспособился к пониженному атмосферному давлению.



В барокамере идет испытание кислородной маски для «воздушных» пассажиров.

Фото Е. Умнова.

«Подъем» прекращается. Самопишущие приборы регистрируют дыхание и другие функции, характеризующие состояние человека в стратосфере. Затем начинается «спуск на землю». Стрелка высотомера медленно движется в обратную сторону. Испытатель покидает «ледяные просторы стратосферы», созданной руками человека.

Маска для разового пользования удобна и вполне отвечает своему назначению.

А. ГОЛИКОВ

Большая биография

Полковник генерального штаба царской армии А. А. Самойло. 1908 год.

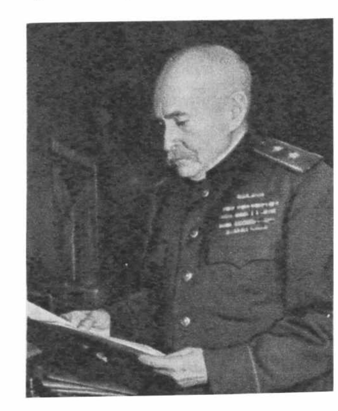
Давняя привычка пройтись вечером по тихому Обыденскому переулку не оставляет и сейчас старого генерала. Незнакомые почтительно кивают ему, мальчишки мечтательно шепчут вслед: «Всех белых в Белое море сбросил».

...До ста генерал-лейтенанту авиации в отставке Александру Александровичу Самойло еще добрых десять с половиной лет. Но поверит ли кто при встрече с этим бодро шагающим человеком, что ему скоро девяносто?

Шестнадцать лет назад Указ Президиума Верховного Совета СССР отмечал пятидесятилетие непрерывной военной службы на командных должностях генерала Самойло, в ту пору профессора общей тактики Военно-воздушной академии. Непрерывная военная служба на протяжении полувека, в то время как Вооруженные Силы Советского государства только отметили свое двадцатичетырехлетие! Да, весь послужной список с 1892 года, начиная с должности штабс-капитана в 6-м гренадерском таврическом полку и заканчивая последними днями службы генерала генерального штаба царской армии, был зачтен в этом Указе человеку, которому судьбы его народа были дороже всего в жизни.

— Совсем необычно и просто, без всяких внешних перемен, — вспоминает Александр Александрович,— произошел мой переход в армию новой России. Как это было?

Начальник штаба 10-й армии генерал Самойло получил неожиданный приказ выехать в Брест. Его назначили членом советской делегации по перемирию с Германией. Каково же было удивление Александра Александровича, когда по приезде в Брест среди делегатов он узнал своего доброго приятеля, старого университетского товарища, историка Михаила Николаевича Покровского.



Генерал-лейтенант авиации в отставке А. А. Самойло. Январь 1958 года.
Фото В. Мусинова.

— В таком виде ты решил представлять Советскую Россию? — удивился Покровский парадной генеральской форме своего друга.

Когда к зданию, где в Брест-Литовске разместилась советская делегация, была подана придворная карета с гербами, то в нее сел уже не генерал царской армии. На Самойло был, правда, тот же мундир, но без орденов и погонов, те же брюки, но уже со следами строчки от споротых лампасов.

— Должно быть, не очень уж блистательный вид был у военного советского делегата в этой общипанной форме, когда он представлялся командующему Восточным фронтом — принцу Леопольду Баварскому,— весело вспоминает Самойло.— Соболезнованием и утешением прозвучали тогда слова Покровского: «Поверь, придет время, вернутся к тебе и чины и ордена. Только будут они иными. Даст тебе их народ».

...Сколько бы ни рассказывал Александр Александрович, он никогда не повторит одного и того же эпизода из долгой своей жизни.

Вот храбрый офицер-разведчик Александр Самойло получает, казалось бы, невыполнимое задание: добыть секретные планы армии Франца-Иосифа, готовящейся к войне с Россией. Проходит немного времени, и данные эти появляются на столе русского офицера Александра Самойло в Петербурге. Военный министр Сухомлинов представил разведчика царю. Французское правительство наградило его за эту доблесть офицерским орденом Почетного легиона.

Добыть такие данные было делом нелегким. Но предстояло еще проверить какую-то их деталь на императорских маневрах в районе озера Балатон. «Тиролец» в национальном костюме по командировке из Петербурга неделю пробирался в Альпах, ночевал под открытым небом. Когда он благополучно вернулся, его доклад слушал начальник генерального штаба Жилинский. Он все знал об этом смелом офицере. Он знал, что предок его Самойло-Кошка, сначала кошевой атаман, а затем гетман, был двадцать шесть лет в плену у турок. Он знал, что, кроме шести европейских языков, разведчик Самойло в совершенстве владел двумя древними. Не знал он только одного: полковник генерального штаба Александр Самойло давно читает листовки, прокламации РСДРП, большевистскую газету «Правда».

Над всем этим давним ворохом дат, встреч, событий высится в памяти генерала тесная каморка переговорного пункта — прямой провод Беломорского военного округа. Начальником штаба был здесь в 1918 году Самойло. Потом он командовал 6-й армией, затем Северным фронтом. И сейчас, сорок лет спустя, перед глазами его струится тонкая полоска бумажной ленты с точками и тире. Они еще молчат, знаки Морзе из Москвы. Но скоро их расшифруют — и тогда заговорят приказы, предостережения, советы... На проводе в Кремле — Ленин, направляющий силы молодой Красной Армии на разгром иностранных интервентов.

...Мы листаем в архиве генерала Самойло старые документы, которым больше полувека. И среди них — документы, рассказывающие о двенадцати боевых отличиях, которыми народ отметил старого, заслуженного генерала. Александр Александрович показывает нам эти документы и снова вспоминает слова университетского товарища: «Придет время, вернутся к тебе и чины и ордена. Только будут они иными».

А. ЛАЗЕБНИКОВ

ОБЕД В ШКОЛЕ

— Сегодня в столовой дежурят Галя Рычкова и Аня Катюшенок,— объявил преподаватель.

Едва умолк звонок, возвестивший большую перемену, как третьеклассницы Галя и Аня уже мчались вниз по лестнице. А вскоре, надев на форменные платья белоснежные халаты, они встречали у дверей столовой своих товарищей. На столах аппетитно дымятся тарелки с борщом, потом появляются биточки с картофелем, компот...

Детская столовая в свердловской школе № 65 имени М. И. Калинина открылась недавно. Ее оборудовал городской трест столовых и ресторанов с помощью школьного коллектива. Старшеклассники прорыли траншеи для кабеля электрифицированной кухни, помогали установить котлы, устроить буфет.

Теперь столовая готовит ежедневно около тысячи завтраков и обедов для школьников. В электрических шкафах выпекают более двух тысяч булочек, расстегаев, коржиков. Горячие завтраки — булочка с котлетой или сосисками, сладкий чай или молоко — стоят один рубль. В большие перемены школьники обедают в столовой. Обеденный абонемент на неделю стоит пятнадцать рублей.

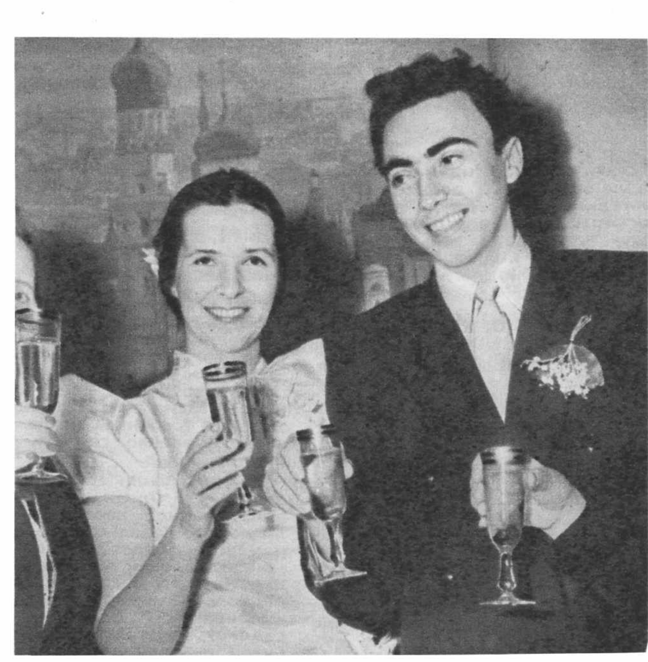
И школьники и родители очень довольны этим новшеством. «Мы оба работаем. Возвращаемся домой к вечеру, но за детей теперь спокойны. Знаем, что они не только вкусно позавтракают, но и хорошо пообедают в школе»,— пишут директору школы супруги Зыряновы.

Недавно в школе при столовой создан кружок домоводства. Девочки-старшеклассницы под руководством опытного кулинара учатся готовить первое и второе, печь вкусные сдобы, красиво сервировать стол.

А. ГРИГОРЬЕВ

В обеденный час.
Фото И. Тюфякова.

Приглашение на свадьбу



Лора и Клим на свадьбе.

Вначале это приглашение показалось странным. Потом все разъяснилось.

В редакцию пришли девушка и молодой человек. Вместе им было, по-видимому, не больше сорока лет. От молодой пары веяло такой свежей юностью, с такой милой застенчивостью они наводили справки, что при взгляде на них невольно улыбались даже самые серьезные и солидные сотрудники. Молодые разыскивали одного из фотокорреспондентов. Найдя его, они, смущенно переглядываясь, пригласили на свою свадьбу.

— Очень рад приглашению, но чему я обязан? — спросил фотокорреспондент.

— А вот чему,— ответила девушка, протянув старый номер «Огонька».— Мы ведь, если так можно выразиться, по вашей вине и женимся!..

Пять лет назад фотокорреспондент снимал учениц десятого класса в одной московской школе. В их числе была отличница Лора Пугачевская. На цветном снимке, опубликованном в № 6 «Огонька» за 1953 год, Лора изображена со своей подружкой — две школьницы в аккуратных белых фартучках. Вскоре после этого Лора стала получать письма. Их было очень много, около семисот. С некоторыми новыми друзьями завелась регулярная переписка. Особенно пришлись Лоре по душе письма от одесского школьника Клима Шора. Ей понравились и товарищеская простота, с какой он описывал свой город на море, и общность интересов в планах на будущее, и, наконец, трогательное постоянство.

Вот уже школа позади. Лора — студентка Московского инженерно - строительного института. Но по-прежнему аккуратно приходят письма от Клима, теперь уже студента Одесского электротехнического института связи. Два года продолжается переписка друзей. Письма становятся все подробнее и теплее. В летние каникулы, на третий год заочного знакомства, Лора поехала с отцом отдыхать на Черное море и впервые встретилась с Климом. Там же познакомились и родители — отец Лоры, инженер, и мать Клима, педагог.

Лора и Клим понравились друг другу. Мы не спрашивали, какие слова были произнесены ими в то чудесное, солнечное лето. Но после первого свидания их дружба еще более окрепла.

И вот через пять лет после первого письма наступил торжественный день свадьбы. Пришли с подарками подруги невесты, друзья жениха. Поздравил молодых супругов от имени редакции «Огонька» и фотокорреспондент, подарив им большой цветной снимок, на котором изображена улыбающаяся девочка в белоснежном школьном фартучке.

С. ФРИДЛЯНД

Фото из «Огонька» № 6 за 1953 год. Справа — Лора Пугачевская.

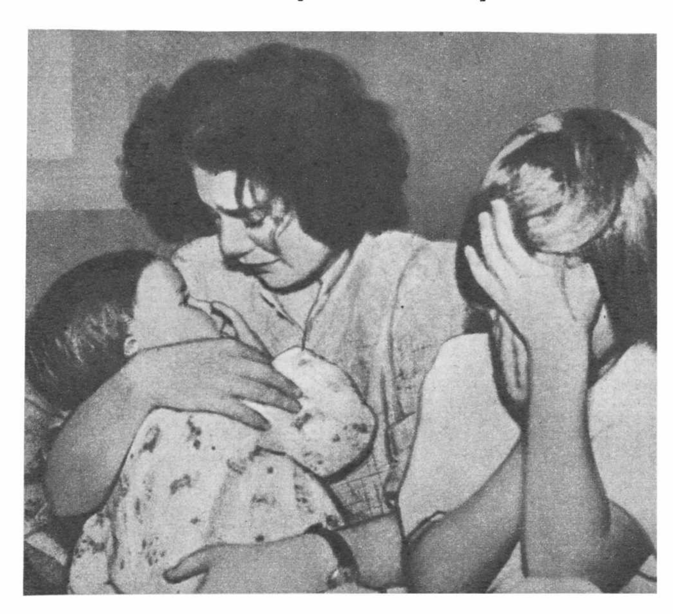
Добро пожаловать, «Беларусь»!

Во многих, даже самых глухих уголках Индии советский трактор «Беларусь» работает на орошаемых полях, обрабатывает поля под сахарный тростник, перевозит тяжести. Индийцы с большим уважением отзываются о его мощности, сравнивая его со слоном.

На снимке: трактор «Беларусь» в индийской деревне. Слон, по уверению механика, дружелюбно поглаживает хоботом своего железного собрата.

Инженер О. ХРУЛЬКЕВИЧ

Гостей встречают тюрьмой



Вот она, судьба венгерских беженцев, обманутых западной пропагандой! Юлия Фаркаш с мужем и детьми и еще две семьи недавно прибыли в Англию из Бразилии, как безбилетные пассажиры, потому что денег на дорогу у них не было. Беженцы заявили, что их отправляли в Бразилию, не сообщив даже, куда их посылают. Английские власти встретили гостей... тюрьмой. По распоряжению министерства внутренних дел Англии трое мужчин были арестованы. При первой возможности беженцы будут отправлены обратно в Бразилию.

Фото из английской газеты «Ньюс оф уорлд».

Забастовка в Сагами

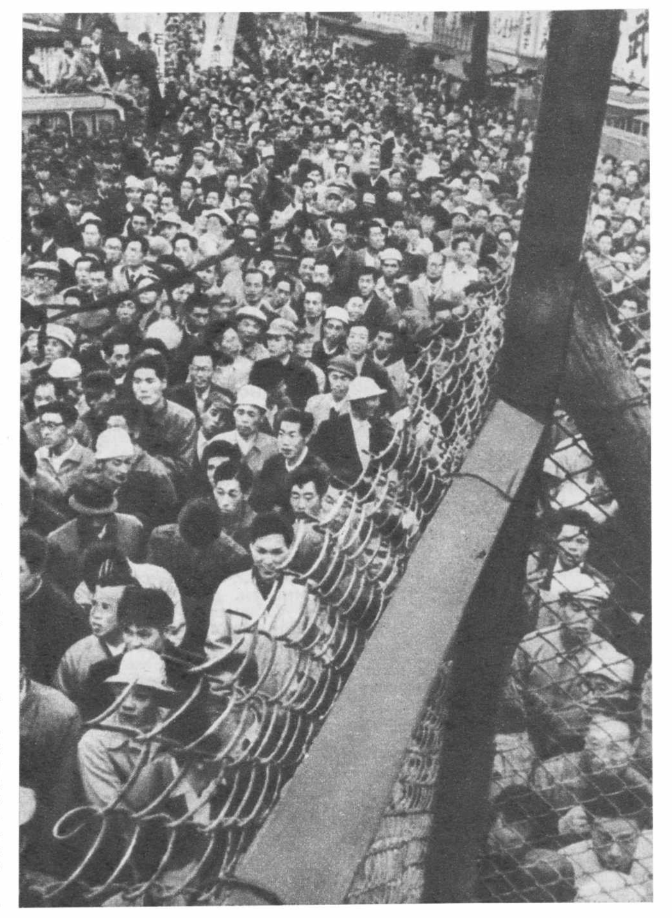
Небо и значительная часть земли японских островов принадлежат в наши дни Соединенным Штатам. Многочисленные американские военные базы, словно грибы-паразиты, покрыли страну восходящего солнца.

О случае, происшедшем на этой военной базе, рассказал читателям журнал «Асахи гурафу».

В конце прошлого года на заводах Сагами, которые находятся на территории военной базы США, было объявлено об увольнении 1 415 человек, то есть почти половины всех рабочих и служащих. Сделано это было под диктовку американской военной администрации. В ответ на такое самоуправство рабочие вместе с уволенными организованно явились на завод, чтобы приступить к работе. Огонь полиции и американских солдат преградил им дорогу. Сорок человек пали жертвой расстрела.

В последующие дни американцы забаррикадировали все проходы на территорию базы. Однако рабочих не удалось запугать. Они снова собрались у входа на базу с возмущенными возгласами: «Американцы, прекратите незаконное вмешательство! Мы хотим работать! Немедленно откройте ворота!» (снимок справа).

События в Сагами вызвали отклик во всей Японии. Двадцать тысяч рабочих объявило забастовку солидарности. Многие общественные организации выступили в защиту рабочих Сагами.



В Японии много вулканов. Однако что может быть более страшным и могучим, чем гнев народа. Не потому ли незваные американские гости, вооруженные полицейскими дубинками и многозарядными пистолетами, так неуверенно чувствуют себя на японской земле?

М. ЕФИМОВ

НОМЕР ТАКОЙ-ТО...

Дьердь МАТЭ,
главный редактор венгерского журнала «Эрдекеш Уйшаг»

Когда-то его звали Эрне Дебреши. Жил он в венгерском городе Кесег, работал чернорабочим на войлочной фабрике. Женат, двое мальчиков. Жена как раз ждала третьего ребенка, когда эту семью увлекло гнилым ветром на Запад.

Сначала были австрийские лагеря. За ними — Вена. По американской квоте получили номер. Казалось, под этим номером будет числиться живой человек, Эрне Дебреши. Нет. Это был просто порядковый номер. Огромный американский пассажирский самолет взлетел и кратким путем пересек океан.

И вот я сижу на скамейке рядом с «номером»... На руках у взрослого Эрне четырехмесячный Тамаш. Слушаю — и чем дальше, тем больше недоумеваю.

— Это было безумие какое-то,— говорит он.

Да, нужно было потерять голову, чтобы поверить, что на Западе — сплошное министерство социального обеспечения, а у нас все только «пропаганда», даже если радио сообщает, что сегодня в Будапеште солнечная погода.

После американского лагеря попал в Трентон, в штате Нью-Джерси. Из тринадцати месяцев работал шесть — на маленьком железоделательном заводе, потом в резинолитейном. Платили ему лишь половину заработка американского рабочего. Подгоняли, ругали, издевались.

Кроме того, тоска по родине. Вначале тоска мучила только днем. Позже они с женой стали слушать радиопередачу «Родина» из Будапешта. Теперь уже и ночь заполнилась домашними звуками, лицами, венгерскими радостями и горестями. Нет более жестокого наказания, чем оказаться без родины.

Американские газеты запугивали: мол, вернувшихся в Венгрию тут же посадят за решетку. Ни он, ни жена не верили этому, они еще не потеряли рассудка. Удерживал и мучил стыд. Поехал человек с тем, что у него будет дача, автомашина, завтра — мастерская, послезавтра — фабрика. А вернется голым. Предстать таким перед своими людьми не так-то легко.

И все-таки «номер такой-то» решился. Пусть малыши увидят свет на родине! Трижды просил разрешения выехать домой. Снова издевались над ним, угрожали. Он настаивал. К счастью, из Соединенных Штатов выселяли каких-то греков. Семью посадили на самолет вместе с греками и без остановки — прямо в Афины...

Он ступил на венгерскую землю и стал снова Эрне Дебреши. Теперь он уже в родном Кесеге. Ходит по улицам, которые так часто снились ему, встречает старых, добрых друзей. Снова работает. Испорченная жизнь меняется к лучшему.

Семья Дебреши на родной венгерской земле.
Фото автора.

НА ВОЛЮ!

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

19 февраля исполняется 80 лет со дня рождения одного из старейших деятелей КПСС, Е. М. Ярославского.

В личном архиве моих родителей, Емельяна Ярославского и Клавдии Ивановны Кирсановой, находится подлинник рассказа моего отца «На волю!». Он написан в 1922 году и был предназначен для журнала «Сибирские огни».

Рассказ этот, «зарисовка с натуры», относится к 1913 году, когда Ярославский после отбытия царской каторги в Горном Зерентуе был сослан на вечное поселение в Якутск. «Воля», конечно, была относительная.

Несколько карандашных рисунков, воспроизводимых здесь, сделаны Ярославским с натуры в 1909—1910 годах в Санкт-Петербургской пересыльной тюрьме. Они не являются прямыми иллюстрациями к рассказу, но прекрасно передают настроение и состояние духа людей, в которых царские кандалы не убили ни жажды свободы, ни стремления к знаниям, к книге.

Рисунок с подписью «Дух материализованный и осужденный на каторгу», — по словам отца, автопортрет.

М. Е. ЯРОСЛАВСКАЯ

Из окна нашей тюремной мастерской виднеются далекие голые сопки. Сейчас же за тюремной оградой идут строения, где живет наше начальство — начальник тюрьмы и другие. А дальше, за строениями, виднеется дорога, извивами уходящая в сопки.

Мы часто стоим у окна, особенно в дни, когда приходят новые партии каторжан или уходят окончившие срок. И когда смотрим на уходящие вдаль серые фигуры, нам становится грустно, мыслью мы уносимся за эти далекие горы, как будто за ними совсем особый мир. Там люди живут свободные, там кипит борьба, а здесь остались лишь маленькие радости и слишком глубокие страдания.

Небо над горами кажется таким голубым, совсем не такое оно, как над тюремным двором. Там какая-то легкость, простор, а здесь маленький клочок неба, и тюремные стены словно упираются в него. Извивается, чернея, в нерастаявших весенних снегах речка Зерентуйка. Разбросана по горе деревня — Горно-Зерентуйская станица. На высокой сопке, прямо перед тюрьмой, мрачная, словно грозит кому-то, потемневшая часовенка. А кругом сопки, под которыми похоронено столько не вынесших неволи; сопки со старыми, заброшенными шахтами, о которых рассказывают страшные вещи люди, когда-то работавшие в них.

Мне остается уже недолго. Я доживаю в мастерской последние дни. Нас работает двенадцать человек, и из них несколько человек — «вечники», осужденные на вечную каторгу. Что им передать на волю? Они все пишут письма. Они бодрятся, им так хочется жить! Они гонят от себя мысль, что еще долгие годы их будут держать тюремные стены. Они строят планы побегов. Я знаю, что в этих планах много фантазии, несбыточного, но больно их огорчать... Да, конечно, я разыщу всех, кого им надо, я расскажу об этих планах, я помогу их выполнить.

Работать не хочется. Зайдешь в мастерскую, где пахнет клеем и свежими стружками, где визжат пилы и мягко строгают фуганки под шутки краснощекого, толстого Михлина, под сердитое ворчание Рябого, под вспыльчивый голос вечно спорящего с кем-то брата, иногда под треньканье гитары или балалайки, тут же сделанных, в мастерской. Все бросают работу и принимаются горячо обсуждать, как я пойду, как меня снарядить, что я буду делать на воле. И чем ближе к концу, тем больше разговоров об этом. Но вот и последний день. Я собираю узелок с вещами, с провизией, прощаюсь сердечно со всеми и ухожу в пересыльную камеру. И как будто жаль расставаться.

В пересыльной камере большое оживление. Собралась настоящая уголовная «кобылка» — люди бывалые. Среди них немало оканчивающих уже второй или третий срок. Больше всех волнуется больной старик Зинькович. Вот уже который раз его ставят на комиссию к отправке, но каждый раз оставляют как больного. У него высокая температура, ревматизм ломит ноги и плечи, и больше всего он боится фельдшера. Что, если опять оставят? Он старается бодриться и казаться совсем здоровым. А «кобылка» гогочет:

— Куда тебе, Зинькович! Приписывайся лучше к могилевским мещанам! Вон тебе Коваль[1] под горой отведет три аршина земли, тебе и хватит.

Но Зинькович вовсе не хочет умирать. Он мечтает о том, как вернется в свою белорусскую деревню, снова заживет своим хозяйством, и даже о мести своим врагам мечтает он... Он изголодался и с жадностью ест кусок соленой кеты, который я ему дал. Но вот и фельдшер. В последний раз слышно: «Нет ли больных?» Зинькович старается спрятаться дальше всех. Но фельдшер давно знает его. «Ты куда прячешься?» И ставит ему термометр. Зинькович смотрит на термометр с таким видом, как будто под мышку ему положили пироксилиновую шашку. Но на этот раз ему повезло: температура нормальная.

Через час мы собираемся на тюремном дворе. Нас окружает конвой. Мы еще раз прощаемся с гуляющими по двору арестантами. Перед нами раскрываются тяжелые железные ворота — и мы за тюремной стеной.

Ранняя весна на дворе. По голубому небу бегут легкие облака. Мягкий, теплый ветер ласков. Ноги идут как-то легко — сами идут. Оглядываемся назад. Тюрьма белеет среди сопок и низеньких окружающих строений, словно замок, словно дворец. Из окон смотрят на нас десятки глаз, и мы знаем по себе, какие горькие мысли шевелятся у них, и... как при прощании словно жаль стало расстаться с тюрьмой.

Дорога, кажется, тянет к себе, все дальше, дальше, за эти сопки, за эти горы. Но вот и тюрьма скрылась. Вдали, впереди, зачернел голый лиственничный лес. Какой смолистый, душистый запах несется из этого леса! Всей грудью вдыхаешь этот запах, кажется, целые десятки лет не ощущал его. Хочется петь, бежать по дороге быстро-быстро... Но по сторонам идут конвойные. Хотя и на волю идем, но никуда бежать нельзя. Еще впереди долго этапы, команды, тюремные затворы, тюремные оскорбления, быть может, побои.

Конвойные уже не те, что вели нас на каторгу. Тогда они шли суровые, злые, сторожили каждое наше движение, соразмеряли каждый наш шаг. Вот «Солонцы». Несколько месяцев тому назад шли мы этой дорогой в кандалах. Сбивши нас плотной кучею, шли кругом конвойные и злобно покрикивали: «Не беги! Не отставай! Не оглядывайся! Не разговаривай! Не останавливайся!»

Кругом чернел темный, глубокий лес. Отойдешь на двадцать шагов — и пропал в лесу. Конвойные знали: человеку, которого ведут на вечную каторгу, может быть, милее смерть от пули, чем от вечных тюремных страданий. И мысль мелькает: бежать. И тянет к себе лес и зовет: «Беги!» Вот почему так настороженны конвойные, и, чуть отстанешь, оглянешься, в сторону посмотришь, сзади «чертова пятка» — приклад — стучит по спине.

А теперь те же конвойные идут веселее. Уже не покрикивают на нас, не постукивают «чертовой пяткой». Они знают, что мы идем на волю. Зачем нам бежать теперь, рисковать? И они шутят, поют вместе с нами, часто останавливаются покурить.

Не слышно кандального звона, нет уже страха, каким живет партия каторжан. Мы поем веселым хором, запевалой у нас Васька Сахалинец, забубенная головушка, молодой еще парень, но уже навсегда, на всю жизнь избравший себе карьеру — разбой. Он немножко хвастает своим прошлым, рассказывает самые зверские вещи и в то же время сентиментален до последней степени, поет со слезой чувствительные романсы, и конвойным нашим, сибирским крестьянам, он положительно нравится. Как бы восхищаясь, старший конвойный говорит ему: «Настоящий ты варнак, Васька». Васька весьма доволен.

Вот мы и на этапе. Но и здесь не так, как прежде. Я иду с конвойным по деревне закупать провизию. Он уговаривает меня зайти с ним выпить. В крестьянской избе достает водку. Все угощаются ею. Четырехлетний мальчишка — и тот выпивает четверть чашки. Мать даже как будто гордится: «Он у нас, как большой все равно, завсегда пьет».

В этапном помещении своя жизнь. Играют в карты вместе и арестанты и конвойные. На дворе костер, варится обед. Конвойный увидел у меня тетрадь с рисунками. Он очень удивлен, что можно от руки карандашом нарисовать человека. «А можешь меня нарисовать?» Тащит лист бумаги и карандаш, садится передо мною. Лицо у него напряжено до крайности. Он придал ему такое выражение, как будто он на параде, сейчас вот-вот гаркнет: «Здравия желаем, вашество!» Он чрезвычайно доволен, что на рисунке все видно: и бородавку на лбу и погоны с тремя лычками. «Вот пошлю бабе подарок»...

Что день грядущий мне готовит? Отправят или не отправят?!

Дух материализованный и осужденный на каторгу.

[1] Начальник Горно-Зерентуйской тюрьмы Ковалев.

Наутро опять в дорогу. Чем дальше от тюрьмы, чем ближе к железной дороге — а нам надо пройти триста верст,— тем радостнее, веселее. Васька Сахалинец кричит исступленно: «Все наше! Девки мои, кони мои, лес мой — все наше!»

Зинькович, усталый, бледный, идти уже не может. Мы посадили его на подводу с вещами, накрыли его своими халатами, и он больше всего боится, что его где-нибудь оставят на этапе. На этапе старший конвойный вздумал над ним подшутить: вошел к нам и спрашивает: «А ну, где тут у вас больной старик, вот я ему тернёмет поставлю», — и держит в руках деревянный мундштук от папиросы. Зинькович весь всполошился. «Господин фершал, да я совсем здоровый, у мине только наруже жар, а внутре у мине совсем холодно, никакого жару нет». «Ладно, не разговаривай, ставь тернёмет под мышки». И сунул ему под рубаху деревянный мундштук. Ни живой, ни мертвый сидит Зинькович. Старший сидит несколько минут, смотря на часы, вытаскивает мундштук, смотрит на него, многозначительно и важно провозглашает: «Шешнадцать градусов!» «Господин фершал, да ведь у дохлой лошади больше шешнадцати бывает», — говорит возмущенный Зинькович. «Ладно, молчи, нечего ученого учить, останешься здесь, на этапе». Зинькович бросается к старшему, становится перед ним на колени и молит не оставлять. А «кобылка» гогочет: «Говорили мы тебе, Зинькович, приписывался бы к могилевским мещанам».

Вот и последний этап — Казаково. Тот же угол приемной с пучками связанных розог и стена, забрызганная кровью. Тот же палач полковник Ефтин[1]. Теперь он както вяло принимает нас, словно ему жаль, что мы уходим, что больше уже не удастся ему исторгнуть крик боли у этих людей.

Железная дорога. Арестанты, как дети, рассаживаются, занимают лавки. Теперь уже скоро. Правда, еще кое-кому придется ожидать весны, весенней навигации. Я знаю, что мне предстоит долгий путь в Якутку. Я знаю, что в Якутке много могил людей, погибших от тоски по настоящей жизни. Но на душе легко и радостно. Я все-таки иду на волю. На волю!

[1] Впоследствии интендант у барона Унгерна.

Первая годовщина каторги.

Физкультурники московской школы № 711 Киевского района. Они лучше других бегали, прыгали и толкали ядро.

Фото А. Бочинина.

Конкурс на Кубок „Огонька“

ПЕРВЫЕ СТАРТЫ

Школьники Киевского района показали хорошие результаты

На стадионе Юных пионеров сверкает лед, звенят коньки, но тут же проходят и зимние соревнования московских школьников по легкой атлетике. Толкатели ядра оспаривают первенство на очищенных от снега площадках, бегуны стартуют в манеже под трибуной, а в двух гимнастических залах взлетают над планками прыгуны. Не всегда над планкой, конечно... Иной раз она бывает сбита. Тогда среди зрителей раздаются возгласы сочувствия неудачнику. Впрочем, у прыгунов есть право на повторные попытки.

В соревнованиях участвует свыше 400 человек. От каждого района столицы выступают команда девушек и команда юношей.

Объявленный редакцией журнала «Огонек» конкурс вызвал в московских школах большой интерес. Об этом в один голос говорят юные участники соревнований и преподаватели физкультуры. С преподавателем 387-й школы Сокольнического района В. С. Дрючиным беседуем в зале, где разыгрывается первенство по прыжкам.

— Узнав о Кубке «Огонька», мы немедленно обсудили условия конкурса на школьном совете физкультуры,—рассказывает Дрючин.— Решили, что теперь-то участвовать в борьбе за Кубок нам по силам. Почему теперь? Да ведь раньше легкая атлетика была у нас в загоне! Три года назад наша школа занимала по легкой атлетике седьмое место в районе, затем передвинулась на третье, а теперь она уже на первом. Это и позволило ей участвовать в общегородских соревнованиях. Но ведь условия конкурса требуют не только хороших результатов от бегунов, прыгунов и метателей, но и широкой самодеятельности учащихся по укреплению всей физкультурной работы в школе. Очень правильно! Ребята уже мастерят стартовые колодки, сами выстругивают в мастерской стойки... Без оборудования, инвентаря далеко не уйдешь. Вот послушайте про нашу яму для прыжков... Ох, простите!

Какой-то парнишка манит к себе Василия Степановича энергичными жестами. Сейчас надо выступать прыгунам из 387-й школы. Преподаватель спешит к ним, чтобы дать последние указания. Юноши, представляющие на соревнованиях Сокольнический район, прыгают неплохо, но сам Дрючин внезапно исчезает из поля зрения. Обнаруживаем его только полчаса спустя на одной из площадок, где толкают ядро девушки.

Легкий морозец не помеха. Свитера, лыжные шаровары почти не стесняют движений. Вот школьница посылает ядро на 9 метров... У другой снаряд летит еще дальше... Для шестнадцатилетних это хорошо. А нет ли среди них преемниц мировой рекордсменки Галины Зыбиной?! Она начинала тоже со школьных соревнований.

— Да, так мы остановились на яме, — подходит Дрючин. — Есть в школе физкультурный зал, но ямы для прыжков в нем не было. Екатерина Андреевна, наш директор, не разрешала поднимать пол и делать яму. Школу она бережет, гвоздя лишнего не даст забить в стену! Все же мы правдами и неправдами добились у нее разрешения на переоборудование зала... Работа закипела! Сделали яму пяти метров длиной и трех в ширину, заполнили песочком. В нее хорошо не только прыгать, но и толкать ядро. Сразу же пошла в гору работа легкоатлетической секции! Конечно, успехи наших легкоатлетов радуют директора. Однажды Екатерина Андреевна сказала...

Но мы не успеваем узнать, что же сказала Екатерина Андреевна. Трудно проводить интервью во время соревнований! Василий Степанович торопится в манеж, где проходят выступления бегунов.

Дистанция — 60 метров. Стартуют по трем дорожкам. Взмах флажка, отрывистая команда «Марш!» — и очередная тройка устремляется к финишу. И, конечно же, вокруг слышны подбадривающие крики болельщиков, поздравления с хорошими результатами, шумное волнение тех, кому еще предстоит выступать.

— Ну, и что сказала Екатерина Андреевна? — спрашиваем мы у Дрючина час спустя.

— Сказала, что яму для прыжков давно следовало бы сделать! Теперь нам ни в чем не отказывает... Целиком и полностью за легкую атлетику!

Соревнования продолжались до вечера. К сожалению, не все было организовано достаточно хорошо. Явно не хватало четкости в работе судейской коллегии. Однако главная цель достигнута: зимние состязания по легкой атлетике вошли составной частью в спартакиаду московских школьников, которая длится весь учебный год.

Теперь юные легкоатлеты с еще большим интересом начнут готовиться к весенним стартам. После этого будет подведен итог.

Пока что выявлены не претенденты, а, так сказать, кандидаты в претенденты на Кубок «Огонька». Это физкультурные коллективы школ 711-й Киевского района, 485-й Ждановского района, 634-й Куйбышевского района, 75-й Киевского района и 387-й Сокольнического района. Они заняли 5 первых мест.

Ученики В. С. Дрючина попали в первую «пятерку». Конечно, на весенних соревнованиях другие школьные коллективы будут стараться оттеснить их назад. Не беда! И у 387-й школы есть время закрепить свой успех, получше подготовиться к весне и продолжать борьбу за Кубок «Огонька». Тем более, что теперь Екатерина Андреевна целиком и полностью за легкую атлетику...

Е. ШАТРОВ

Про моих героев

Е. РАЧЕВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Тысячи взрослых и еще больше детей ежегодно посещают зоологический сад, чтоб познакомиться с неизвестными экзотическими животными далекого юга и севера или еще раз полюбоваться неброской красотой обитателей наших краев. Присмотритесь к любой маленькой птичке. Сколько пластичности в ее движении, как красиво ее оперение! Даже наш ближайший сосед — воробей — по-своему хорош. А как очаровательны котята или щенки!

Изображение животного мира во все времена занимало значительное место в искусстве. В наше время немало художников-анималистов работает в этой области искусства. В меру своих сил работаю и я, хотя и в несколько ином плане. Звери и птицы не только красивы, они наделены определенными характерами: одни из них простодушны и доверчивы, другие хитры или злобны.

Давным-давно родились в народе первые сказки о животных. Люди, их создававшие, остро подмечали характерные черты окружающих их животных. И поныне живут незабываемые образы кумы-лисы, глупого и жадного волка, бедолаги косого зайца и много других. Во всякой народной сказке выражены сокровенные чаяния людей, с тонким юмором высмеиваются наши человеческие недостатки и пороки.

Герои народных сказок о животных: лисичка-сестричка, глупый волк, кот Котофей Иванович — наделены человеческими качествами, сходными с их звериным характером. И всегда в этих сказках речь идет о человеческих, а не о звериных отношениях. Вот эту особенность мне всегда хочется заострить в иллюстрациях, которые я делаю к русским народным сказкам.

В этой области работы существуют свои трудности. Прежде всего нужно уметь изображать животных такими, какие они есть, и только после этого, наделив их нужными человеческими качествами, заставить жить по-новому.

Много хороших басен построено на таком сходстве. С острой сатиричностью в этих басенных зверях бичуются опять-таки наши людские недостатки, и задача художника-иллюстратора — вскрыть их мораль. Так, я с большим удовольствием работаю над иллюстрациями к басням С. Михалкова. Сам поэт говорит в одной из своих басен: «Вот пишешь про зверей, про птиц и насекомых! А попадаешь все в знакомых...»

На юбилейной Всесоюзной художественной выставке экспонированы мои иллюстрации к сказкам Салтыкова-Щедрина. Со свойственной ему беспощадностью Салтыков-Щедрин вскрывает не только недостатки отдельных людей, но главным образом всю массу пороков самого общественного строя того времени. Часто герои его сказок выражают особенности целой социальной группы. Именно это мне и хотелось передать в своих рисунках.

Е. М. Рачев. Иллюстрация к сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина ВОРОН-ЧЕЛОБИТЧИК.

КАРАСЬ-ИДЕАЛИСТ.

ВЕРНЫЙ ТРЕЗОР.

Е. М. Рачев. Иллюстрации к сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина.

БАРАН-НЕПОМНЯЩИЙ.

БЕДНЫЙ ВОЛК.

Накипь прошлого

В. БЕЛЕЦКАЯ Фото Е. ТИХАНОВА.

...Это было зимним январским вечером на станции Красный Строитель. Прячась за деревьями, стараясь оставаться незамеченным, человек пристально следил за шоссе. Мимо, слепя фарами, проносились тяжелые грузовики, верткие «Москвичи», сверкающие черным лаком «ЗИМы»; иногда мелькали зеленые огоньки такси. Но из всех машин на свете сейчас его интересовала только одна — «Победа» с номером «МЮ 67-19».

Кто этот человек и почему его интересует именно эта машина?

...Несколько месяцев назад стали поступать жалобы на промтоварный магазин у станции Красный Строитель. Рабочие, живущие в этом поселке, писали, что в магазине почему-то никогда не бывает хороших товаров, а если и появляются, то купить их можно только у спекулянтов. Магазином заинтересовались в УБХСС — Управлении по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. И сейчас работник УБХСС дежурит около магазина...

...Вот она, «долгожданная»! Свернув в сторону, машина подкатила к магазину, серая «Победа» с номером «МЮ 67-19». Из нее выскочил мужчина в темном пальто и меховой ушанке и скрылся в дверях. Через несколько минут он появился, нагруженный свертками и тюками, воровато оглядываясь, погрузил их, и «Победа» уже мчится по московским улицам. А вслед за ней — две машины работников УБХСС.

«Победа» сворачивала из улицы в улицу, из переулка в переулок. Видимо, маршрут хорошо знаком шоферу.

В поселке Текстильщики машина неожиданно остановилась, взяла еще одного пассажира и повернула к городу Люблино.

Но до города она не доехала: ее взяли «в туннель» машины оперативных работников.

— Ваши документы?

Все догадки подтвердились: из багажника извлечены 20 дамских плюшевых жакетов.

Теперь «Победе» «МЮ 67-19» пришлось ехать уже по указанию оперативных работников. И вот в УБХСС идет не весьма приятный разговор.

— Неужели это из нашего магазина? Что вы! Я за прилавком не продала ни одной такой жакетки, — удивляется продавщица магазина Сагддиденова.

Между тем накладная, изъятая в бухгалтерии торга Ленинского района Московской области, показывает, что в январе с базы получено 149 дамских плюшевых жакетов.

— Я ничего не знаю. Как попали жакеты в машину? Понятия не имею.

Это говорит Абдулхак Хайрулин, тот самый пассажир, что подсел в машину на станции Текстильщики. Он оказался вахтером деревообделочного комбината, жителем города Люблино.

— Правильно, мы получили с базы в январе 149 дамских плюшевых жакетов. Но, клянусь вам, все они были проданы с прилавка,— юлит директор магазина Костюкевич.

Но старший-то продавец Семенов должен знать: продавались плюшевые жакетки за прилавком или они из кладовой уплывали к спекулянтам?

В. Семенов, несмотря на молодость, уже четыре раза судился за взятки и мелкие хищения. Ему дали возможность исправиться и зажить честной трудовой жизнью. Но честно работать Виктор не захотел. Он искал «легкой жизни». Не раз его видели с Костюкевичем и Хайрулиным в ресторанах. Теперь Семенов снова пойман с поличным.

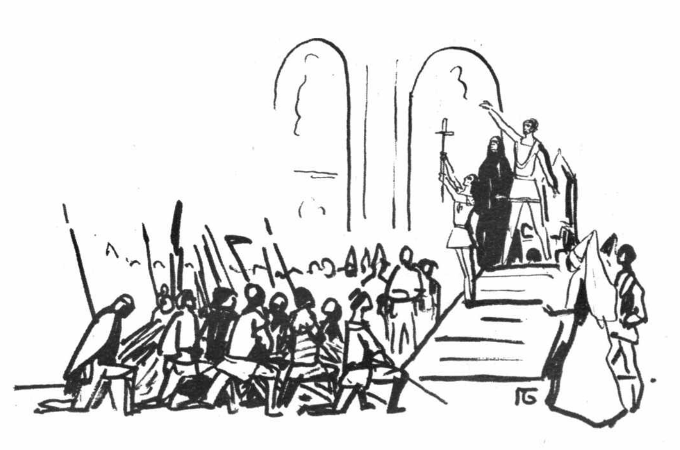
Надо несколько слов сказать и о «водителе» машины. Это инженер проектно-сметного бюро Тимофеев. Много раз машину под этим номером, взятую им напрокат в автобазе № 12, видели на станции Красный Строитель около магазина промтоваров. Тимофеев платил за прокат машины крупные суммы. В прошлом году он внес в кассу автобазы 9 тысяч рублей — половину своего официального годового заработка. Январь еще не кончился, а он уже заплатил автобазе за прогон машины 900 рублей. Чем же объясняется такая страсть инженера Тимофеева к профессии шофера?

Тимофеев решил облегчить свою участь чистосердечным раскаянием: уже год, как он возит какие-то товары из магазина, где получал их от Семенова или Костюкевича, в Люблино, на квартиру к Андрею — так называл себя спекулянт Хайрулин.

Костюкевич и Семенов щедро оплачивали «труд» Тимофеева, искавшего «легких» заработков.

Так была поймана шайка спекулянтов. Виновники скоро предстанут перед судом, а работники УБХСС продолжают свою благородную деятельность, преследуя спекулянтов и жуликов, вырывая их, как сорную траву, мешающую советским людям.

Балет о героине французского народа



Король вручает Жанне д'Арк меч.

В. БУРМЕЙСТЕР,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Рисунки П. БУНИНА.

Летом 1956 года Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко ездил на гастроли во Францию.

В ту пору мы уже работали над новым балетом — о национальной героине французского народа

Жанну берут в плен англичане.

крестьянке Жанне д'Арк. Во Франции мы увидели, как народ глубоко чтит Жанну.

Для нынешних французов Жанна не просто святая католической церкви, статуи которой стоят на площади и в соборах. Она защитница народа, спасительница Франции от посягательств иноземцев.

Нам довелось побывать в Руане на празднике, посвященном Жанне д'Арк. Город, его чудесные старинные церкви, дома сильно пострадали от немецко-фашистских варваров. Но уцелели древние стены собора, немые свидетели казни легендарной французской героини.

Руан был украшен флагами, а вечером богато иллюминирован. В витринах магазинов макеты рассказывали о жизни героини. Жанна-пастушка с овечками в Домреми, в бою под Орлеаном, на коронации дофина в Реймсе, сожжение ее в Руане...

Мы словно перенеслись в XV век. По улицам Руана шествовали воины в латах, пажи в одеяниях тех времен.

Горожане и гости устремились к большим трибунам на берегах Сены. А посреди реки на острове вырос средневековый замок. У его стен тысячеголосый хор пел славу Жанне. Затем на острове вспыхнул огромный костер, и из пламени появилась фигурка в белом. Народ-хор упал перед ней ниц. Жанна пропела арию — она пришла защищать народ и родную Францию от врагов; потом незаметно исчезла... Хор провозгласил анафему епископу Кошону, судившему некогда Жанну.

Стемнело. По мосту через Сену прогарцевали со стягами рыцари в доспехах. В небо взлетели цветные огни фейерверка.

Образ Жанны д'Арк — один из самых чистых и прекрасных образов мировой истории. О Жанне сложены легенды, написаны сотни книг. Она воспета поэтами и музыкантами, художниками и ваятелями. Но только здесь, на ее родине, мы почувствовали, как дорога память о ней каждому французу, чем стала для каждого эта неграмотная крестьянская девушка. Не случайно в кровопролитные годы второй мировой войны, в период движения Сопротивления, существовал партизанский отряд имени Жанны д'Арк. Этот легендарный образ стал символом патриотизма, душевного величия простого народа Франции.

На театральных подмостках образ Жанны не раз возникал в драме, опере. Русская драматическая сцена знала Орлеанскую деву — великую Ермолову. Мы впервые сделали попытку воссоздать образ Жанны в многоактном балете. Либретто «Жанны д'Арк» написал Б. Плетнев, музыку — композитор Н. Пейко.

В балетном спектакле трудно, почти невозможно точно передать исторические факты. Но языком хореографии можно выразительно говорить о человеческих чувствах и деяниях. Балетный спектакль, лишенный романтического сюжета, нам кажется обедненным. Вот почему мы решили вдохновиться романтической фантазией Шиллера. В нашем балете героиня на поле брани в схватке с Лионелем, английским военачальником, сбивает с него шлем и видит его лицо. Ее охватывает смятение чувств. Пожалуй, это еще нельзя назвать любовью. Но в Жанне впервые безотчетно заговорило чувство женщины, и она не смогла убить Лионеля. Но вот Лионель предлагает Жанне, плененной англичанами, свободу за измену Франции. И тогда Жанна «искупает свой грех»: падает наземь английский рыцарь, сраженный гордой французской патриоткой...

Очень трудно пришлось исполнительницам заглавной партии В. Бовт и Э. Власовой. Им надо было научиться естественно носить мужской военный костюм, колет и шлем, обращаться с оружием. Но главное — создать обаятельный, женственный и героический образ Жанны. Нам казалось: чем больше у нашей Жанны будет человеческой задушевности и теплоты в начале спектакля, тем ярче и контрастнее выявится ее героичность в конце.

Новый советский балет о французской героине-патриотке стал уже достоянием зрителей. А теперь хотелось бы совершить «прыжок» в полтысячи лет, перенестись в середину XX века, на просторы нашей Родины, и рассказать языком танца и музыки о наших современниках — героических советских людях.

Жанна д'Арк ведет народ к Орлеану.

ТРОПОЮ ГРОМА

Е. ТИМЕ,
народная артистка РСФСР

Сари — Н. Дудинская, Ленни — К. Сергеев.

Сцена из 1-го действия.

Фото П. Федотова.

«Тропою грома» — яркое, пламенное произведение Питера Абрахамса. Несколько лет тому назад, когда у нас вышел этот роман, меня увлекло страстное повествование о любви и борьбе честных и сильных людей, и я стала читать его на своих литературных вечерах.

Когда я узнала, что Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова создает балет по этому роману, у меня возникла тревога: как уместить такое богатство содержания в рамке балетного либретто?

Вопросы социальные, расовые, национальные переплетаются у Абрахамса с проблемами человеческих чувств и отношений, любви материнской и женской, благородством, честью, дружбой...

Я волновалась перед премьерой этого спектакля и радовалась после нее. Спектакль удался.

В результате талантливой совместной работы композитора Кара Караева, балетмейстера К. Сергеева, либреттиста Ю. Слонимского получился яркий, оригинальный спектакль. Балетмейстеру удалось выразительными средствами классики, умело сочетая их с африканским фольклором, показать духовное равноправие «цветных», подчеркнуть присущие им черты: правдивость, мужество, искренность... Каким теплом веет от сцены проводов Ленни на вокзал! А сколько чистоты и прозрачности в сцене школы, в сцене встречи Ленни с матерью!..

Той же нежной чистотой проникнута и сцена зарождения любви Ленни к Сари. Кажется, слышишь слова автора романа: «Они были одни во всем мире — свободные, счастливые и влюбленные. Влюбленные юноша и девушка... они опустились на теплую гостеприимную землю... О, Земля! Научи своих неразумных детей любить. Самые простые чувства нужны им. Сострадание и нежность... высшая любовь человека к человеку».

В развитии этой любви есть что-то шекспировское. Н. Дудинская — Сари и К. Сергеев — Ленни поднимают исполнение до высот трагичности. Их большое техническое мастерство дает возможность отдаться целиком драматической стороне роли. И история любви «цветного» юноши и белой девушки в балете, как и в романе, перерастает в протест против расистского мракобесия.

О недостатках спектакля говорить можно. Их немного: некоторые длинноты в массовых сценах и недостаточно обоснованное решение финала. Артисты во главе с прекрасным исполнителем роли Мако — А. Гридиным в заключительной сцене действуют страстно, вдохновенно, но не ощущаешь ясности цели.

Беспокойное хозяйство

И. П. Сосновский.

Записки директора Московского зоопарка

И. СОСНОВСКИЙ

Фото Ан. Анжанова и Р. Лихач.

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Для обычного посетителя зоологический парк кажется забавным, но спокойным учреждением. Летом на лужайках пасутся табунки оленей и грациозных антилоп, чинно разгуливают страусы, мишка выпрашивает лакомство. Совсем не грозными выглядят отдыхающие тигры и львы, а крокодилы и удавы нередко часами лежат без движения. Играют обезьяны, ныряет в бассейне морж, так и хочется протянуть руку слону и угостить его булочкой. И немногие из трех миллионов взрослых и детей, ежегодно посещающих Московский зоологический парк, знают, какое это беспокойное хозяйство, как ответственна в нем работа сотрудников! Чтобы прокормить, сохранить и оградить от болезней, согреть зимой многочисленных питомцев, работникам зоопарка приходится тратить много сил, нередко подвергаться опасности, проявлять изобретательность.

Скромные благородные самцы оленей осенью, в брачный период, превращаются в свирепых зверей. Своими ветвистыми рогами они могут нанести смертельное ранение, и нам ежегодно приходится спиливать их природное оружие, а это связано с некоторым риском. А вот заболел зуб у крокодила. Он много дней уже не ест и худеет. Врачи и зоотехники придумывают, как удалить зуб. Наконец хищник пойман, связан, на нем сидят несколько человек. В раскрытую пасть вложена специальная прокладка, зуб удаляется, крокодил поправился. Но тут захандрил удав, перестал есть. Его надо поймать, раскрыть пасть (в ней сотня зубов), накормить насильно. У моржа на голове обнаружился нарыв. Как его удержать, если он весит больше пятисот килограммов?.. Надо перенести кобру, а она не хочет залезать в сачок. Проходит час, два, пока змея повинуется.

И так каждый день, каждый год...

Больше тридцати лет работаю я в окружении самых разнообразных представителей фауны земного шара. Нельзя не полюбить всех этих четвероногих и пернатых, чешуйчатых и колючих, пушистых и гладких друзей, несмотря на неприятности и неожиданности, которые они причиняют.

Мне пришлось побывать в песчаных пустынях Средней Азии, в горах Кавказа, в таежных лесах Урала и Сибири, совершать поездки во многие зарубежные страны: Китай, Иран, Афганистан, Италию, Англию, Чехословакию, Индию, Венгрию и другие. Эпизоды и случаи, которые я расскажу,— малая частица той работы, что проводят в нашей стране тысячи специалистов-зоологов, изучающих животный мир.

Мой первый «зоопарк»

Первый в моей жизни «зоопарк» размещался дома. Площадь его была ограничена двумя табуретками и окном в комнате, в которой жили я и мать. Мать не была поклонницей птиц, зверей и тем более жаб и ящериц, но и не препятствовала моим занятиям. Вместо загонов и вольеров у меня были стеклянные банки, коробки, вазы, старые кастрюли, а среди «экспонатов» — пауки, жуки, сверчки, мухи, тараканы, бабочки. Позднее появились аквариумы с рыбами, террариумы с жабами, ящерицами и черепахами, иногда в них тайно пребывали и змеи.

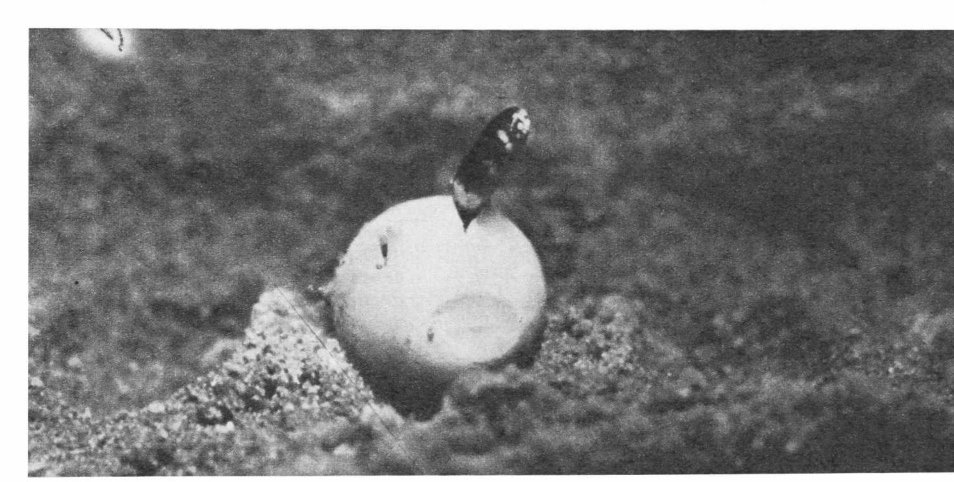
Однажды за городом у лесника, копая земляных червей в скотном сарае, я обнаружил ужиные яйца. Они лежали целым пластом. Был конец лета. Я обрадовался находке: появятся ужата! Штук тридцать яиц уложил в рюкзак и вернулся в Москву. Часть яиц в дороге помялась, пришлось их выбросить в мусорный ящик, остальные спрятал в старый бабушкин бельевой бак.

Утром в квартиру сильно постучали. На лестнице собрались управдом, дворник, участковый милиционер и, конечно, женщины.

— Ваши змеи? — спросил управдом.

— Какие змеи? — удивился я. Но вскоре догадался, в чем дело. Не все выброшенные яйца оказались раздавленными, некоторые «дозрели», и ужата вывелись. Но вот одна из домохозяек подняла крышку мусорного ящика и увидела змей. Ведро полетело в сторону, страх увеличил маленьких ужат до огромных удавов, женщина выбежала на улицу и подняла крик. Пришлось мне вылавливать ужат.

Я стал подозрительным жильцом. Вскоре на меня поступила официальная жалоба. Соседи писали, что каждый день их будят какие-то резкие крики в моей комнате. Это по утрам громко квакали древесницы — маленькие зеленые лягушки, обитающие в нашей стране на юге,— жили они у меня в просторном террариуме и встречали рассвет звонким кваканьем.



Так появляются на свет ужата.

Жалоба была рассмотрена, и, как говорится, «факты подтвердились». Мне пришлось лишиться своих лягушат — отдать их в зоопарк. Нет худа без добра: я узнал, что в зоопарке существует кружок юных натуралистов. Лишившись древесниц, я приобрел право посещать парк ежедневно после занятий в школе.

Инициатором создания кружка юннатов и его руководителем был в то время известный ученый, профессор Петр Александрович Мантейфель. Он уделял ребятам много внимания, помогал им шаг за шагом познавать тайны природы.

Барс-беглец

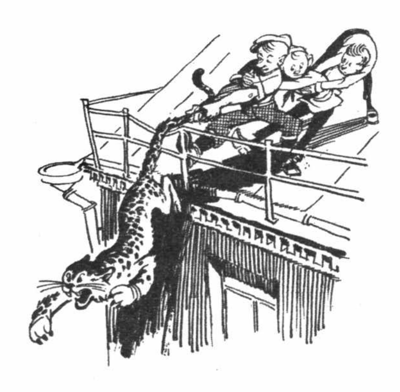
Как-то раз вечером мы занимались взвешиванием и измерением новорожденных волчат: юннаты следили за их развитием. Вбежал сторож и крикнул: «Барс сбежал!» Все бросились к месту происшествия. Загон барса был пуст. Житель гор Средней Азии в нашем парке являлся новичком: два дня назад его выпустили из транспортной клетки. Он сумел перебраться через бетонный барьер высотой более четырех метров. Оставить хищника в городе, конечно, нельзя было.

Вооружившись шестами, сетями, веревками, большими сачками, а кто постарше — охотничьими ружьями, мы отправились на поиски. На долю ребят выпала редкая и завидная для охотников удача: поймать барса в центре города, за хвост, без единого выстрела.

Как же это случилось?

Хищник не оставил никаких следов, не помогли и расспросы жителей, которым, чтобы не перепугать их, мы говорили, что разыскиваем ручную сибирскую кошку.

Вдруг на карнизе одного дома мелькнул знакомый силуэт, сверкнули огоньки глаз. Короткий «военный совет» — и мы на крыше. Заглядываем в чердачное окно, слышим рычание. Зажгли электрический фонарь. Испуганный зверь бросился в противоположное окно. Вот он достиг карниза, решив соскочить вниз. В этот момент его схватили за длинный хвост. Барс повис в воздухе вниз головой. Подбежали на помощь, ухватились друг за друга, чтобы не свалиться с крыши. Внизу натянули большую сеть. По команде мы выпустили из рук рычащего зверя, и он, как воздушный гимнаст в цирке, упал с трех-



этажной высоты и запутался в сетях.

Все обошлось без единой царапины. А ведь у снежного барса огромные когти и острые клыки! Он легко справляется с диким козлом и бараном.

Полоз в милиции

Разные бывали у нас беглецы.

Когда я работал лаборантом в террариуме, обнаружили исчезновение большеглазого полоза. Эта змея, длиной больше двух метров, не ядовита, но, защищаясь, может нанести укусы острыми, как иголки, зубами. Вскоре полоз дал о себе знать. Беглец, как оказалось, проник на территорию соседнего с парком отделения милиции, забрался в кабинет начальника отделения и расположился на его письменном столе — явление для милиции не совсем обычное.

Около кабинета толпилось более десятка милиционеров, дверь была заставлена мебелью. Отодвинули кресла, стулья, шкаф, приоткрыли дверь, вошли в комнату. Полоз со стола перебрался на диван и обследовал его языком. Он повернул на шум голову, сполз на пол. Пришлось закрыть дверь и окно и замереть. Змеи плохо различают недвижущиеся предметы. Полоз снова забрался на диван, потом в кресло, стал ощупывать языком чернильный прибор и бумаги. Когда голова змеи очутилась под каким-то протоколом, я, улучив удобный момент, схватил полоза за шею. Теперь змея была безопасна. Уложив ее в мешок, я вернулся в парк.

Грифы.

Черные грифы

Мы постоянно поддерживаем связи со многими научно-исследовательскими институтами, зоомузеями, библиотеками, школами, зверофермами, цирками и заповедниками.

Довелось мне побывать в Крымском государственном заповеднике, где водятся пернатые хищники — черные грифы. Разыскивая места скоплений и ночевок этих птиц, приходилось часами лежать на гребне и склонах гор с полевым биноклем. Я выследил пару грифов. На скалистом обрыве стояла одинокая сосна, на ветвях ее птицы устроили гнездо.

Рано утром вместе с кинооператором мы отправились в горы. Подойти к сосне надо было незаметно, с противоположного склона горы. Вот и вершина. Редкая растительность, каменные осыпи, потом крутой обрыв. Улеглись на гребне горы, стали наблюдать. Появился гриф, за ним другой. Птицы подлетели к сосне, уселись на край огромного гнезда, устроенного из сучьев. Видно было, как кормят они птенца.

Через несколько минут грифы улетели за новой добычей; мы решили спуститься пониже. Сползать было трудно: камни сыпались из-под ног. Устроившись полулежа в пятидесяти метрах от сосны, я сделал фотографии гнезда, сосед непрерывно крутил ручку своего аппарата. Птенец был сыт, спокойно дремал под жарким солнцем.

Вскоре прилетела одна из птиц. Гриф хотел было сесть, но вдруг часто замахал крыльями, взмыл вверх. Мы обнаружены! Сделав несколько кругов, гриф улетел и тут же вернулся с другим грифом. Они спустились, поднялись и стремительно бросились на нас. Было видно, как вытянулись длинные голые шеи. Одна из птиц задела нас крылом. Потом они улетели. Мы решили продолжать свои наблюдения, подобрав несколько палок и запасшись камнями.

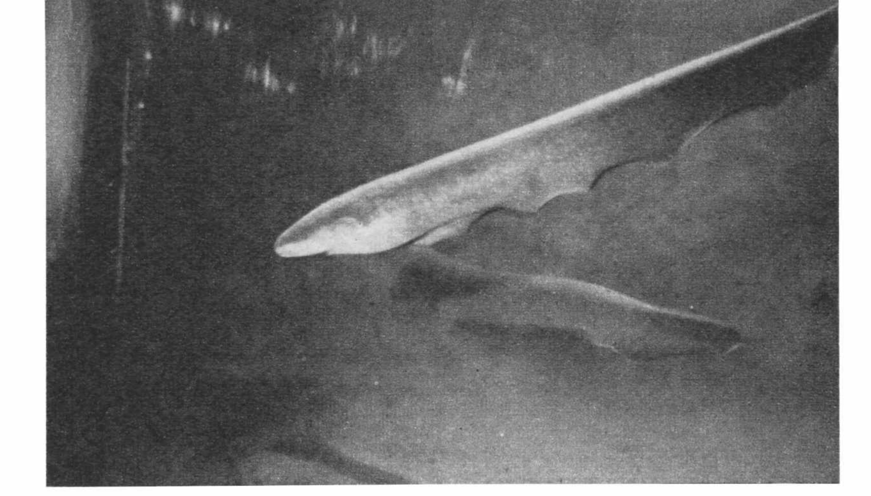
Минут через десять появилось несколько десятков черных птиц. Они образовали круг и парили над нами. Родители отделились от стаи, перешли в решительную атаку. Теперь они смело пикировали и били нас крыльями, размах которых почти три метра. Сначала мы защищались палками. Но вот ударом крыла палки выбиты из рук. Надо закрывать лица. Встав на четвереньки, мы быстро поползли к вершине горы.

Удар — киноаппарат полетел в пропасть. За ним последовали соломенные шляпы. Кое-как мы выбрались на гребень, бросились прятаться под деревья. Оглядели друг друга: рубашки рваные, во многих местах царапины и ссадины. А птицы еще долго парили над полем боя...

Позднее с работниками заповедника и местными охотниками нам удалось поймать нескольких грифов. Выследив место ночевки стаи, мы оставили там труп овцы (падаль — основная пища грифов). Утром, когда птицы совершали трапезу, на них набросили большую сеть, в ней запутались пять грифов. Возможно, что они тоже принимали участие в воздушном нападении, и мы, таким образом, были отомщены...

Живая электростанция

Из-за границы пришла посылка. Отправитель — одна из фирм, занимающаяся поставкой тропических рыб.



Электрический угорь.

Посылка представляла собой цинковый бак, наполненный водой. В пути этикетка оторвалась, надпись на баке стерлась. Рассмотрев содержимое бака через отверстие, мы убедились, что в нем действительно рыбы, но вид их определить было трудно из-за мутной воды. Один из наших сотрудников опустил в бак руку, чтобы достать рыб, и, закричав, отпрыгнул в сторону.

Бак упал. Из отверстия показалась черная тупая мордочка, потом длинное туловище. Животное сделало несколько рывков, попало в желобок бетонного пола, заскользило к открытому люку водостока. Сейчас оно исчезнет! Я схватил сачок, успел накрыть скользящее существо и тотчас ощутил сильный удар электрического тока.

Рыба оказалась электрическим угрем. Эти «живые электростанции» обитают в реках Южной Америки. Взрослые угри бывают больше двух метров длиною. Они обладают специальными органами, с помощью которых наносят электрические удары своим противникам и жертвам. Сила тока угря такова, что он может парализовать оленя, корову, барана, лошадь. В одном из аквариумов Нью-Йорка электрические угри содержались в специальных бассейнах с контактами. Когда рыбы касались их, загорались лампы мощностью в 75—100 ватт.

В последние годы многих рыб пересылают на дальние расстояния оригинальным способом. Для этого не требуются баки, бутыли и другие стеклянные сосуды. Из водонепроницаемых прозрачных материалов изготовляют мешочки, их наполняют водой и плотно завязывают. Необычный аквариум помещается в деревянный ящик с мягкой подстилкой. Мешочкам не страшны толчки и удары, а рыбы хорошо переносят транспортировку. Конечно, при этом учитываются дальность расстояния и температурные условия перевозки. В нашем зоопарке живут рыбы, доставленные таким способом, и чувствуют они себя прекрасно.

Кипча-баш

Пополняя свои коллекции, зоопарк постоянно организует заготовительные экспедиции в разные уголки страны. Незадолго до войны, ранней весной, я выехал с экспедицией в Среднюю Азию. Предстояло добыть в пустынных районах черепах, ящериц, змей, варанов, розовых скворцов, ушастых ежей, дикобразов, сычей и других обитателей пустыни. Больше всего нас интересовало животное, которое по-туркменски называется «кипча-баш».

Местом поисков кипча-баша мы выбрали развалины «крепости неверных», расположенной среди песков. Всю ночь шли по пустыне. Утренний рассвет застал нас у разрушенных стен крепости. Они тянулись по пустыне на десятки километров. В стенах сохранились остатки башен, глубокие, заросшие кустарником рвы преграждали путь. Мы перебрались через ров и проникли внутрь городища. Открылась огромная площадь, покрытая остатками зданий. Можно было различить следы колодцев, подземные ходы, надгробные памятники, стены домов, гробницу султана.

Ночью, в первом часу, проверив снаряжение, мы вышли из ворот гробницы, где пережидали жару. Прислушиваясь, медленно шагаем по песку. В луче фонаря мелькнула лиса, зашипела ползущая черепаха, около куста саксаула еж разгрызает большого жука, ползают фаланги, скорпионы, ночные ящерицы. За глиняной стеной — площадка, на ней фонарик и обнаружил кипча-баша. Быстрый прыжок — и палка с рогатиной придавила кипча-баша к земле. Животное извивалось, кусало палку, с передних зубов стекло несколько капелек ядовитой жидкости. Но вот кипча-баш схвачена за шею — победа!

Пять дней и ночей прожили мы среди развалин, поймали больше двадцати крупных и около тридцати мелких кипча-башей.

Вы, очевидно, догадываетесь, что кипча-баш — одна из ядовитых змей Средней Азии — эфа, укус которой может быть смертельным для человека и крупных животных. В отличие от других змей эфа передвигается боком, как бы забрасывая свое туловище. При опасности она свертывается восьмеркой и начинает сильно шуршать: своеобразный звук порождается трением чешуек туловища и напоминает шипение сковородки, на которую плеснули маслом.

Кстати, представление о ядовитых змеях часто бывает не совсем верное из-за незнания образа их жизни или из страха перед ними. Жала у змей нет, за него обычно принимают раздвоенный язык, который никакой опасности не представляет и служит органом осязания и вкуса. Яд попадает в жертву через зубы, расположенные в верхней челюсти и соединенные каналами и протоками с железами. Обычно змеи никогда сами на человека не нападают. Они не могут прыгать, кататься кольцами, гипнотизировать и делать многое другое, что им приписывается...

Приключения гюрзы

Интересный случай произошел на юге Туркмении. Я собрал разнообразную коллекцию животных с помощью местных охотников. Были тут несколько сот черепах, маленькие лисички, очковая змея — кобра, сычи, тушканчики, скорпионы. Все это для пополнения нашего зоопарка.

И вот перед самым отъездом я заболел. Высокая температура, сильные головные боли, озноб. Меня положили в больницу, в отдельной комнате. Уход за животными я поручил хозяину дома.

В это время один из охотников поймал необыкновенной величины гюрзу — опасную и очень ядовитую змею. Толщиной она была с кисть руки взрослого человека, а длиной больше метра. Охотник принес ее ко мне домой, но ему сообщили о моей болезни, и гюрзу не приняли. Тогда он принес свою добычу в больницу. Мог ли я отказаться!

Я снял с подушки наволочку и с помощью охотника пересадил в нее гюрзу. Для прочности сверху надели мою рубашку. Змея очутилась под больничной кроватью. Когда по утрам приходила уборщица, я незаметно доставал сверток и прятал его на кровати под простыней, поджимая ноги. Наконец я выписался, наволочку пришлось увезти с собой.

За это время часть животных, живших на моей временной квартире, погибла, часть разбежалась, а остальных я погрузил в поезд и уехал в Ашхабад. Гюрза так и оставалась в наволочке, лежала в пустом чемодане.

В Ашхабаде с вокзала мне нужно было попасть в зоопарк. Я был так слаб, что решил сдать рюкзак и чемодан в камеру хранения. Потом вернулся за ними.

И вдруг в камере хранения не обнаружили моего чемодана. Приемщик его не нашел. Пошли к начальнику, и он разрешил допустить меня в камеру. Чемодан отыскался быстро по одной примете: перед сдачей я просверлил в донной части несколько отверстий, чтобы змея не задохлась. Но номер на наклейке не соответствовал номеру квитанции, кладовщик что-то напутал. Чемодан забрал носильщик, мы вернулись в кабинет начальника.

— Напишите заявление и перечислите все предметы, находящиеся в чемодане,— сказал он.— После этого мы возьмем понятых и вскроем в вашем присутствии.

Я взял лист бумаги, написал: «В чемодане находится полотняный мешок с биологическим материалом».

— Так не пойдет! — заявил кладовщик. — Ты, брат, напиши, сколько у тебя в мешке метров этого материала, шерстяной он или шелковый.

Вот чемодан на столе. Кладовщик и понятые открывают крышку — они полагают, что я спекулянт. Гюрза громко зашипела, после чего все, кроме меня и начальника, оставляют помещение. Начальник только спросил:

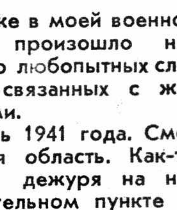
— Живой, что ли, материал-то?

— Да, живой.

— Ну, забирай тогда.

После этого мне много раз приходилось перевозить ядовитых змей, но в камеры хранения я их больше не сдавал.

По вине дикобраза



Скорый поезд мчался с Кавказа в Москву. В багажном вагоне большая группа животных: шакалы, дагестанские туры, барсуки, разные птицы, дикие коты, дикобразы. Животных сопровождали проводник и я, помещались мы с ним в разных вагонах.

Поезд остановился на одной из станций. Как обычно, на перроне стоял дежурный по станции, суетились пассажиры, к багажному вагону подвезли несколько тележек с грузом. Была ночь, большинство пассажиров отдыхало. Вдруг сквозь сон я расслышал, что по вагону кого-то разыскивают, говорят о зверях и задержке поезда...

Около багажного вагона толпилось много народу. Двери вагона закрыты, на платформе груда багажа. Оказалось, в вагоне разбежались звери, проводник исчез (как потом выяснилось, отстал в пути). Поезд опаздывал уже на пятнадцать минут.

В вагоне было полутемно. Осмотрелся: туры на месте, коты тоже — уже не страшно. Подошел ближе. Клетка, в которой помещался большой дикобраз, пуста. А вот и он выглянул из-за тюка, фыркнул, повернулся задом и растопырил свои острые иглы. Иглы хорошо защищают дикобраза, он наносит ими глубокие и болезненные раны даже таким крупным хищникам, как леопард и тигр. Уколы долгое время не заживают и могут повлечь за собой смерть. Такого зверя голыми руками не возьмешь.

Я попытался загнать дикобраза в клетку, но он зашуршал иглами, затопал лапами, растопырил колючий веер. Поезд простоял еще пятнадцать минут...

В вагоне лежали матрацы. Они меня и выручили. Защищая матрацем ноги и руки, я перешел в наступление. Однако иглы зверя легко прокололи матрац, я получил несколько уколов. Пришлось защищаться более толстым щитом. Наконец животное в клетке.

В качестве награды я получил в Москве уведомление о штрафе в несколько тысяч рублей за задержку скорого поезда на сорок восемь минут...

«Ку-ку» и «ха-ха»

На время войны мне пришлось расстаться со своими питомцами. Перед отъездом я обошел их всех, мысленно попрощался в надежде еще встретиться.

На фронте я никакого отношения к своей профессии не имел, и все же в моей военной жизни произошло несколько любопытных случаев, связанных с животными.

Осень 1941 года. Смоленская область. Как-то ночью, дежуря на наблюдательном пункте в глухом лесу, я услышал кукование. Одно «ку-ку» — со стороны фронта, ответное — позади наблюдательного пункта. Лето кончилось, птицы давно улетели. Что это за странные кукушки?

Разбудил отдыхающих разведчиков. Разделившись на две группы, мы залегли в кустах, замаскировались, стали ждать. Темнота скрадывает очертания, определить расстояние по звуку трудно. «Куку» раздалось еще раз, но значительно тише и совсем близко. Послышался и ответ, но уже не сверху, а где-то у земли. Вскоре мы увидели ползущего человека и захватили его, а вторая группа взяла его напарника.

— Откуковались! — сказал один из бойцов, когда оба «пернатых» разведчика стояли под охраной на командном пункте дивизии. Выяснилось, что один из них, переодетый в красноармейскую форму, действовал в расположении наших частей и собирал сведения о численности войск...

Другой эпизод относится к концу войны. Немцы упорно обороняли в горах Австрии старинный замок, который контролировал узел дорог. Целый день из замка били пулеметы, минометы, артиллерия, а к вечеру стрельба утихла.

Группа разведчиков получила приказ выяснить обстановку в районе замка. Миновав дозоры пехотных частей, мы короткими перебежками и ползком пробрались к усадьбе. Перелезли через массивную ограду замка, залегли. Предстояло обследовать внутренность замка. Мы все еще не верили, что противник полностью оставил свою позицию. Массивные ворота были открыты, входные двери и окна замка распахнуты. Мы разошлись по замку — противник исчез.

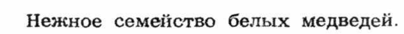
Я вошел в большую оранжерею. Хозяин замка, видимо, был любитель тропических растений: пальмы, фикусы, драцены, агавы, кактусы. Сделал несколько шагов и вдруг почувствовал, что проваливаюсь.

Темнота. Душно, и пахнет плесенью. Вынул пистолет, постоял, решил двигаться к стене и искать выход из подземелья (спичек и фонаря у меня не было). Внезапно раздался пронзительный крик и несколько отрывистых слов по-немецки. Пауза и смех: «Ха-ха-ха».

Признаюсь, у меня зашевелились волосы. Мелькнула мысль, что это сумасшедший, брошенный немцами.

Пятясь, добрался до стены, прижался к ней спиной. Опять: «Ха-ха... Комен зи... Пауль... Пауль...» Я несколько раз выстрелил. Могильная тишина. Осторожно отступаю вдоль стены. Снова хохот. Закладываю вторую обойму, бью во все стороны. «Пауль» хохочет — и только.

Достиг двери, она не поддается. Держу в одной руке пистолет, в другой — гранату, а ногами стараюсь вышибить дверь, но она крепка. Помогли мне разведчики, услыхавшие выстрелы и шум. Дверь сломали, я по лестнице выбрался из подземелья. Отдышался, рассказал. Мы спустились обратно, осветили подвал. Раздался дружный хохот: «Пауль» сидел в металлической круглой клетке, которая была подвешена к потолку погреба. Это оказался белый попугай какаду...

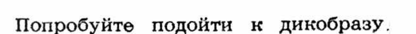

Нежное семейство белых медведей.

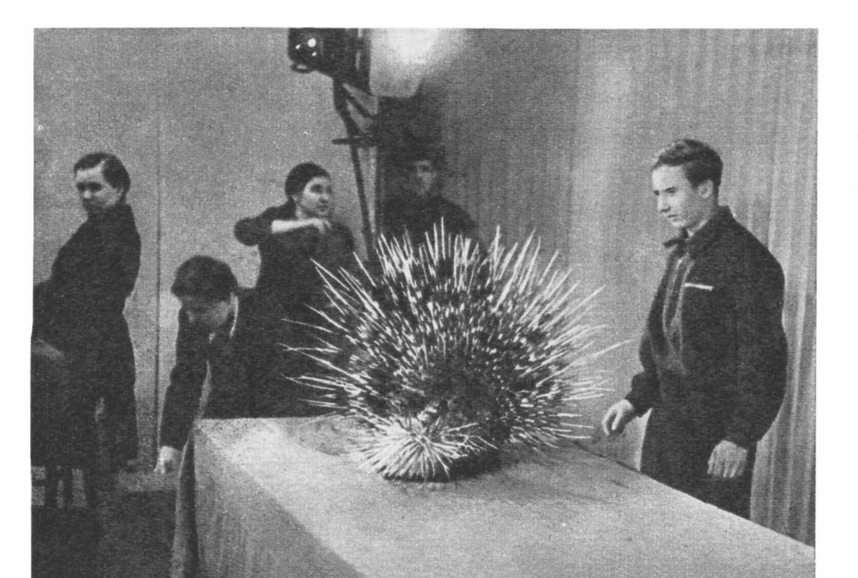
Гибель Молли

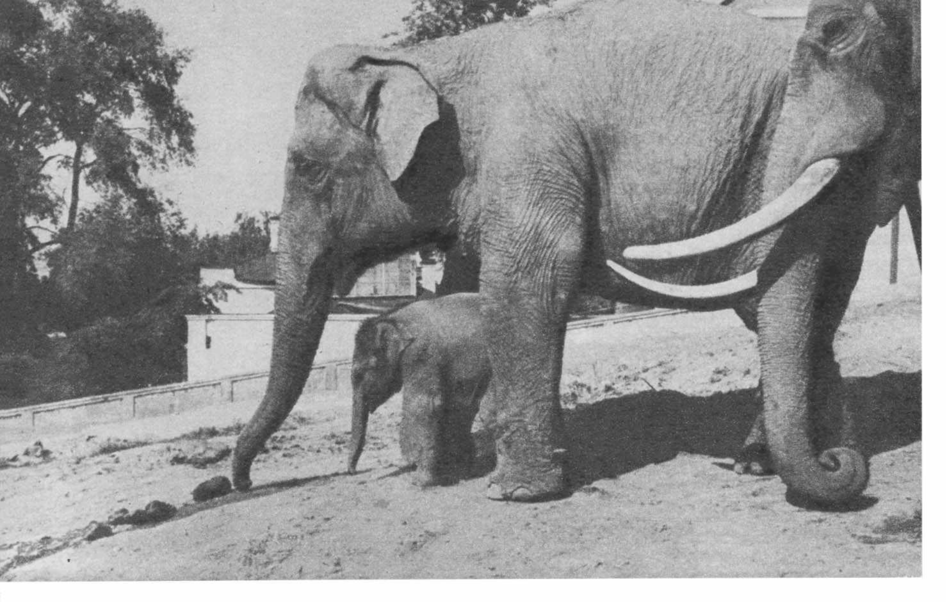
Несколько лет назад по Москве разнеслось печальное известие о гибели слонихи по кличке Молли, известной многим жителям столицы. Она впервые в истории зоологических парков страны родила в неволе слоненка, которого пионеры города назвали Москвичом.

Гибель Молли — столь необычное происшествие, что о нем невозможно было тогда поведать по телефону десяткам сочувствующих.

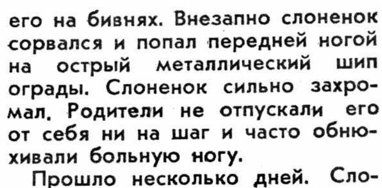
Слониха Молли долго жила в нашем парке вместе с огромным самцом по кличке Шанго, который здравствует и сейчас. Когда их первому сыну исполнилось че-


Попробуйте подойти к дикобразу.





Молли с сыном Каратом.



тыре года, родился второй слоненок; его назвали Карат. Это был очень забавный и резвый малыш (малыш, конечно, относительное понятие: уже при рождении он весил 100 килограммов).

Слоны очень привязаны к своим детенышам. Молли и Шанго ревностно оберегали Карата. При первой кажущейся опасности Молли издавала громкий трубный звук, и слоненок моментально прятался у нее под брюхом, где его защищали четыре ноги и длинный хобот. Любил повозиться с Каратом и папаша. Вот он развалился на песке, Карат забрался на него передними ногами; вот они в воде, своими массивными бивнями Шанго поднимает слоненка и покачивает его, как бы приучая плавать. Дружная семья отлично проводила время. Карат быстро рос, к его услугам был открытая солнечная площадка, большой водоем, обильный и разнообразный корм, сладкое молоко матери.

Беда пришла неожиданно.

Шанго, играя с сыном, поднял его на бивнях. Внезапно слоненок сорвался и попал передней ногой на острый металлический шип ограды. Слоненок сильно захромал. Родители не отпускали его от себя ни на шаг и часто обнюхивали больную ногу.

Прошло несколько дней. Слоненок заскучал, на ноге появилась опухоль. Немедленно был созван консилиум. Но Карат перестал подпускать к себе врачей, осмотреть внимательно ногу не удавалось. Все же сотрудники ухитрялись поливать больное место теплой водой и смазывать мазью. Опухоль продолжала увеличиваться. По заключению хирурга, необходимо было поймать слоненка и, если потребуется, вскрыть нарыв. Вывести малыша для осмотра в другое помещение было невозможно: родители разнесли бы все ограждения и стены помещения. Молли ни днем, ни ночью не отходила от слоненка. Даже когда он был здоров и прятался от нее, она буйствовала — била хоботом о землю, пронзительно трубила и становилась опасной для всех окружающих.

Шанго отделили от семьи и перевели в соседний загон. Он мог видеть слониху и слоненка, ощупывать их хоботом, этого было достаточно, чтобы он не волновался. Загон матери и сына граничил с небольшой площадкой, обнесенной металлической оградой. Загон и площадка были разделены массивной перегородкой из толстых рельсов.

Операция началась ранним утром; в помещении слоновника находилась группа сотрудников и врачи. Сахаром и яблоками Карата заманили на площадку и закрыли дверь. Молли стояла спокойно, наблюдала. Шанго находился на улице. Надо было поймать слоненка веревочной петлей за здоровую ногу, подтянуть к решетке и дать возможность хирургу ощупать опухоль.

Карат попал здоровой ногой в петлю, веревку натянули. Сантиметр за сантиметром мы подтягивали Карата к решетке. Молли по-прежнему сохраняла спокойствие, но внимательно следила за сыном. Он чуть сопротивлялся, молча подвигаясь к нам. Один из сотрудников был наготове в случае необходимости перерезать веревку острым ножом.

Вот Карат у решетки, его хобот обшаривает наши карманы, он достает сахар и яблоки. Рука врача протянулась к ноге. И тут произошло неожиданное: слоненок дико закричал и затрубил — это был сигнал крайней опасности.

Веревка моментально перерезана. Но поздно. Сигнал слоненка привел мать в необычайную ярость. Слониха согнула задние ноги, затрубила в ответ и бросилась на ограду. Ударом головы Молли вышибла стальную балку с ее перекладинами и застряла между рельсами. Она пыталась вытащить голову обратно, но ее огромные уши завернулись и мешали. Дернув головой несколько раз, слониха легла. Карат ласкал ее хоботом, ничего не понимая.

Срочно был привезен автогенный сварочный аппарат, вызвана бригада слесарей и приняты меры к освобождению слонихи. Люди перепиливали, разбивали и пережигали балки. Через тридцать — сорок минут ограда была разрушена. Молли освобождена. Но она не встала, а лишь отползла, тяжело дыша, улеглась на бок.

К середине ночи ей стало лучше. Слониха подпустила меня, лежа съела несколько яблок, взяв их из рук. Но вскоре она сильно дернулась и замерла навсегда.

Все мы, служащие зоопарка и приглашенные врачи, были в подавленном состоянии. Те, кто любит животных и соприкасается с ними, хорошо поймут меня.

Карат долго еще болел, но в конце концов поправился. Теперь он стал большим. Слон находится в одной из передвижных зоовыставок Главного управления цирков и гастролирует по стране с группой животных.

Носорог Замба охотно позирует.

Маур в Мелитополе

После гибели Молли перед зоопарком встал вопрос о приобретении слонихи. В пределах СССР в то время подходящей не оказалось (это сейчас в наших парках, в садах и цирках содержится более пятидесяти слонов). Началась переписка с заграницей. Ранней весной группа сотрудников выехала в Мелитополь осматривать прибывшую подругу нашему Шанго. В Москве было холодно, решили подержать слониху в Мелитополе, где базировался один из передвижных зоопарков. По документам было известно, что слонихе лет двадцать пять, она долго работала в цирке, кличка ее — Маур, хотя это больше подходило к самцу.

Прибыв в Мелитополь, мы прежде всего справились о слонихе. Вагон под разгрузку еще не подавали. Передвижной зоопарк находился в другом конце города. Там ждали прибытия слонихи, но по неопытности ничего для нее не приготовили, ограничившись тем, что вбили в землю большой кол с кольцом. Пришлось срочно организовать постройку навеса, настила и укрытия.

Потом нам сообщили, что вагон подан к разгрузочной площадке. Уже издали мы увидели вагон — он покачивался из стороны в сторону: это слониха, уставшая стоять в пути, переминалась с ноги на ногу. От проводника мы узнали, что Маур во время пути причинила ему неприятности. На пограничной станции при перегрузке она оборвала цепь, вышла на вокзальную площадь, потоптала несколько клумб, свалила декоративные вазы; ее с большим трудом удалось завести обратно в вагон. И все же по характеру, как решил проводник, она была добродушная.

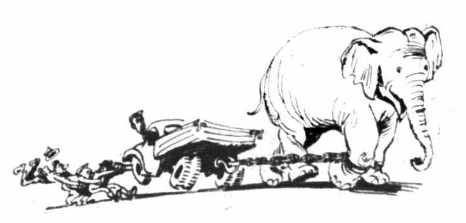
Для безопасности слонов водят по городу за грузовой машиной на толстой цепи. Подошла заказанная нами машина. Шофер чувствовал себя не особенно уверенным. В вагоне слониха дала освободить переднюю ногу. Цепь внимательно осмотрели и снова надели, другой конец прикрепили к буксирному крюку машины, усилив цепь стальным тросом. Маур ласково обнимала нас по очереди хоботом и приподнимала.

Участок охраняли несколько милиционеров на мотоциклах. Дана команда шоферу, он завел мотор, машина медленно тронулась. Цепь натянулась, слониха вышла на платформу. Она осмотрелась, ощупала хоботом борт машины, крюк, задний мост, колеса и внезапно попятилась назад, рванулась с такой силой, что буксирный крюк переломился. Маур пошла по платформе. Метров через двадцать она остановилась, сделала «свечку» и направилась к воротам, ведущим в город. Неизвестно, куда исчез шофер, а один из любопытных, обхватив руками и ногами телеграфный столб, пытался залезть на него и не мог.

Мы пробовали уговорить слониху, заманивали ее в станционный двор, пытались прикрепить к чему-нибудь конец цепи. Слониха уверенно шла вперед. Она чуть задержалась в воротах, сломала перекладину и очутилась на шоссе. Сахар и конфеты не помогали, слониха не останавливалась. Внимание Маур привлек колодец. Слониха подошла, обследовала его хоботом. Мы поняли, что она хочет пить. Пока Маур утоляла жажду (на это потребовалось пятнадцать полных ведер), проводнику удалось вставить в звено цепи трос и замотать его вокруг дерева.

Остановили машину, опять прикрепили цепь и трос. Машина выехала на шоссе, и слониха спокойно пошла следом. Однако метров через пятьдесят она повернула к вокзалу и потащила за собой грузовик. Это могло кончиться вывихом ноги. Хорошо, что трос и цепи не выдержали — лопнули.

Поняв свое превосходство над нами, слониха совсем вышла из повиновения. Она свалила не-



сколько телефонных столбов, вырывала деревья, сломала несколько заборов. Потом отправилась по направлению к городу. Сзади скопилось уже много грузовых и легковых машин, водители не пытались объехать Маур. Машины, едущие навстречу, моментально съезжали на обочину.

Лишь изредка останавливаясь, чтобы потереться о столб или взять из наших рук сладкое — по дороге мне пришлось купить килограммов пять конфет, — слониха продолжала свой путь, приближаясь к городу. Мы уже изрядно утомились, я чуть поотстал, однако все время внимательно наблюдал за слонихой. Вижу, как Маур остановилась и двинулась к церкви. Бегу изо всех сил. Слониха подошла к ступеням. Что же будет, если она войдет в церковь? Двери церкви открыты, из них доносится пение хора, собравшиеся стоят спиной к дверям, не замечают, как сзади с любопытством покачивается хобот. Вдруг Маур встает на передние ноги и повторяет номер на вокзале — делает «свечку». Потом такую же на задних ногах.

Но с наступлением темноты поведение слонихи изменилось. Она успокоилась, дала взять себя за ухо, пошла за проводником. Маур, собственно, не буянила: просто, будучи цирковой артисткой, она решила повеселиться. Но от этого веселья мы еле держались на ногах от усталости.

В наш зоопарк слониха не попала, возраст ее оказался намного больше, чем значилось в документах. Сейчас она живет в Средней Азии.

О тиграх

Большой тигровый загон зоопарка. Здесь в любое время года можно увидеть красавцев тигров. Размеренно шагают они по краю глубокого рва, исподлобья поглядывая на посетителей.

Тигрица Гейша с раннего возраста общалась с людьми, позволяла даже мыть себя в ванне. Со временем такие манипуляции стали рискованны, но Гейша оставалась ласковой к многим сотрудникам парка. Завидев людей, с нежным урчанием терлась она мордой о решетку и совсем не походила на хищника. Когда у нее появились первый раз тигрята, она не умела их кормить и разрешала поить их из сосок, не обращая на людей никакого внимания. Кошка, да и только! Отец тигрят Тайфун не был таким кротким, но также считался сравнительно спокойным. Гейша и Тайфун были пойманы в Южном Китае и присланы к нам из Пекина.

По соседству с ними жили уссурийские тигры. Они значительно больше по размерам, сильнее, характер у них строгий. Обе пары жили рядом, но никогда не видели друг друга, а только чувствовали присутствие соседей по запаху. Гулять их выпускали по очереди.

Однажды утром, еще задолго до открытия парка, служащие услышали страшный рев в тигровом загоне. Тигры разломали решетку и, выскочив на площадку загона, бросились в схватку. Тут-то мы узнали, как может быть обманчиво поведение животного. Самая маленькая и самая спокойная из четверки, Гейша, яростно набросилась на свою соперницу — уссурийскую тигрицу Нельму, лапами сбила ее с ног, прокусила горло и сбросила в ров. Нельма не успела даже защититься. Тайфун помогал подруге. Зато Амур, несмотря на огромный рост и силу, оказался трусом, позорно бежал и забился в клетку.

Гейша — и сейчас ласковая и кроткая тигрица. Мало изменился в поведении Тайфун. А Амур вот уже в течение нескольких лет ведет себя трусливо, прячется и рычит из укрытия, когда кто-либо из сотрудников приближается к его помещению.

В Советском Союзе тигр встречается только на Дальнем Востоке — в уссурийской тайге. Охота на тигров и отлов их запрещены законом, чтобы сохранить в природе это интересное животное. Некоторые, естественно, спросят: для чего нужен кровожадный разбойник? Такое представление о тигре неверно. Ученые-зоологи и натуралисты-исследователи почти не знают ни одного достоверного факта нападения тигров на людей у нас на Дальнем Востоке. Тигр отважится броситься на человека лишь тогда, когда тот сам проявляет активные действия против зверя. Как известно, не только тигр, а любое животное всегда защищает себя при опасности и особенно при угрозе его потомству.

Тигр Амур «на свободе».

В Индии

Два года назад мы получили приглашение принять участие в торжествах по случаю столетия старейшего в Индии Мадрасского зоопарка.

Наступил день отлета. Моими спутниками были северные жители — белый медвежонок и таежная росомаха, а также голуби — подарок Мадрасскому зоопарку. На аэродром я и еще один товарищ прибыли задолго до отлета, чтобы погрузить в «ИЛ-14» своих подопечных. Бережно установили вместе с летчиками клетки в хвосте машины и накрыли их большим брезентом. Маскировка полная, только воздух в кабине сразу изменился — не помогли даже два флакона одеколона, которые я прихватил с собой.

Самолет подрулил к аэровокзалу, началась процедура посадки. Первым по трапу поднялся какой-то европеец. Войдя в кабину, он сделал гримасу и, сев на свое место, долго оборачивался и все нюхал воздух. Так и не поняв, в чем дело, он сосредоточил свое внимание на газете. Так же примерно вели себя и остальные пассажиры.

Заревели моторы, мы в воздухе, курс на Ташкент. Глубокая ночь, большинство пассажиров, откинув спинки кресел, спят. Но долго спать им не пришлось. Медвежонок молчал, молчал и внезапно так заревел, что, казалось, его и на земле услышат. Поднялся переполох, послышалась взволнованная английская, французская речь. Стоило больших трудов успокоить пассажиров, объяснить им, что никакой опасности наш груз не представляет.

На следующий день мы уже были в столице Индии — Дели.

Отдохнув в Дели, осмотрев его достопримечательности, мы отправились в Мадрас поездом. Дорога оказалась утомительной, особенно для белого медвежонка и росомахи. Жару в 40—50 градусов они никогда не испытывали, переносили ее с большим трудом. На каждой остановке приходилось бегать в багажный вагон, поить их и поливать. Наконец Мадрас. У нас — отличная гостиница, у медвежонка — большой бассейн, у росомахи — клетка с искусственным льдом.

Утром мы поехали в зоопарк. Директор и врач заранее составили программу осмотра с тем расчетом, чтобы нам не было скучно. Первое развлечение такое. Нас подвели к большой клетке, в которой содержались два взрослых леопарда (эти животные очень злобны по характеру и плохо приручаются, редко кто из дрессировщиков умеет с ними работать). Директор парка что-то сказал сопровождающему рабочему, тот передал ему ключи. Щелкнул замок, нас пригласили войти в клетку, пропуская вперед, как гостей. Выражение лиц хозяев такое, словно в клетке не два хищника, а веселая компания друзей. О выражении моего лица я уже не говорю.

Все же я шагнул, за мной вошел директор парка доктор Романжулю. Леопарды насторожились, вытянули шеи и втягивали воздух с новыми для них запахами. Понравлюсь ли я им? Директор подозвал леопардов, они радостно бросились к нам под ноги и, перевернувшись на спину, вызывали на игру — хорошенькое дело, так и столетие зоопарка не отпразднуешь!

Хозяева парка подвели нас к слонам. Они были покрыты яркими шелковыми попонами, голову и хобот украшали до блеска начищенная сбруя и большие медные бляхи. Погонщик сказал несколько отрывистых слов, слон согнул одну из передних ног в колене, приглашая встать на нее, как на ступеньку. Не успел я это сделать, как он подхватил меня хоботом и забросил к себе на спину. Я едва удержался, но усидел.

В большом загоне мы увидели самого крупного из всех живущих на земле носорогов — ассамского носорога. Толстая кожа его образует несколько складок на туловище, создается впечатление, что животное покрыто броней. Ассамских носорогов в природе осталось всего несколько сот, в Индии они охраняются особым законом. Рабочий, который ухаживал за носорогом, быстро перескочил через ограду загона, забрался на спину животного и жестами стал показывать, чтобы мы последовали его примеру. Но с меня было достаточно, я отказался, хотя все присутствующие поддерживали приглашение. Достаточно потому, что перед осмотром носорога я еще испытал удовольствие покататься на верблюде, который сбросил меня вместе с седлом...

Прошли дни знакомства с зоопарком, закончились приемы, мы тепло простились с новыми друзьями, поблагодарили их за радушный прием и уехали обратно в Дели.

...С наступлением темноты закрываются ворота Московского зоопарка. Ушли последние посетители. Заснуло большинство обитателей парка: после сытного ужина льву и тигру, удаву и соболю не надо выходить на охоту. Ухает лишь филин да подвывают гиены: никак не привыкнут к режиму.

Кажется, можно отдыхать и сотрудникам парка. Если только не подерутся вдруг зубробизоны, не прибудут на аэродром новые звери, не народится ночью какой-нибудь малыш. Да мало ли этих «если» в нашем беспокойном хозяйстве!

НА ФИНИШЕ XXV ШАХМАТНЫЙ ЧЕМПИОНАТ СССР

Сало ФЛОР

Небывало бурные события развернулись в конференц-зале Дома науки в четвертой неделе чемпионата. Она принесла радость М. Талю и Б. Гургенидзе, но разочарование прежде всего Е. Геллеру — первому лидеру в этом турнире.

Некоторые происшествия хочется зафиксировать в форме дневника.

3 ФЕВРАЛЯ.

Понедельник — тяжелый день, к тому же еще 13-й тур. Некоторые его «осторожно» называют туром № 12-А.

Во встрече М. Таля с М. Таймановым у Таля не видно было путей для достижения победы, но Тайманову «удалось» найти единственный путь... к проигрышу. Что и говорить, сильно расстроился Тайманов, очень сильно.

Еще бы, шансы у обоих гроссмейстеров были примерно равные: оба они могли попасть в четверку, которая поедет в Порторож на межзональный турнир. После такой неудачи хорошо бы окунуться в Рижское море, но до купального сезона далековато.

Победой над А. Гипслисом смело играющий Гургенидзе начал продвижение вперед.

Очки нужны всем участникам позарез. Это обстоятельство заставило Д. Бронштейна «задушить» своего давнишнего шахматного друга И. Болеславского.

В партии Б. Спасский — А. Суэтин решал последний контрольный ход. Суэтин имел возможность сделать один хороший или один плохой ход. На счастье Спасского, Суэтин сделал плохой. Следует сказать, что симпатичный молодой гроссмейстер Спасский часто и охотно идет на риск, и небольшому турнирному счастью его не нужно завидовать.

4 ФЕВРАЛЯ.

После шести ничьих подряд Т. Петросяну стало скучно, и он решил применить новую, куда более эффективную систему: один выигрыш и затем одну ничью. О проигрыше Петросян и думать не хочет. В превосходном стиле он заматовал Гипслиса.

Ошиблись «знатоки» (в том числе и я), которые предсказывали, что на этот раз гроссмейстеры «не дадут ходу» мастерам. Чем дальше, тем чаще заговаривали про Гургенидзе. Еще бы! Он победил лидера турнира Спасского. На этот раз молодому гроссмейстеру не повезло: при откладывании партии Спасский записал самый плохой ход и в результате вынужден был расписаться в своей капитуляции. Это очень неприятная процедура.

«С Талем все играют, как загипнотизированные», — говорят некоторые неудачники. Геллер, например, желая избежать ничьей, допустил грубейшую ошибку, а после ответного хода Таля схватился за голову.

Турнир проходит в напряженной обстановке. Кое-кто из участников уже заметно устал, все чаще встречаются и ошибки и просчеты. Есть примеры «шахматной слепоты»: обидное поражение Геллера в партии с Талем — самое трагическое. Блестяще стартовавший Геллер два — три дня не мог опомниться от «зевка». Это явно сказалось на его игре в следующих двух турах.

6 ФЕВРАЛЯ.

Двое пострадавших от Таля — Геллер и Тайманов — играют между собой. Геллер предпринимает последнюю попытку попасть в четверку для зонального турнира. Превосходно проведя первую часть партии, он в цейтноте упускает выигрыш. Ничья. Она не нужна ни Геллеру, ни Тайманову.

А. Толуш старался отомстить Гургенидзе за своего подопечного Спасского, однако из этого ничего не вышло. Гургенидзе одержал важную третью победу подряд. И ему удалось «вклиниться» в группу лидеров гроссмейстеров на так называемом «порторожском фронте».

Лидеры чемпионата Петросян и Спасский разошлись мирно. После головоломных осложнений Таль сыграл вничью с талантливым куйбышевским мастером Л. Полугаевским.

7 ФЕВРАЛЯ.

Произошла смена лидеров. Спасский сделал только ничью с А. Банниковым (и то хорошо — могло быть хуже), а Петросян «по расписанию» сегодня одержал довольно легкую победу в партии с Толушем.

Лидирует Петросян. Явно деморализованный Геллер потерпел еще одно поражение, от Полугаевского.

Волнение принесла партия Таля с С. Фурманом. В зале загудели. Сначала рижане восторгались действительно блестящей игрой Таля. Фурман же — один из наших лучших теоретиков, «живая шахматная энциклопедия», как мы его называем,— часто задумывался над решением сложных задач. Шахматисты нередко попадают в цейтнот, но такого цейтнота мне никогда не приходилось видеть. В выгодной позиции Таль хочет поскорее закончить партию, но допускает такую ошибку, после которой картина резко изменилась в пользу Фурмана. Фурману остались считанные секунды, чтобы сделать 8 ходов. Успеет ли Фурман физически сделать столько ходов за несколько секунд? Нет, не успел. На 38-м ходу флажок упал. Вздохнули поклонники Таля. Но аплодисменты были весьма жидкие.

Зрители понимали, что Таля от поражения спас маленький флажок.

Одна рижская газета подробно описала волнение зрителей. «Привычка Таля — «балансирование на канате» — вызывает законную тревогу его почитателей»,— писала газета. Но мне кажется, что хождение по канату вызывает тревогу и у лидеров турнира. Баланс последних туров для Таля блестящий: он отстает от Петросяна только на пол-очка. На «бис» шахматной Риги Таль хочет повторить номер, который ему удался в прошлогоднем чемпионате.

10 и 11 ФЕВРАЛЯ.

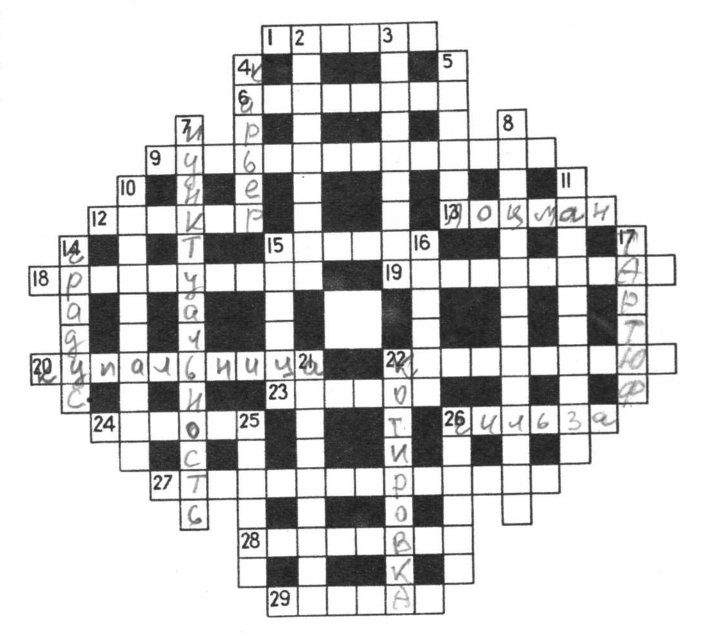
Если 17-й тур не внес существенных изменений в группе лидеров, то предпоследний, 18-й тур не обошелся без сенсаций.

А. Котов всегда рад пошутить. Он славится тем, что может испортить настроение кому угодно из гроссмейстеров. Достаточно вспомнить его знаменитые победы над М. Ботвинником и М. Эйве в Гронингене в 1946 году и над В. Смысловым в 1953 году. Сегодня Котов опять отличился. Б. Спасский не так скоро забудет проигрыш Котову. Рижане устроили Котову овацию.

Когда читатели «Огонька» прочтут эту информацию, будет уже известно, кто чемпион и кто вышел в «порторожскую четверку».

Рига.

КРОССВОРД



По горизонтали:

1. Соединение встречных горных выработок. 6. Водный раствор, не замерзающий при низких температурах. 9. Вид киносъемки. 12. Представитель населения автономной республики. 13. Проводник судов. 15. Жанр поэзии. 18. Строительный рабочий. 19. Устройство на животноводческой ферме. 20. Растение семейства лютиковых. 22. Прибор для сличения мер длины. 23. Советский писатель. 24. Рассказ А. И. Куприна. 26. Корпус артиллерийского снаряда. 27. Отрасль машиностроения. 28. Остров у западных берегов Канады. 29. Певец-бард, герой кельтского эпоса.

По вертикали:

2. Советский гроссмейстер. 3. Картина Н. А. Ярошенко. 4. Быстрый конский бег. 5. Город на Украине. 7. Точность, аккуратность. 8. Воспроизведение рисунков на хлопчатобумажной ткани. 10. Болгарский писатель. 11. Полоса частот электромагнитных колебаний при передаче сигналов связи. 14. Единица измерения углов, дуг. 15. Курорт, основанный при Петре I. 16. Живописец-баталист, народный художник РСФСР. 17. Комедия Мольера. 21. Ископаемая птица. 22. Установление курса валюты, ценных бумаг. 25. Сказка Андерсена. 26. Название горных хребтов с зубчатыми гребнями.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

7. Коненков. 8. Богатырь. 9. Сирия. 10. Удача. 12. Бурея. 15. Артек. 16. Сорокопут. 18. Монблан. 19. Номинал. 20. Венгр. 21. Дробь. 22. Омуль. 26. Нигер. 28. Брезент. 30. Физалис. 31. Детонация. 32. Терем. 34. Конус. 35. Купол. 36. Гипюр. 37. Реквизит. 38. Биология.

По вертикали:

1. Ползунов. 2. Унция. 3. Полигон. 4. Нокдаун. 5. Парча. 6. Бракераж. 9. Сербия. 11. Арбитр. 13. Котельников. 14. Конгломерат. 16. Самарканд. 17. Топология. 23. Казбек. 24. Статор. 25. Арсеньев. 27. Хирургия. 29. Тенорит. 30. Финикия. 33. Мумия. 34. «Кюхля».

Коля хочет иметь свою мебель

К фотографиям на второй странице обложки

Стоит пройти по залам Всесоюзной художественной выставки, в которых показано декоративно-прикладное искусство, чтобы убедиться, как много выдумки, практического смысла и вкуса проявляют художники, создавая вещи домашнего обихода.

В разделе декоративного и прикладного искусства больше всего привлекает внимание уголок детской мебели. Вот где больше всего народа, вот где идет оживленный обмен мнениями! Впрочем, если говорить точнее, никакого «обмена» нет, есть только одно мнение: надо, чтобы такая мебель была в продаже.

Маленький мальчик пробрался между взрослыми, шагнул на невысокий постамент и очутился в красивом детском уголке среди игрушек, около мебели, которая была ему «по росту». Взрослые понимали, что Коля, которого окликала мать, нарушает правила выставки. Но его фигурка выглядела около детского шкафа так «органично», так удобно он уселся за маленький стол, что никто не решился сделать ему замечание.

— Мама, возьмем это домой,— сказал малыш, обводя взглядом столик, стулья, детский шкаф. Колина мать пошла к директору выставки и узнала, что детская мебель, которая находится в экспозиции, существует пока в единственном экземпляре — это дипломные работы выпускников Ленинградского училища имени В. И. Мухиной. Дипломы защищены — теперь надо будет добиться, чтоб талантливые работы были приняты для производства мебельными фабриками.

Вот стол-парта. Он необходим дома каждому маленькому школьнику.

Стол для занятий и стул созданы Ю. Антоновым. Они занимают очень мало места, просты для выполнения. Их можно было бы делать нескольких размеров, для школьников разного возраста. Производство стола-парты найдет горячую поддержку у детских врачей, у педагогов, родителей и, надо надеяться, у руководителей мебельных фабрик. Сейчас Украинский деревообделочный комбинат начал выпускать гарнитуры мебели для дошкольников. Это — прекрасное начинание. Но неплохо задуманные по форме кровать, шкаф, стулья в производстве приобрели неприятную красную отделку, краска нанесена небрежно, аляповато.

Вещи, с которыми ребенок сталкивается в детстве, запомнятся и полюбятся ему на всю жизнь. Окружающие его предметы — один из путей воспитания вкуса ребенка. Художники приблизили свое творчество к требованиям жизни. Они думают о красивой и простой форме вещей и об их недорогой себестоимости.

Теперь дело за производством.

Н. СВЕТЛОВА

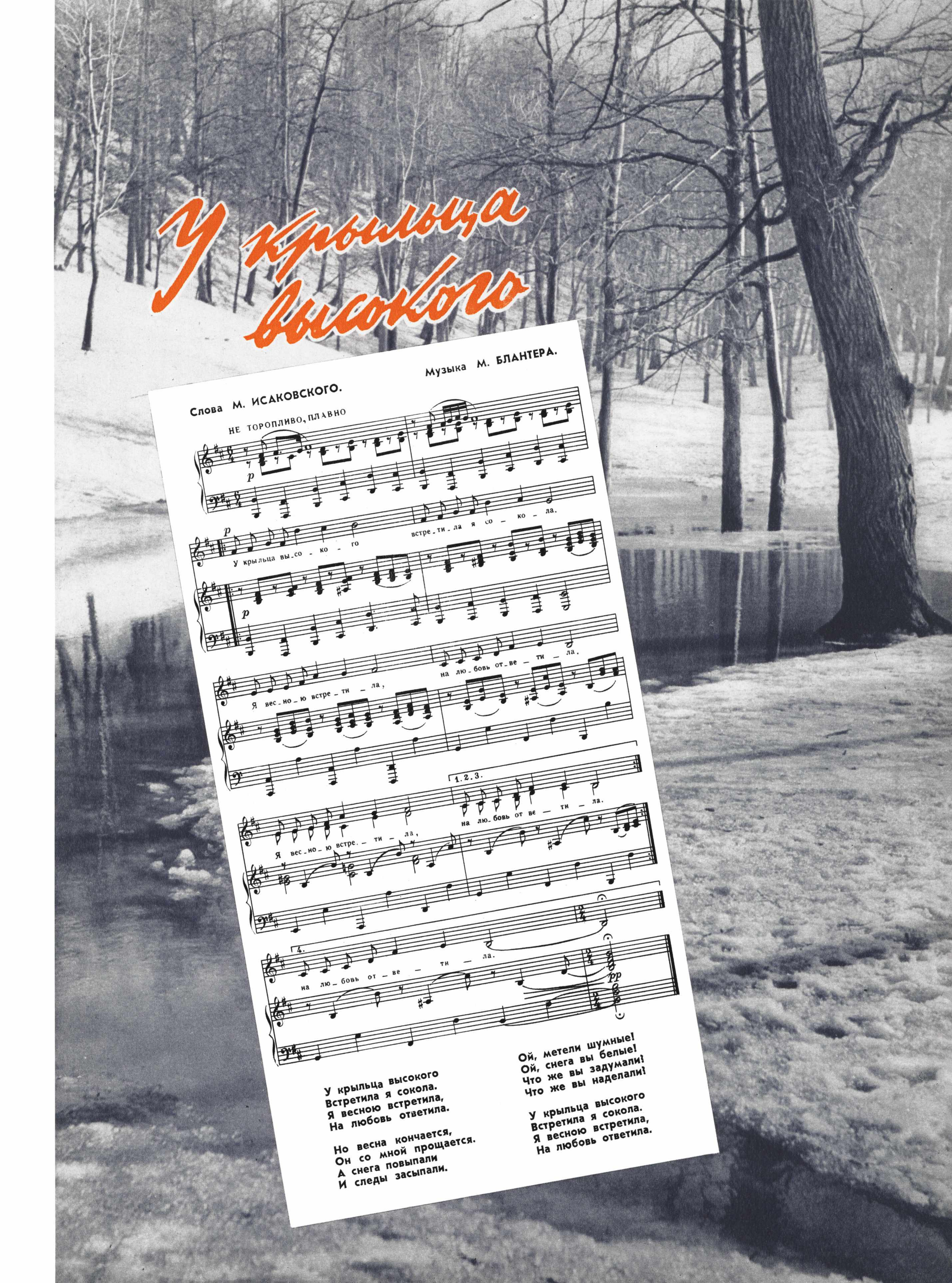
На вкладке этого номера репродукции картин: Г. Мясоедова — Бегство Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе, И. Шишкина — Вид в окрестностях Дюссельдорфа, А. Саврасова — Вид в Ораниенбауме, И. Хруцкого — Натюрморт. Две страницы работ Н. Долгорукова из серии «За Родину» и две страницы иллюстраций Е. Рачева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00938. Подписано к печати 12/II 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 9. Заказ № 99.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

У крыльца высокого
Слова М. ИСАКОВСКОГО.
Музыка М. БЛАНТЕРА.
НЕ ТОРОПЛИВО, ПЛАВНО
У крыльца вы-со-ко-го встре-ти-ла я со-ко-ла.
Я вес-но-ю встре-ти-ла, на лю-бовь от-ве-ти-ла.
1.2.3.
Я вес-но-ю встре-ти-ла, на лю-бовь от-ве-ти-ла.
4.
на лю-бовь от-ве-ти-ла.
У крыльца высокого
Встретила я сокола.
Я весною встретила,
На любовь ответила.
Но весна кончается,
Он со мной прощается.
А снега повыпали
И следы засыпали.
Ой, метели шумные!
Ой, снега вы белые!
Что же вы задумали!
Что же вы наделали!
У крыльца высокого
Встретила я сокола.
Я весною встретила,
На любовь ответила.

Цена номера 3 руб.